

062

h23

**ИСЛАМ КАРИМОВ -
ПРЕЗИДЕНТ НОВОГО
УЗБЕКИСТАНА**

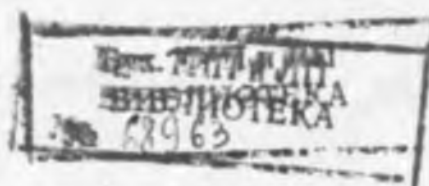
1996

66.2(54)

К-23

Леонид Левитин
в
сотрудничестве с Дональдом С. Карлайлом

ИСЛАМ КАРИМОВ - ПРЕЗИДЕНТ НОВОГО УЗБЕКИСТАНА

Республика Австрия

Федеральный канцлер

С распадом Советского Союза среднеазиатский регион переместился с периферии в центр политического интереса мирового сообщества.

Вновь образованные страны региона столкнулись с большими проблемами: необходимостью преодоления наследства коммунизма, создания рыночной экономики, мощной инфраструктуры, современного управленческого аппарата.

Одновременно необходимо укреплять демократию и принципы правового государства во всех сферах жизни, увязывая их с тысячелетней историей и с многообразными культурными традициями каждой отдельной страны.

Это большие, сложные задачи, которые трудно решить за несколько лет.

Вот почему важно познакомиться с людьми, участвующими в этом комплексном процессе трансформации в качестве политических деятелей и отвечающими за него.

Президент Каримов, как никто другой, представляет это новое поколение государственных деятелей. Тем самым эта книга восполняет информационный пробел, знакомя широкие слои общественности со становлением и политическими перспективами одного из крупнейших политических деятелей этого столь важного для Европы и всего мира региона.

Франц Враницки

Леонид Левитин
в
сотрудничестве с Дональдом С. Карлайлом

ИСЛАМ КАРИМОВ -
ПРЕЗИДЕНТ НОВОГО
УЗБЕКИСТАНА

Леонид Левитин - доктор юридических наук, заслуженный деятель науки и заслуженный юрист Кыргызской Республики. Был адвокатом, прокурором, заведывал кафедрой на юридическом факультете Кыргызского государственного университета. Работал проректором международной школы менеджмента и бизнеса в г. Бишкеке. После обретения Кыргызстаном государственной независимости Л. Левитин несколько лет был государственным советником Президента Кыргызской Республики. Участвовал в подготовке многих законопроектов и проекта Конституции Кыргызской Республики. В настоящее время живет в Федеративной Республике Германии, во Франкфурте-на-Майне

Дональд С. Карлайл - профессор исторических и политических наук, многие годы работал в университетах США и Канады (Висконсинском, Торонтском, Гавардском). Сейчас - профессор в Бостонском колледже и научный сотрудник Гавардского университета. Он автор ряда широко известных трудов по истории Узбекистана и его современной политической жизни. Д. Карлайл - один из видных американских специалистов по политическим проблемам Средней Азии, консультант Организации Объединенных Наций.

ПРЕДИСЛОВИЕ

(Дональд С. Карлайл)

Это - значительное исследование, выполненное незаурядным человеком. Мне доставляет честь быть к нему причастным. Позвольте мне объяснить свою роль и вклад в данный манускрипт. Я познакомился с др-ом Леонидом Левитиным в июне 1994 года, когда я находился в Бишкеке несколько недель в качестве консультанта программы развития ООН. Ранее много слышал о нем, как о талантливом и энергичном человеке и знал его тесные связи с Президентом Акаевым, который глубоко уважал его политические советы.

Левитин и я почувствовали взаимную симпатию с первого момента. Меня поразили его эрудиция и энергичность. Что мне удивило и было неожиданным - его познание и глубокая заинтересованность в делах Узбекистана, главного объекта моих исследований. Более того, мы обнаружили, что мы оба восхищаемся Президентом Узбекистана, Исламом Каримовым. Мы понимаем трудности, с которыми он сталкивается при правлении своим государством. Левитин предложил тогда, что поскольку мы с ним имели очень близкие точки зрения и прекрасно дополняем друг друга, то мы должны совместно решать эти вопросы. Эта идея и перспектива посетить Каримова мне очень понравились.

В июле 1994 года мы вместе поехали на автомобиле из Оша в Андижан, а затем через Ферганскую долину прибыли в Ташкент. Там состоялась наша встреча с Президентом Каримовым, продолжавшаяся два с половиной часа. Мы обсуждали целый ряд тем. Мы с Левитиным решили совместно работать над книгой - исследованием об Узбекистане и Каримове. Позднее мы в сопровождении пресс-секретаря Каримова, Мухаммада Доста, поехали в Самарканд и соседний Ургутский район.

Летом 1995 года мы вернулись в Ташкент, чтобы обсудить нашу совместную деятельность. Мы привезли в Ташкент рукописи, составленные за прошедшее время. Они сильно различались в акцентах и освещаемых проблемах. Моя рукопись, "Узбекистан и Центральная Азия", затрагивала многие аспекты общей истории региона, исследовала источники Узбекистана и уклад жизни в нем, а также освещала современные события включая главы о Президенте Каримове. Работа же Левитина была целиком сконцентрирована на событиях прошедшего времени и деятельности Каримова. После многочисленных плодотворных обсуждений и критики работ друг друга, мы сошлись во мнении, что в действительности обе наши книги являются естественным результатом наших исследований. Наше сотрудничество будет продолжаться, на параллельных курсах, каждый из нас волен использовать результаты другого в своей книге, включая соответствующие материалы, с надлежащей ссылкой на источник.

Таким образом, оригинал рукописи, на котором основана данная книга, принадлежит Левитину. Это, в основном, его работа. Этот текст мы вместе обсуждали прошлым летом, на его основе написана его книга. Конечно, Левитин использовал выдержки из моего манускрипта и широко цитирует мои результаты там, где считал это уместным. Кроме того он приводит порой свое толкование моих взглядов и часто ссылается на наши совместные исследования летом 1994 и 1995 годов.

Получить поддержку исследователя такого ранга как Левитин убедительно и лестно. Прожив долгое время в Средней Азии и будучи хорошо знаком с Президентом Акаевым, Левитин располагает уникальной возможностью анализировать последние события. Особенно важным - действительно уникальным - является восприятие Левитиным кровавых событий июня 1990 года в Оше и роль Каримова, государственного деятеля в ту пору. Согласно документальным данным, приведенным Левитиным, Каримов помог сдержать межэтническую трагедию, которая могла бы превратиться в кровавую войну во всей Ферганской долине, ввергая Кыргызстан и Узбекистан в настоящую войну.

Левитин, будучи местным жителем и очевидцем политических событий "изнутри", обладает решающим преимуществом по сравнению с нами - наблюдателями "со стороны", посещающими лишь изредко Среднюю Азию. Это позволяет порой к резким высказываниям и далекоидущим выводам, которых поостерегся бы более посторонний наблюдатель. Но позиция по своему уникальна, предлагая интуитивное понимание событий, к которым обычный академический наблюдатель с его стремлением к беспристрастности и взвешиванности суждений, может приблизиться лишь отдаленно.

Неожиданно и случайно пересеклись наши пути. В результате родилось взаимоуважение (при всем различии во взглядах), подлинное товарищество (когда бы мы ни встречались) и дружба (где бы мы ни были). Я очень рад нашему сотрудничеству и надеюсь, что в будущем Левитин напишет аналогичное предисловие и к моей версии с изложением результатов нашей совместной работы.

К ЧИТАТЕЛЮ (Леонид Левитин)

Хотелось бы начать книгу словами английского средневекового поэта Джона Донна: "Нет человека, который был бы, как Остров, сам по себе: каждый человек есть часть Материка, часть Суши: и если Волной снесет в море береговой Утес, а также, если смочит край мыса или разрушит Замок твой или друга твоего, меньше станет Европы, смерть каждого человека умаляет и меня, ибо я один со всем человечеством, а поэтому не спрашивай никогда: по ком звонит колокол: он звонит по тебе".

Процессы, происходящие сейчас в мире, подчиняются, что все более очевидно, двум прямо противоположным и вместе с тем взаимообусловленным закономерностям: дифференциации и интеграции. Распадаются государства, до высочайшего накала доходит противостояние различных цивилизаций и этносов, даже в одной стране, и наряду с этим - зримые и незримые нити с непреодолимой силой стягивают в единый узел близкие и далекие страны, сближают континенты.

В политическом сознании те же процессы: отчуждение, нежелание понять друг друга и, вместе с тем, острый, усиливающийся интерес друг к другу. Все же, полагаю, что понимание глобального единства нашего хрупкого и, в сущности, небольшого мира на пороге XXI века начинает все больше брать верх.

В дни, когда планета буквально сотрясается взрывами экстремизма, когда, несмотря на все старания мирового сообщества, люди продолжают убивать друг друга только потому, что они разной крови и разной веры, опыт посткоммунистического Узбекистана и политический портрет его лидера Ислама Каримова должны вызвать интерес на Западе прежде всего в силу того, что эта страна - одна из немногих на планете, где удалось потушить кровавые пожары межнациональных и межрелигиозных междоусобиц, где все более утверждается логика воли к созиданию, а не логика воли к разрушению.

Губит ли власть страну? Или, напротив, возвышает ее? Этот вопрос правомерно встает перед миллионами людей в каждом из государств, возникших на территории бывшего Советского Союза. И ответ на этот простой вопрос очень не просто дать. Такова громадная социальная плата за будущий экономический и, в целом, общественный прогресс.

Узбекистан - одно из очень немногих посткоммунистических государств, где экономика имеет приоритет над политикой, и вместе с тем повернута, насколько это возможно, лицом к простому человеку.

Узбекистан уникален и удивительно интересен и в историческом аспекте. Складываясь на перекрестке культурных, а затем и политических миров, эта страна испытала трудносовместимые влияния. И узбекскому народу еще предстоит представить себя миру и в своем древнем, и в своем новом политическом облики.

Необычайно колоритен и политический лидер Узбекистана, его Президент - Ислам Каримов. В нем сошлось то, что редко сходится в одном человеке: фанатическая вера в идею национального возрождения и полное отсутствие иллюзий, романтизм и трезвый политический расчет.

Сожаления достойно то, что на Западе и сегодняшний Узбекистан, и его лидер нередко воспринимаются в искаженном виде или о них мало знают.

Истина, как известно, познается в сравнении. Важно найти правильную систему координат. Для меня они представляются следующими: Узбекистан сегодня и вчера, Узбекистан и другие страны СНГ. И еще, очень важно рассказать об Узбекистане не только событийно, но, насколько это удастся, концептуально.

Такой подход может привести читателя к выводу, возможно несколько парадоксальному, о том, что именно в Узбекистане власть пытается спасти от дискредитации идеи демократии и рыночной экономики.

Может возникнуть вопрос: почему я, человек, всю свою жизнь проработавший в Кыргызстане, обратился к узбекской теме? Прежде всего, Узбекистан тоже мне очень близок. Я там жил и учился. Я очень обязан этому народу. У меня перед ним свой долг. Мне пришлось не единожды видеть и слушать Президента Узбекистана Ислама Каримова, беседовать с ним, изучать, в силу своих служебных обязанностей, многое из того, что сделано и делается им, как руководителем страны. Считаю его одним из самых ярких лидеров демократических революций конца этого столетия. Отсюда моя потребность поделиться мыслями о нем и его стране.

Когда я начал писать эту книгу, по счастливой случайности мне удалось встретиться с профессором из Гарварда Дональдом С. Карлайлом, который в это же время работал над книгой: "Узбекистан и Средняя Азия. Прошлое и настоящее в перспективе". В самом начале рукописи американского профессора были следующие слова: "Внимание западных исследователей Средней Азии должно быть привлечено прежде всего к Узбекистану, являющемуся наиболее значительной страной региона, и к его Президенту Исламу Каримову - самому выдающемуся из среднеазиатских посткоммунистических лидеров". Словом, налицо было совпадение принципиальных позиций и взглядов. Мы договорились, что по окончании работы обменяемся рукописями и каждый из нас может взять то, что считает нужным.

Не могу не сказать об одном человеке, которого по праву следует отнести к числу создателей книги. О Борисе Кандове - главе фирмы "Агротек" в Вене. Уроженец Самарканда, он живет в Австрии почти четверть века. За эти годы он стал заметной фигурой в деловом мире, известен в политических кругах. Сердце его осталось на родине, в Самарканде. Искренний патриот Узбекистана, движимый желанием способствовать его дальнейшему сближению с Западом, Б. Кандов обеспечил и материальную, и организационные стороны издания книги, причем на трех языках - английском, немецком, русском и в самый короткий срок. Убежден, если бы не он, выход книги в свет вообще был бы весьма проблематичным. Глубокая благодарность ему. Так появилась эта книга.

Содержание

	стр.
Глава 1: ШТРИХИ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ	
ПРЕЗИДЕНТА: "А ГЛАВНОЕ - БУДЬ ВЕРЕН САМ СЕБЕ"	1
Биографическая справка	1
У руля страны	3
Разбег	9
Кредо Президента: власть с позиции разума, добра, силы	13
Голоса других	20
Глава 2: АЛГОРИТМЫ ИСТОРИИ	
Запад есть Запад, Восток есть Восток	29
Особая цивилизация?	30
Народ, который старше своего имени	33
Через прошлое к будущему	37
Глава 3: В ПЕРЕХОДНОМ ПЕРИОДЕ: КТО СТАВИТ ТЕЛЕГУ	
ВПЕРЕДИ ЛОШАДИ?	43
У последней черты	44
Логика переходного периода в Узбекистане: не навредить	47
Не построив новый дом - не разрушай старого	50
Новые мотивы и цели	57
Крепкие дрожжи реформ	62
"Все флаги в гости будут к нам"	64
Через четыре года: Узбекистан сегодня	75
Глава 4 ГОСУДАРСТВО ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА:	
ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ	79
Эра демократии: новая версия утопии	79
Преддемократический авторитаризм или феодальная олигархия?	83
Между тоталитаризмом и либеральной демократией	86
Власть авторитета и авторитет власти	93
Парламентаризм: первые шаги	95
Правовая реформа: законы и люди	102
И снова о махалля	104
Легитимность власти: сегодня и завтра	107

	стр.
Глава 5: РАСШИРЯЮЩЕЕСЯ ПРОСТРАНСТВО СВОБОДЫ	113
Audiatur et altera pars	113
Какие свободы дарованы Создателем?	115
Свобода на оппозицию власти	119
Свобода слова и выражения мнений	128
Свобода вероисповеданий и совести	132
От провозглашения свобод к их гарантиям	135
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	141

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ШТРИХИ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ ПРЕЗИДЕНТА: "А ГЛАВНОЕ, БУДЬ ВЕРЕН САМ СЕБЕ"

Появился Ислам Каримов у руля страны на первый взгляд как-будто бы случайно. Однако такие случайности в истории повторяются то в одной, то в другой стране, то в одну, то в другую эпоху. В смутное, казалось бы безысходное время на поверхность общественной жизни неожиданно вдруг выплескиваются выдающиеся личности.

Общественной практикой многократно доказано, что на изломах жизни любого народа, на крутых переломных этапах его истории, народ вручает свою судьбу лидеру, наделенному особыми личностными качествами, лидеру, который самым фактом своего существования способен сплотить нацию, вселить в нее веру в успех возрождения и прогресса. Именно в этом смысле я понимаю известную максиму апостола Павла о том, что "всякая власть от Бога". Действительно, есть в этом некая высшая закономерность, некий высший смысл.

В августе 1994 года Дональд Карлайл и я были приняты Президентом И. Каримовым по вопросам, связанным с деятельностью ООН в Среднеазиатских республиках. В конце беседы Карлайл сказал: "Господин Президент, я хотел бы написать Вашу политическую биографию". Каримов ответил: "Не надо. Это никому не нужно. Ни мне, ни кому-то другому". "Но, я уточню, - сказал профессор, - может быть не биографию, а политический портрет". "Это не меняет дела, - сказал Каримов, - не надо писать ни политических биографий, ни политических портретов, а вот, если Вы расскажите о событиях, которые происходили в нашей стране в последние годы, это, скорее всего, представит интерес, это будет нужно людям. У нас и, возможно, в Вашей стране".

Это, в принципе, очень правильно. Однако совсем без биографии обойтись никак нельзя.

Биографическая справка.

Ислам Каримов родился в 1938 году в Самарканде в довольно бедной семье. Детство пришлось на войну, юность - на тяжелые послевоенные годы. Окончил школу в Самарканде. Обыкновенная школа. Небольшое типовое двухэтажное здание. Примечательно только то, что она напротив, через дорогу от великолепного архитектурного средневекового памятника, одной из узбекских национальных святынь "Биби-Ханум". В школе хотели сделать музей, посвященный И. Каримову, но он запретил. К счастью, в этой школе учился и будущий академик В. А. Коптюг. Появился повод сделать музей "школьной славы".

Все экспонаты о Каримове - три его фотографии. На одной он во втором классе. Бедно одетый мальчик среди таких же бедно одетых мальчишек и девчонок. Время было тяжелое. Другая фотография - 9 класс. Будущий Президент с товарищами мастерит авиамодель. И выпускная фотография. Парень как парень, ничего особенного. На мою просьбу - рассказать о детстве Президента - учительница, ответственная за музей, сказала: "Президент убедительно просил не выдумывать о нем никаких историй, стыдно будет и ему, и школе". Посчитаем эти слова за первый штрих к портрету Президента.

После школы - Ташкент, Политехнический институт. В 1960 году - диплом инженера-механика. Его сокурсники рассказывали мне, что запомнили Каримова как трудолюбивого, рассудительного студента и хорошего товарища. Словом, и здесь ничего необычного. Жил он в студенческие годы нелегко, родители почти ничем не могли ему помочь.

По окончании института была возможность остаться в аспирантуре, но он предпочел завод сельхозмашиностроения, на котором работал помощником мастера, мастером, технологом. Потом был другой завод - авиационный, одно из крупнейших в бывшем Советском Союзе предприятий военно-промышленного комплекса. Люди, работавшие с ним на заводе, рассказывают, что он, хотя и был крут, но справедлив, ценил честность и ум, мог взорваться, даже крепко обругать, но зла не держал. Уже Президентом, изредка приезжая на завод, обращался по имени ко многим рабочим и никогда не ошибался.

В 1966 году Каримов переходит на работу в Госплан, где он прошел ступени от главного специалиста отдела науки до первого заместителя, снискав себе репутацию серьезного и неординарного экономиста. В 1983 году - он министр финансов республик, в 1986 - председатель Госплана и заместитель главы правительства. В этом же году он становится первым секретарем Кашкадарьинского обкома компартии, а в 1989 году - первым секретарем ЦК Компартии Узбекистана. С 1990 года Каримов - Президент Узбекистана.

А вот автобиографический рассказ самого Президента (запись беседы). "Я шестой среди семи детей в семье. Семья небогатая и, если можно так выразиться, неродовитая. Отец - простой служащий, мать - домохозяйка. За спиной у меня никто никогда не стоял, рассчитывать мог только на себя, свои силы и способности. С детских лет я знал цену труда и цену куска хлеба. Знал нужды простых людей, с которыми мы жили бок о бок.

Сколько себя помню, любил учиться, докапываться до сути. Учеба всегда доставляла мне удовольствие, радость от того, что узнаю что-то новое. В молодости у меня была цель: добиться такого совершенства в своей профессии, чтобы люди говорили обо мне с уважением: "Да, этот человек знаток своего дела. Он настоящий профессионал".

Президент улыбнулся, вспоминая, и сказал: "Трудно поверить, но, пожалуй, самое сильное впечатление студенческих лет у меня связано со вторым вузом, который я окончил по системе вечернего обучения. Это - Ташкентский институт народного хозяйства. А воспоминание вот какое. Я сдавал бухгалтерский учет три раза. Два раза уходил с экзамена сам, извинившись

перед преподавателем, меня самого не устраивали мои знания этого предмета. И, знаете, каким своим личным достижением я горжусь больше всего? Тем, что за несколько лет работы на авиазаводе стал конструктором первой категории.

О моих моральных принципах. Это - справедливость, порядочность, верность своему слову и своему делу".

"А главное, будь верен сам себе. Тогда ты не изменишь никому". Немногим удается следовать этому шекспировскому афоризму в сложнейших лабиринтах своего бытия. У меня есть все основания утверждать, что Ислам Каримов относится к числу этих немногих. "А главное, будь верен сам себе". Этому девизу он привержен с юных лет. Его он сохранил в качестве путеводной звезды и по сей день.

Каримов женат. Его супруга Татьяна Акбаровна - научный сотрудник института экономики Академии наук Узбекистана. У них две дочери, одна из которых замужем. Есть маленький внук.

Никто, даже злейшие враги Каримова, никогда не могли бросить ему упрек в том, что жена, его или её родственники влияют на решение кадровых вопросов, распределение государственных кредитов или на какие-то иные государственные дела. Западные аналитики узбекских дел, с которыми мне довелось говорить на эту тему, замечали: "Что же здесь удивительного? Ведь это обычное правило цивилизованной политической жизни". Прежде всего, мне лично приятно само по себе признание того, что Президент Узбекистана придерживается в этом вопросе западных политических стандартов. Причем, откровенно говоря, правило это и на Западе не без исключений. Всякое бывает. А уж в новых независимых государствах есть разительные примеры совсем иного рода.

У руля страны.

К началу девяностых годов ни одна из советских республик не была, пожалуй, в таком тяжелом, поистине катастрофическом положении, как Узбекистан. Здесь назревали социальные потрясения страшной силы.

Хочу напомнить о пресловутом "узбекском деле". Так называлась антикоррупционная кампания, связанная с производством и реализацией хлопка. В соответствии с установленными Москвой нереальными заданиями Узбекистан должен был производить 6 млн. тонн хлопка ежегодно. Результатом такого планирования явилась повсеместная фальсификация в отчетности, которая, в свою очередь, привела к тому, что государство за период с 1978 до 1983 г.г. необоснованно выплатило производителям хлопка более 1 млрд. рублей. В 1983 году по этому поводу была создана специальная следственная бригада прокуратуры СССР.

Начался кадровый разгром: было освобождено от должности 10 из 13 первых секретарей областных комитетов партии, из них 5 было арестовано, 1 приговорен к смертной казни. Заменено 3/4 членов Центрального Комитета Компартии. Я не хотел бы здесь углубляться в существо "хлопкового скандала", но не могу не сказать следующего.

Москва атаковала узбекскую руководящую элиту фронтально, по старому, хорошо отработанному методу, обращая на этот раз гнев народа не на евреев, а на узбеков. Цинизм состоял в том, что обвинения в коррупции и nepотизме, которые выдвигались в отношении руководства Узбекистана, не в меньшей, а даже в большей мере, можно было адресовать московскому руководству. И уж совсем циничным было то, что узбекские крестьяне, люди исключительного трудолюбия и скромности, изображались не жертвами коррупции, а "пользователями" ее благ. По республике одна за другой прокатывались волны арестов. В тюрьмы шли виновные и невинные. Все закрутилось, как в некой дьявольской карусели.

Недавно в одной из изданных в Германии работ я встретил такой вывод относительно "узбекского дела": центральный аппарат в Москве, главный эксплуататор народа и главный тиран, нашел очередного "козла отпущения". Это вызывало недовольство, скрытый протест коренного населения республики, приводило национальное самолюбие узбекского народа в болезненное состояние.

В процессе неуправляемого развертывания горбачевской перестройки в Узбекистане, как и во всем Советском Союзе, начал резко сдавать свои позиции жесткий государственный контроль за стихийными проявлениями народного бытия. Пробивала себе дорогу свобода мысли и слова, происходила достаточно сумбурная демократизация политической и идеологической жизни.

В среде национальной интеллигенции стали возникать демократические движения, организовывались партии - "Бирлик", "Эрк", "Туркестан", исповедовавшие и проповедовавшие не только патриотические, но, в значительной мере, националистические идеи. Эти идеи являлись, как бы рефлексией подавляемого долгие годы, закомплексованного национального самосознания, они овладевали умами людей, особенно молодежи, подталкивали многих к организации шумных митингов, демонстраций и других политических собраний.

Сельские жители, составлявшие, примерно, две трети населения республики, годами подвергались интенсивной эксплуатации. Эти люди страдали от крайне тяжелой, изнурительной работы на монокультуру хлопка, от нехватки средств к существованию, от несправедливости общественной системы вообще и местных властей в частности, а может быть и в особенности. В этих процессах обнищания и эксплуатации огромного количества людей закладывались предпосылки народного недовольства, что и проявилось в безумных кровавых вакханалиях Ферганы и Коканда.

Перестройка была связана и с пробуждением клерикальных сил во всем Союзе, а в Узбекистане в особенности. Здесь религиозность коренного населения оставалась на довольно высоком уровне все годы советской власти. В кругах духовенства созрел настрой на своеобразный исламский реваншизм, формировалась идеология непосредственного участия в политической жизни, начали проникать идеи фундаменталистских мусульманских сект. Высшие религиозные деятели в эти годы высказывались в пользу создания

исламской партии, порывались вмешиваться в текущие политические процессы, выступали против "турецкого пути" развития, который тогда представлялся узбекским лидерам наиболее приемлемой и перспективной формой вхождения республики в мировое сообщество, за "иранский путь".

В этот период в Узбекистане были очень прочны позиции теневой экономики - главарей торговой мафии, акул в сфере распределения материальных и финансовых ресурсов, вожakov подпольных криминальных групп. Вкупе они представляли очень грозную силу, готовую в любой момент вмешаться в любые политические акции, в любые процессы, осуществляемые в высших эшелонах власти.

Именно на таком фоне, в таких взаимосвязях происходила неоднократная смена руководства республики. Такая чехарда руководителей не могла не способствовать еще большей дестабилизации общественно-политической обстановки, усилению групповщины, регионализма, клановости. В результате складывалось некое апокалипсическое состояние. Речь шла о том, сохранится ли вообще эта страна как самостоятельное государство, что будет с народом.

Многие наблюдатели не только из ближнего, но и из дальнего зарубежья, предсказывали эсхатологическое развитие событий. Вот названия некоторых московских публикаций того времени: "Отцепленный вагон", "Узбекистан, как раскаленный самовар", "Узбекистан - край нехлебный", "Перед заходом солнца". Не менее пессимистичны были выводы западных политологов: (Например, "Uzbekistan and the uzbeks". Problems of communism. September-October 1991.) К счастью, прогнозы политологов и журналистов и в России, и в других странах относительно, возможно, катастрофического развития политической жизни в Узбекистане (развития событий в "таджикском варианте") не сбылись. И не сбылись преимущественно благодаря тому, что у руля государства оказался Ислам Каримов. В этом я убежден, и этой убежденности у меня никто никогда отнять не сможет. Она основана на фактах.

Я прочел, по меньшей мере, пару десятков аналитических статей, а также несколько монографий, посвященных проблемам посткоммунизма в бывших социалистических странах, написанных на Западе. Если там шла речь об Узбекистане и его Президенте, Каримов непременно назывался "коммунистическим Президентом", "бывшим шефом компартии", "ярким представителем номенклатуры". В последнее время слышны и другие голоса. Среди них и голос Д. Карлайла. Они ставят под сомнение справедливость таких характеристик, приводят соответствующие аргументы. Мне лично представляются в высшей степени интересными замечания на этот счет самого Президента Каримова. Ниже отрывок из беседы с ним.

"Меня откровенно удивляет непонимание на Западе того, что, так называемая, партноменклатура была в бывшем Советском Союзе очень неоднородна. Она была очень дифференцирована в самой сути своей. Нет, не на бумаге, не в каких-то партийных документах, а в реальной жизни. Во всяком случае, три качественно различных группы людей я могу выделить совершенно точно. Во-первых, - это фанатики, беззаветно верящие в

коммунистическую утопию. Для них марксизм-ленинизм был религией. И слова у этих людей, пожалуй, не расходились с их убеждениями. А дела? Ну, что они могли полезного сделать? Это же были проповедники, оторванные от живой реальности, от действительной, а не выдуманной жизни.

Вторая группа - это, как бы помягче сказать, конформисты. Люди и без настоящей профессии и, главное, без совести. Какие идеи? Какой там коммунизм? Они всегда готовы были служить любой власти, которая обеспечивала бы их благами жизни. Коммунизм это или антикоммунизм - никакой роли для них не играло. Хоть национал-социализм или какой-нибудь русский фашизм. Что они в большинстве своем и доказали после распада КПСС и Советского Союза. Они прекрасно усвоили правила партийной игры. Знали, когда и что говорить, когда молчать, перед кем угодничать, на кого и как кричать. В этом была их сила. Они говорили одно, думали другое. Хотел сказать: делали третье. Но это было бы неверно. Ничего толкового ни в одной специальной области они делать не могли. Профессиональной подготовки для этого не было.

Однако коммунистический режим, как и любой другой тоталитарный режим, не мог существовать без людей компетентных, обладающих специальными знаниями в области экономики, финансового дела, сельского хозяйства, промышленности. Скажем так, без технократов. Именно эта когорта партийно-номенклатуры создавала авторитет партии в народе. К числу этих людей я отношу и себя, и Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева и Президента Кыргызстана Аскара Акаева, тоже работавшего в аппарате ЦК Компартии Кыргызии, заведовавшего там отделом науки и вузов (Кстати, имеются свидетельства тому, что бывший министр финансов СССР, чрезвычайно маститый советский финансовый деятель Василий Гарбузов считал И. Каримова лучшим из всех министров финансов союзных республик, именно в профессиональном плане, противопоставляя его различным партийным деятелям, занимавшим эту должность. Считал его технократом.)

По мысли Д. Карлайла, политик в Узбекистане, как и в других среднеазиатских государствах, может рассматриваться не только как представитель клана (племени, территориальной общности), но и как представитель поколения. Решающим при определении политического поколения является исходный политический опыт, одинаковые процессы окультуривания, схожие пути к власти. Быть представителем поколения - значит принадлежать к специфической политической культуре - ассимилировать ее мораль и нравы, действовать на политической арене и в сфере управления в определенном стиле. (с.10; см. также Jerri F. Hough, *Soviet Leadership in Transit*, The Brookings Institution, Washington, 1980).

По мнению Карлайла, внутри политических поколений можно выделить их разновидности-когорты. Некоторые из них имеют весьма значительные отличия и особенности, являясь как бы мостом в будущее поколение. К такой категории можно отнести и технократов, особенно в последнее десятилетие коммунистического режима.

Продолжение беседы с И. Каримовым. "Партийным работником в собственном смысле слова я никогда не был. И даже в голове не держал возможность такого поворота своего жизненного пути, такого "скачка в сторону" в своей жизненной карьере. И вдруг я стал первым секретарем обкома партии. А дело было так. В 1986 году, будучи председателем Госплана, после углубленного изучения положения дел понял, что республика стоит перед экономической катастрофой. Была при моем личном участии подготовлена и направлена руководству республики записка "О проблемах и перспективах развития экономики Узбекистана". Рассчитывал на серьезный разговор, а последовал окрик. Тогдашний ставленник Москвы, второй секретарь ЦК Анищев устроил мне грубый разнос. Вообще я в это время чувствовал, что вокруг меня сжимается кольцо отчуждения. Руководство попросту отторгло меня. Мое дальнейшее пребывание в Ташкенте стало нежелательным. Вот, вкратце, то, что предшествовало моей "ссылке" в Карши, в Кашкадарьинскую область.

И надо сказать, что в этом случае вообще был нарушен установленный в партии порядок занятия должности первого секретаря обкома. Я не только не стажировался, точнее сказать, не проверялся в аппарате ЦК КПСС, но даже утвержден был на заседании Политбюро заочно.

Народ в Кашкадарьинской области принял меня не то что настороженно, а как-то безразлично. Два моих предшественника скомпрометировали себя самым нехорошим образом. Один покончил с собой, боясь ответственности за какие-то неблагоприятные дела. Другого посадили. Некоторые люди говорили: "Новый первый секретарь, наверно, такой же, как прежние". У меня в голове день и ночь была одна и та же мысль: завоевать доверие людей. И я счастлив, что это удалось. Три года я жил в одной комнате прямо в здании обкома. Три года аскетической жизни. Работал, в буквальном смысле слова, день и ночь. Без ложной скромности скажу: кое-что удалось сделать. Производство хлопка поднялось с 330 до 550 тысяч тонн. Построено 300 км дорог, рынки, чайханы, другие бытовые объекты. Но самое главное для меня, что никто в области не мог сказать, что Каримов нечестный человек. Наоборот, люди до сегодняшнего дня вспоминают обо мне как о порядочном человеке. Я горжусь этим."

И вдруг И. Каримов попал в поле зрения М. Горбачева и Е. Лигачева как единственный кандидат на пост первого секретаря компартии Узбекистана.

Судя по всему, после громкого разоблачения Шарафа Рашидова и его приемника, руководство КПСС укрепились во мнении о тотальной коррумпированности партийно-государственного аппарата Узбекистана. Подозрение падало практически на всех, кто находился у власти или даже на ближайших подступах к ней. Напрашивался такой же вариант решения вопроса о первом руководителе Узбекистана, какой ранее осуществился при замене казахского лидера Динмухамеда Кунаева. Однако Политбюро ЦК КПСС, наученное горьким опытом алма-атинских событий 1985 года, происшедшими там массовыми беспорядками, не осмелилось направить из России первого руководителя Узбекистана и упорно искало кандидатуру на эту должность

среди местных политических деятелей, искало такого человека, который, прежде всего, отличался бы честностью и имел бы репутацию неподкупного. Лучшей кандидатуры, чем Ислам Каримов, в Узбекистане попросту не было.

Продолжение беседы с Президентом. "Как я стал первым секретарем ЦК Компартии Узбекистана? Был июнь 1989 года. Страшные были дни. Погромы, пожары, Фергана, Коканд, Куvasай, Гулистан, Паркент, Бука. Словно сорвало взрывом крышку парового котла. Волнами по всей республике прокатывалось все, что накопилось за годы унижения. Власть уже не управляла событиями.

Искали человека, который сможет остановить весь этот беспредел, удержать республику у последней черты. Вышли в результате этих поисков на меня. Я понимал, конечно, какую громадную ответственность на себя беру. Понимал, что на кон, как говорится, будет поставлена не моя карьера, а сама жизнь. Не сочтите за красивые слова, но силу мне давало то, что я был уверен: народ меня поймет и поддержит.

10 или 11 июня, сейчас точно не помню, Политбюро рассматривало вопрос о первом секретаре ЦК Компартии Узбекистана. Тональность обсуждения была не столько критической, сколько неуважительной. Мелкие придирки, нетактичные замечания. Тогда я, стоя на трибуне, сказал, обращаясь к Горбачеву: "Михаил Сергеевич! Снимите мою кандидатуру. Я вижу, что не устраиваю кое-кого здесь. Предлагаю, оставить на 6 месяцев Рафика Нишанова. Он наведет порядок, после чего можно будет вернуться к сегодняшнему вопросу. А мне разрешите уйти". Горбачев пытался удержать меня. Я сказал: "Не надо меня уговаривать. Мне все ясно. Разрешите уйти". Он сказал: "Если Вы настаиваете - идите". Я улетел в Ташкент и решил уйти на завод. Семья небольшая. Много ли надо.

Однако через два дня мне позвонил домой Нишанов и сказал, что Москва санкционировала мое выдвижение. 23 июня состоялся Пленум ЦК Компартии Узбекистана, который избрал меня первым секретарем". (Кстати, этот рассказ И. Каримова подтверждается соответствующими архивными материалами).

В качестве лидера страны Каримов был воспринят исключительно одобрительно всеми: и народом, и партноменклатурой, и оппозицией. Народом потому, что он уже давно ждал прихода честного, умного, сильного руководителя государства. Партноменклатура радовалась, что Каримов не принадлежит ни к одному из кланов. Оппозиция в то время не имела сильного лидера, не собралась для атаки с целью захвата власти. И даже для теневых и особенно нетеневых бизнесменов "беспредел", которым была охвачена страна, стал невыносим. Им тоже была необходима критическая масса порядка. А потом, человек, даже если он трижды жулик, хочет, чтобы во главе государства был честный правитель. Конечно, если у человека осталась хотя бы малая толика патриотизма.

Вот так, при таких условиях и при таких обстоятельствах, Каримов стал во главе Узбекистана.

В известной мере, можно сравнить это с приходом к руководству Англи Уинстона Черчилля в 1940 году, в крайне тяжелое для страны время. Вспо-

нается речь Черчиля в Палате общин. Он сказал тогда: "Я могу предложить только... труд, слезы и пот. Нам предстоят самые горестные испытания. Нам предстоят долгие-долгие месяцы борьбы и страданий. Вы спросите: какая наша цель? Могу ответить одним словом - победа, каким бы долгим и тяжелым ни был путь к ней, ибо без победы мы погибли. Я верю, что люди не допустят, чтобы наше дело постигла неудача. Я чувствую себя в праве в данном положении и в данное время потребовать содействия всех и сказать: так идем-те же вместе, вперед, объединим наши усилия".

Полагаю, что и Каримов, когда он пришел к руководству Узбекистаном, был вправе сказать: "Представим с предельной ясностью, не станет существовать Узбекистан, погибнет наша цивилизация, исчезнут вековые импульсы, толкающие наш народ к его высоким целям". Каримов также вправе заявить, что его единственная цель - победа, победа в том смысле, что надо предотвратить распад государственности, экономики и культуры. Победа любой ценой. Наконец, он был вправе и обязан предложить всем политическим силам объединиться во имя этих великих целей, во имя этой великой победы. Что, собственно говоря, Президент Узбекистана и сделал. И не его вина, что его протянутую руку многие недальновидные и амбициозные политики не захотели принять.

Разбег.

1 сентября 1991 года была провозглашена государственная независимость Узбекистана. К этому времени за плечами Каримова уже был ряд больших политических успехов, принесших ему несомненный авторитет в стране. Он оказался вполне подготовленным к тому, чтобы сразу же овладеть ситуацией, чтобы не поддаться стихийным процессам, а начать управлять ими. Им был предпринят ряд решительных шагов по укреплению власти, по укреплению правоохранительных органов - милиции, службы государственной безопасности. При его личном участии были погашены вспыхивавшие в разных местах республики очаги напряженности и конфликты. Во всех конфликтных случаях он говорил народу: "Узбекистан не выдержит, не переживет второй Ферганы" и действовал исключительно решительно и смело.

Обдуманно и последовательно Каримов начал работать на нейтрализацию, блокирование сил, социальных факторов, которые могли бы сознательно или бессознательно дестабилизировать общество. Именно в этой связи, в этом контексте, я бы говорил об ограничениях, которые были установлены для прессы, для гласности. Он исходил при этом из того, что неограниченная в своей свободе пресса, находившаяся в руках оппозиции, в значительной мере настроенной разрушительно, может дестабилизировать общественный порядок, вызвать кровопролития и социальные потрясения.

Свободная пресса в посткоммунистических странах, как ярко показали события последнего времени, нередко становилась пусковым механизмом политической дестабилизации, социальных конфликтов, массовых беспорядков, а, в конечном счете, способствовала и гражданской войне. О том,

почему и как это получилось, какие силы цинично злоупотребляли свободой слова, извращая ее сущность, другой, особый разговор. Здесь я хочу сказать о том, что убежден в абсолютной правильности этих решений Каримова в этот период.

Несколькими точно рассчитанными ударами, он очень быстро покончил с теми опасными, связанными с мафиозными структурами высшими должностными лицами, которые, действительно угрожали общественному порядку в республике, способны были снова вызвать раскол общества в Узбекистане.

Каримов смог удивительно быстро привести в чувство крайних националистов-экстремистов, манипулировавших люмпенизированными толпами, показав себя руководителем государства, который умеет и не боится сказать: "Нет". Он не допустил узбекского "Шахидона" (площадь в Душанбе, где начался разгул кровавого исламского национализма в Таджикистане).

И это в то время, когда главы некоторых других республик заигрывали с националистами, с националистической оппозицией и даже заискивали перед ней.

Ислам Каримов первый из лидеров республик распадающейся советской империи встал на пути экзальтированного национал-патриотизма, выступил против двухполюсной (свои и чужие) системы мышления и поведения. Как ему удалось найти слова и факты, чтобы убедить фанатиков, не признающих ни слов, ни фактов - это загадка. Это уже от Бога.

Я очень много думал об этом "феномене Каримова", о Каримове тех дней. Беседовал на эту тему с Карлайлом. Мы оба пришли к выводу, что у большинства лидеров того времени в глазах была точка зрения, и они видели свою точку зрения. Каримов же с самых первых дней руководства Узбекистаном видел и чувствовал то, что есть: глубину и силу кризиса, и единственно возможный путь выхода из него.

В марте 1990 года он был избран Президентом Узбекистана. Первым среди лидеров всех тогдашних союзных республик. Реакция Москвы была крайне негативной. Горбачев пришел в ярость. Главы всех республик, одобряя в душе избрание Каримова Президентом и завидуя ему, на словах со всех трибун и по телевидению верноподданнически тиражировали горбачевскую фразу: "Что это за страна, где будет 16 президентов" (очередная горбачевская алогичность - 16 председателей парламентов можно иметь в союзном государстве при формальном суверенитете образующих его государств, а 16 президентов - нельзя).

Нажим на Каримова, о чем он рассказывал сам, был отчаянный, использованы были все возможные способы, чтобы освободиться от него. Горбачев обвинял его в чрезмерном властолюбии. Между тем, я убежден, что в это время Каримов прежде всего думал о восстановлении престижа Узбекистана, обруганного и ошельмованного. Вот его рассказ об этом.

"26 марта 1990 года Верховный Совет Узбекистана утвердил пост Президента республики и избрал меня на этот пост. Когда я приехал после избрания в Москву на заседание Государственного Совета СССР, Горбачев в иронично-неуважительных словах представил меня членам Совета как

почему и как это получилось, какие силы цинично злоупотребляли свободой слова, извращая ее сущность, другой, особый разговор. Здесь я хочу сказать о том, что убежден в абсолютной правильности этих решений Каримова в этот период.

Несколькими точно рассчитанными ударами, он очень быстро покончил с теми опасными, связанными с мафиозными структурами высшими должностными лицами, которые, действительно угрожали общественному порядку в республике, способны были снова вызвать раскол общества в Узбекистане.

Каримов смог удивительно быстро привести в чувство крайних националистов-экстремистов, манипулировавших люмпенизированными толпами, показав себя руководителем государства, который умеет и не боится сказать: "Нет". Он не допустил узбекского "Шахидона" (площадь в Душанбе, где начался разгул кровавого исламского национализма в Таджикистане).

И это в то время, когда главы некоторых других республик заигрывали с националистами, с националистической оппозицией и даже заискивали перед ней.

Ислам Каримов первый из лидеров республик распадающейся советской империи встал на пути экзальтированного национал-патриотизма, выступил против двухполюсной (свои и чужие) системы мышления и поведения. Как ему удалось найти слова и факты, чтобы убедить фанатиков, не признающих ни слов, ни фактов - это загадка. Это уже от Бога.

Я очень много думал об этом "феномене Каримова", о Каримове тех дней. Беседовал на эту тему с Карлайлом. Мы оба пришли к выводу, что у большинства лидеров того времени в глазах была точка зрения, и они видели свою точку зрения. Каримов же с самых первых дней руководства Узбекистаном видел и чувствовал то, что есть: глубину и силу кризиса, и единственно возможный путь выхода из него.

В марте 1990 года он был избран Президентом Узбекистана. Первым среди лидеров всех тогдашних союзных республик. Реакция Москвы была крайне негативной. Горбачев пришел в ярость. Главы всех республик, одобряя в душе избрание Каримова Президентом и завидуя ему, на словах со всех трибун и по телевидению верноподданически тиражировали горбачевскую фразу: "Что это за страна, где будет 16 президентов" (очередная горбачевская алогичность - 16 председателей парламентов можно иметь в союзном государстве при формальном суверенитете образующих его государств, а 16 президентов - нельзя).

Нажим на Каримова, о чем он рассказывал сам, был отчаянный, использованы были все возможные способы, чтобы освободиться от него. Горбачев обвинял его в чрезмерном властолюбии. Между тем, я убежден, что в это время Каримов прежде всего думал о восстановлении престижа Узбекистана, обруганного и ошельмованного. Вот его рассказ об этом.

"26 марта 1990 года Верховный Совет Узбекистана утвердил пост Президента республики и избрал меня на этот пост. Когда я приехал после избрания в Москву на заседание Государственного Совета СССР, Горбачев в иронично-неуважительных словах представил меня членам Совета как

Президента Узбекистана и пообещал разобраться. В том смысле, чтобы добиться отмены этого акта. На что я ответил: "Если разговор будет вестись в таком тоне - я уйду с заседания." Потом Москва пыталась любыми путями убрать меня, но ничего не получилось. Силы уже были не те. Да и народ Узбекистана, который меня поддерживал, стал иным".

И этот бой Каримов выиграл, показав себя лидером, умеющим постоять за себя и за свою страну.

Наконец, в политической биографии Каримова уже был и Ош - страшная, кровавая и бессмысленная национальная бойня, скорее всего в немалой мере спровоцированная извне.

Вклад Каримова в прекращение этого конфликта переоценить нельзя. Вполне годятся самые возвышенные слова. Но я хочу сказать о другом. Каримов раскрылся тут как лидер, который может "наступить на горло собственной песне". Он показал себя как выдающийся мастер компромисса. О том, как мало в мире руководителей обладающих таким качеством, можно судить не только по Карабаху и Боснии, Чечне и Курдистану. Примеров этому, к сожалению, тьма.

Константин Симонов, один из видных летописцев Второй мировой войны, рассказывая о своих беседах с маршалом Георгием Жуковым, приводит такой чрезвычайно интересный факт: Симонов спросил у Жукова, какое сражение тот считает наиболее значительным в своей биографии, с чем он связывает свой самый крупный успех.

Жуков, не задумываясь, ответил: Халхин-Гол. В устах полководца, за плечами которого были великолепные победы Великой Отечественной войны, это прозвучало очень странно. Симонов в начале подумал, что здесь определенная аберрация сознания, вызванная ностальгией по безвозвратно ушедшему далекому прошлому. Наступила долгая пауза. Потом Жуков, как бы отвечая и своим, и Симонова мыслям, сказал: "Я там соотоялся как полководец".

Думаю, что у Ислама Каримова есть все основания так думать об Оше. Возвращаться сейчас к Ошским событиям в целях какого-то их анализа я не считаю для себя возможным по многим причинам. Позволю лишь высказать некоторые мысли, поделиться личными впечатлениями исключительно в ракурсе, связанном с личностью И. Каримова.

За два дня июня 1990 года, по свидетельству Президента Кыргызской Республики А. Акаева "в межнациональной бойне бессмысленно погибли сотни узбеков и кыргызов. Республику чудом удалось спасти от второго Карабаха. Помогла четкая позиция Президента Каримова" ("Известия", 05.10.1994).

Раскаты грома, гремевшего в Оше, разносились по всему Кыргызстану. В Бишкеке шли непрерывные митинги, на которых ораторы из отъявленных националистов призывали к походу против узбеков, приводя толпы людей буквально в неистовство. Студенты, прервав экзаменационную сессию, заполнили улицы Бишкека под грохот каких-то музыкальных инструментов и трещоток. С наступлением темноты они начали громить все, что попадалось им под руку: павильоны, магазины, рестораны. В городе было введено чрез-

вычайное положение, улицы патрулировались солдатами на танках и боевых машинах. Можно себе представить, что в это время творилось на юге, в Оше и Узгене.

На юге Кыргызстана живет более 600 тысяч узбеков. Почти каждый из них имеет по несколько родственников в сопредельных районах Ферганской долины. Десятки тысяч людей, с оружием и без, стали собираться на границе Узбекистана и Кыргызстана под лозунгами защиты своих братьев. Людей сдерживали большие силы правопорядка и армейские подразделения. Однако обстановка накалялась с каждым часом. Не только в Оше, но и во всем Кыргызстане, все дальнейшее ожидалось со страхом и ужасом.

И в этот, поистине критический, момент Президент И. Каримов сказал, что пока он Президент Узбекистана - ни один узбек не перейдет границу Кыргызстана с недобрыми намерениями, что он не допустит никакой мести, чем бы она не была вызвана. Вспоминаются поэтические строки о том, что слово может даже солнце остановить. Сильная гипербола. Действительно, слово, несущее в себе истину, обладает громадной силой человеческого прозрения. Такими были эти слова И. Каримова. И еще было дело. Каримов использовал все доступные ему средства, чтобы не допустить развития конфликта. И не допустил. Какой удивительный нравственный подвиг! И как редко они в современном мире.

В марте 1992 года И. Каримов прилетел в Ош для подписания договора о дружбе и сотрудничестве между Узбекистаном и Кыргызстаном. Может быть это звучит и банально, но, действительно, буквально весь город вышел встречать и приветствовать его. Кортёж автомашин с трудом мог ехать, постоянно останавливался. Во время одной из остановок Каримов вышел из машины. Его плотной стеной окружили люди. Говорили слова благодарности, давали ему на руки маленьких детей. Какой-то старик обнял его и плакал у него на груди. Каримов тоже очень тепло отвечал собравшимся вокруг него людям.

После церемонии подписания договора в областном театре был концерт узбекских и кыргызских артистов. Когда Каримов вошел в зал, присутствующие, стоя, устроили ему овацию, которая продолжалась, наверное, не меньше 15 минут. Узбеки, кыргызы, русские выражали ему свое уважение, свою признательность, свою благодарность за все то, что он сделал для них в страшные дни июня 1990 года.

Вечером в аэропорту, на прощальном ужине, Каримов был молчаливым и каким-то грустным, долго собирался с мыслями, прежде, чем начать говорить. По-видимому, то состояние восторга, которое он вызвал у жителей Оша, очень взволновало его. Он сказал примерно следующее: " Меня сегодня здесь так сердечно приветствовали. Однако я думаю, что чувства людей по отношению к руководителям государства очень скоротечны. А ведь по-человечески очень тяжело пережить, когда любовь и признательность народа сменяется равнодушием или, еще хуже, пренебрежением. Вот что меня заботит: как достойно прожить жизнь на посту Президента".

Кредо Президента: власть с позиции разума, добра, силы.

Ислам Каримов неоднократно заявлял свое кредо как Президента и своей стране, Узбекистану, и миру. Это: эволюция, постепенность, поэтапность реформ, оберегающие личность от катаклизмов и потрясений, а не революция, для которой человек лишь молекула в общественном организме; приоритет экономики над политикой, социальных программ над экономическими; сильное государство, обеспечивающее общественный порядок и общественную дисциплину, хлеб, тепло и мир в каждом доме, возможность исповедовать ислам или иную религию, утверждать в повседневной жизни высокие нравственные идеалы.

Со всей определенностью И. Каримов сказал Олий Мажлису, определяя сущность своей стратегии: "Революция, как примитивно-варварская форма социального прогресса, в Узбекистане не приемлема".

Полагаю, что небезинтересно ознакомиться с высказываниями Президента Узбекистана о перспективах его страны, о собственности, о власти, о правах и свободах человека.

Он многократно говорил о том, что Узбекистан обладает весомыми предпосылками для того, чтобы занять достойное место в структуре мирового хозяйства и мировом сообществе. Страна имеет чрезвычайно выгодное географическое положение, находясь в центре транспортных, энергетических и водных систем региона. Узбекистан превосходит своих соседей в регионе по численности населения и научно-техническому потенциалу, располагает уникальными природно-климатическими условиями, древней земледельческой культурой и минерально-сырьевыми ресурсами. Это позволяет добиться самообеспечения продовольствием, развития производства и экспорта ценнейших видов технических сельскохозяйственных культур. В стране есть все условия производить экологически чистую и конкурентноспособную на мировом рынке плодовоовощную продукцию.

С обоснованной гордостью Президент говорит о том, что Узбекистан занимал и несомненно будет и в дальнейшем занимать весомое место в человеческой цивилизации, оказывать влияние на различные духовные и политические процессы не только в регионе, но и во всем мире.

Самой актуальной задачей на нынешнем этапе реформ Каримов считает кардинальное обновление отношений собственности. Глубинной сутью такого обновления, по его мнению, является ускорение передачи собственности в руки подлинных хозяев, всемерная поддержка частного предпринимательства. "Узбекистан, - сказал Президент на брифинге, посвященном четвертой годовщине независимости страны, 26 августа 1995 года, - должен стать страной собственников".

"Я убежден в одном: только тогда, когда у нас в стране появится класс собственников, класс мелких и средних собственников, можно обеспечить стабильное и уверенное движение нашего общества на пути к процветанию и демократии (а не равенство всех в нищете)." Эти категоричные и выверенные слова Ислама Каримова прозвучали в выступлении 16 ноября 1995 года в

Бонне на приеме, устроенном в его честь Федеральным Президентом Романом Герцогом.

Совершенствование государственной власти в стране, по убеждению Президента, тесно связано с принятием системы соответствующих законов, призванных обеспечить четкую регламентацию функций и полномочий центральных, областных, городских, районных органов власти и государственной администрации. Профессиональный парламент, сильная исполнительная власть, независимая судебная система, развитое местное самоуправление - основные направления совершенствования и укрепления государственности в Узбекистане.

В последнее время Президент все чаще говорит о том, что в отношениях "человек-государство" приоритет должен принадлежать человеку. "Государство, все ветви власти,- говорит он, - находят оправдание только тогда, если их деятельность подчинена защите прав человека".

И. Каримов был, пожалуй, первым, кто в самом начале перестройки произнес следующие слова: "Недопустимо видеть в людях лишь средство достижения цели, даже благой цели". И несколько позже: "Я не позволю разрушить систему социальной поддержки населения, оставить детей без школ, больных без больниц".

"На наших улицах хозяевами будут честные люди, а не преступники. Добиться этого - мой долг перед народом".- В Узбекистане хорошо помнят и эти слова своего Президента, сказанные несколько лет назад.

Много раз И. Каримов говорил о том, что "к рынку нельзя подходить с позиции "ста" или "пятисот" дней. Это - перемена всего уклада жизни, всей психологии народа. Наша главная задача заключается в том, чтобы без всяких социальных потерь подойти к новой ступени социально-экономического развития".

Вот еще одна цитата из выступлений Президента: "Недавно прочитал в одной из московских газет, в Биробиджане отравилась целая семья - восемь человек. Отравились веществом, которое они приняли в помойке за соль. У меня сердце кровью обливается, когда я слышу о таких трагедиях. У нас, слава Богу, нет нищих, нет тех, кто роется в мусорных ямах. Да, жизнь нынче тяжела. Но я как Президент республики не допущу, чтобы люди испытывали голод и холод. Государство только тогда является государством, когда оно способно защитить своих граждан".

Западные исследователи отмечают то высокое уважение, которое проявляет И. Каримов в отношении ислама, в частности, факт принесения им при вступлении в должность Президента присяги на Коране. Однако они в то же время пишут, что либеральная религиозная политика Президента кончается там, где начинается использование религиозными экстремистами свободы религии в целях дестабилизации ситуаций в том или ином районе страны, в целях давления на государственный аппарат.

Заявленная политика может расходиться или не совсем совпадать с жизнью. Так бывает в большинстве случаев. По отношению к И. Каримову этого сказать нельзя. Его слова не расходятся с делом. Он верен им. Шаг за шагом,

сколько у него есть сил, он старается не допустить деградации общественного сознания, утраты уважения к труду, к старикам и женщинам, девальвации народной морали и нравственности в целом. Об этом знают не только его друзья, но и враги.

Среди государственных деятелей современного мира, здравствующих и ушедших из жизни, у каждого из нас есть свои герои и антигерои, люди, вызывающие уважение и даже восхищение, или, наоборот, неприязнь и антипатию. В числе первых для меня - Джон Кеннеди. Среди его достоинств то, что он был не только истинным патриотом Америки, но и гражданином мира. Его волновали заботы и беды людей, на какой бы земле и под каким небом они бы ни жили.

Я несколько раз был на Арлингтонском кладбище около Вашингтона, на другом берегу Потомака, и каждый раз приходил к могиле Кеннеди. Она производит очень сильное впечатление своей величавой простотой. На скромной могильной плите всего три слова: Джон Фитцджеральд Кеннеди. Напротив могилы стела и на ней слова Президента: "...Мы поддержим любого друга и будем противостоять любому врагу для того, чтобы защитить свободу...". В 1963 году Кеннеди был в Берлине. Подойдя к Берлинской стене, символизирующей в его глазах попрание прав человека, он произнес ставшие историческими слова: "Я - берлинец". Выступая в 1985 году с речью в ФРГ, другой американский Президент Р. Рейган, вспомнив эти слова, заявил: "Сегодня все свободолюбивые люди земли, подобно Кеннеди, должны сказать: "Мы - евреи в мире, которому угрожает антисемитизм, мы - афганцы, мы - лаосцы, кхмеры, мы - тоже потенциальные жертвы тоталитаризма".

Однако за несколько десятилетий до этого узбекский поэт Гафур Гулям в свинцовом и пороховом 1941 году проявил великое чувство человеческой солидарности с жертвами и мучениками геноцида, написав стихи "Я - еврей". Эту от века присущую узбекскому народу традицию сострадания к бедствующим, поддержки страдающих, какой бы крови они не были, на каком языке бы не говорили, продолжает Президент И. Каримов. Я хочу рассказать об этом на примере Таджикистана.

Вспоминаю, как 6 июля 1992 года на Совещании глав стран СНГ в Москве (мне пришлось участвовать в нем в качестве члена делегации Кыргызстана), Президент Каримов с тревогой и болью говорил о надвигающейся гражданской войне в Таджикистане. Помню, что тогдашний глава Таджикистана Рахмон Набиев очень болезненно воспринял эти слова. Он высказался в том смысле, что Каримову не должно быть дела до того, что происходит в чужом государстве, что это их, таджиков дело и горе.

Каримов возразил ему, сказав, что это касается всех и его тоже. "Мы все люди - сказал он, - это касается мирового сообщества в целом. К тому же, в Узбекистане живет много таджиков, а в Таджикистане - много узбеков, в узбеках течет и таджикская кровь, узбеки не могут быть безучастным народом". Потом была пауза. И среди всеобщего молчания Каримов тихо, но очень четко и ясно сказал: "Чужого горя не бывает. Иначе зачем мы все

сколько у него есть сил, он старается не допустить деградации общественного сознания, утраты уважения к труду, к старикам и женщинам, девальвации народной морали и нравственности в целом. Об этом знают не только его друзья, но и враги.

Среди государственных деятелей современного мира, здравствующих и ушедших из жизни, у каждого из нас есть свои герои и антигерои, люди, вызывающие уважение и даже восхищение, или, наоборот, неприязнь и антипатию. В числе первых для меня - Джон Кеннеди. Среди его достоинств то, что он был не только истинным патриотом Америки, но и гражданином мира. Его волновали заботы и беды людей, на какой бы земле и под каким небом они бы ни жили.

Я несколько раз был на Арлингтонском кладбище около Вашингтона, на другом берегу Потомака, и каждый раз приходил к могиле Кеннеди. Она производит очень сильное впечатление своей величавой простотой. На скромной могильной плите всего три слова: Джон Фитцджеральд Кеннеди. Напротив могилы стела и на ней слова Президента: "...Мы поддержим любого друга и будем противостоять любому врагу для того, чтобы защитить свободу...". В 1963 году Кеннеди был в Берлине. Подойдя к Берлинской стене, символизирующей в его глазах попрание прав человека, он произнес ставшие историческими слова: "Я - берлинец". Выступая в 1985 году с речью в ФРГ, другой американский Президент Р. Рейган, вспомнив эти слова, заявил: "Сегодня все свободолюбивые люди земли, подобно Кеннеди, должны сказать: " Мы - евреи в мире, которому угрожает антисемитизм, мы - афганцы, мы - лаосцы, кхмеры, мы - тоже потенциальные жертвы тоталитаризма".

Однако за несколько десятилетий до этого узбекский поэт Гафур Гулям в свинцовом и пороховом 1941 году проявил великое чувство человеческой солидарности с жертвами и мучениками геноцида, написав стихи "Я - еврей". Эту от века присущую узбекскому народу традицию сострадания к бедствующим, поддержки страдающих, какой бы крови они не были, на каком языке бы не говорили, продолжает Президент И. Каримов. Я хочу рассказать об этом на примере Таджикистана.

Вспоминаю, как 6 июля 1992 года на Совещании глав стран СНГ в Москве (мне пришлось участвовать в нем в качестве члена делегации Кыргызстана), Президент Каримов с тревогой и болью говорил о надвигающейся гражданской войне в Таджикистане. Помню, что тогдашний глава Таджикистана Рахмон Набиев очень болезненно воспринял эти слова. Он высказался в том смысле, что Каримову не должно быть дела до того, что происходит в чужом государстве, что это их, таджиков дело и горе.

Каримов возразил ему, сказав, что это касается всех и его тоже. "Мы все люди - сказал он, - это касается мирового сообщества в целом. К тому же, в Узбекистане живет много таджиков, а в Таджикистане - много узбеков, в узбеках течет и таджикская кровь, узбеки не могут быть безучастным народом". Потом была пауза. И среди всеобщего молчания Каримов тихо, но очень четко и ясно сказал: "Чужого горя не бывает. Иначе зачем мы все

здесь?". Б. Ельцин, который, как мне показалось, до этого не особенно вслушивался в эту полемику, поднял голову и внимательно посмотрел на Каримова.

Чужого горя не бывает - это у Президента Узбекистана в крови, это принцип его жизни, этому принципу он никогда не изменяет.

Позже, в сентябре 1992 года и в марте 1993 года, Каримов пишет письма Бутросу Бутросу Гали, Генеральному секретарю ООН. Теперь он пытается обратить внимание мировой общественности на нарастание напряженности между противостоящими друг другу политическими силами в Таджикистане, на увеличение числа беженцев, говорит о том, что эту проблему нельзя решить без участия международных организаций. Он говорит о тысячах и десятках тысяч беженцев, которые оказались из-за надвигающейся гражданской войны по ту сторону Амударьи, проживают в лагерях, в невыносимых жилищных и бытовых условиях.

Затем Каримов одну за другой выдвигает инициативы, предусматривающие механизм прекращения гражданской войны в Таджикистане: во-первых, решение таджикской проблемы только мирным путем за столом переговоров; во-вторых, обмен мнениями по скорейшему разрешению конфликта между таджикским правительством и официальными кругами Афганистана, а в случае необходимости, и с руководителями Пакистана, Ирана и ряда других государств региона; в-третьих, установление контакта с конструктивной оппозицией, думающей о будущем своей страны; в-четвертых, ускорение работ над новыми законами, которые могли бы легитимизировать широкие сферы политической и общественной жизни Таджикистана; в-пятых, объединение политических сил, проведение демократических выборов, привлечение к этому делу широких слоев общества.

Выступая с трибуны 48 сессии Генеральной Ассамблеи ООН И. Каримов предложил созвать постоянно работающий семинар ООН по вопросам безопасности, стабильности и сотрудничества в Центральной Азии, посвященный прежде всего вопросам предотвращения таджикского конфликта.

3 апреля 1995 года по инициативе Президента И. Каримова состоялась его встреча с одним из руководителей таджикской оппозиции Акбаром Тураджонзода. Как свидетельствуют наблюдатели, на этой встрече с обеих сторон было проявлено стремление к компромиссу, к отказу от максимализма, желание сблизить позиции. Президент Узбекистана высказался за созыв конгресса народов Таджикистана как консультативного органа, который смог бы стать подиумом для переговорного процесса, для выработки политических решений по национальному примирению.

В последующем предложение о созыве этого конгресса было передано специальному представителю генерального секретаря ООН в Таджикистане, который поддержал указанную инициативу. 19 июля 1995 года в Тегеране встретились Президент Таджикистана Эмомали Рахмонов и лидер таджикской оппозиции Саид Абдулло Нури. В сентябре 1995 года под эгидой ООН состоялся семинар-совещание по проблемам безопасности и сотрудничества в Центральной Азии, на котором в числе основных вопросов была

рассмотрена проблема мирного урегулирования конфликтов в Афганистане и Таджикистане. Переговорный процесс, новый импульс которому дал И. Каримов, продолжает "набирать обороты".

Таков промежуточный итог непрерывных многолетних усилий И. Каримова содействовать миру, спокойной созидательной жизни в соседней, очень родственной и близкой Узбекистану стране.

Д. Карлайл пишет: "Президент Каримов стал самой важной политической фигурой в регионе, когда смертоносные последствия войны в Таджикистане вышли на первое место в Средней Азии среди всех других внешних, а может быть и внутренних проблем. Его миротворческая миссия при всех обстоятельствах заслуживает самой высокой оценки". (с.164).

Никто не может отрицать того большого достоинства, с которым Каримов представляет свою страну, той внутренней силы, с которой он ведет себя на международной арене.

Во время встречи И. Каримова в Ташкенте в 1992 году с государственным секретарем США Дж. Бейкером встал вопрос об оппозиции в Узбекистане и Бейкер настоятельно попросил содействовать регистрации партии "Бирлик", на что Каримов ответил: " У нас есть закон - для регистрации должно быть не менее трех тысяч членов в этой новой партии. Между тем "Бирлик" имеет не более полутора тысяч членов". В ответ на повторную просьбу Бейкера Каримов сказал: "Господин Государственный секретарь! Представьте себе, что нечто подобное происходит в Соединенных Штатах. Можете ли Вы допустить мысль, что я, Президент другого государства, попрошу Вас или Президента Буша зарегистрировать ту или иную партию в обход закона".

Насколько мне известно, в беседе с заместителем государственного секретаря США Стробом Тэлботом И. Каримов также сказал, что не допустит вмешательства во внутренние дела Узбекистана, от кого бы они не исходили и в какой форме не проявлялись.

Ясно, что такой стиль переговоров вряд ли мог способствовать "подвижкам", как теперь принято говорить, в вопросах финансовой помощи со стороны США Узбекистану. Однако иначе И. Каримов держать себя в подобного рода ситуациях не мог. Он всегда был независимой личностью. Престижем своей страны он не поступится за все золото мира.

В одном из своих выступлений И. Каримов без обиняков сказал: "В последнее время появились силы, которые хотят заменить Россию в качестве "старшего брата". Некоторые соседние азиатские государства усиленно претендуют на это. Вместо честного сотрудничества они переходят на нечестный путь, используя нашу относительную неопытность в вопросах экономики. Привозят нам устаревшую технологию и оборудование, хотят обмануть наших хозяйственных руководителей и предпринимателей. Нам не нужны никакие "старшие братья"".

Д. Карлайл пишет о сверхестественном политическом чутье И. Каримова (с. 171). Действительно, политический талант его выражается в особой политической интуиции, особой чувствительности по отношению к опасностям,

способности стремительно реагировать на эти опасности, выходя из удара или нанося удар. Вместе с тем сильной стороной Каримова-по является и дар стратегического предвидения, способность менять направление движения, приобретать новых союзников, формировать иные раньше концепции, воздействовать на скорость общественных процессов.

К слову будь сказано, Президент США Р. Рейган очень любил при для характеристики деятельности руководимой им администрации с ющие слова В. Шекспира: "В делах людей прилив есть и отлив. С при достигаем мы успеха... Сейчас еще с приливом мы плывем. Воспользо мы должны течением или потеряем груз". Думаю, что деятельность дента Узбекистана строится тоже в таком же ключе.

Хотел бы привести два примера на этот счет.

В начале мая 1995 года Президент США Б. Клинтон принял решение установлении эмбарго в отношении Ирана в связи с тем, что, по мн США, Иран поддерживает международный терроризм. Этому предшест демарш США в отношении России по поводу продажи ею Ирану двух ато реакторов.

И. Каримов, единственный из глав государств СНГ, осудил сделку Рос Ираном и поддержал решение США об эмбарго в отношении Ирана. мнению некоторых видных американских экспертов, он сделал очень сил дипломатический ход, убив сразу нескольких зайцев: получил хороший на усиление американской помощи Узбекистану в области рыночных рес поставил в неудобное положение лидеров некоторых стран СНГ; осла внутреннюю оппозицию.

В августе 1994 года состоялся официальный визит в Узбекистан дашнего министра иностранных дел Израиля Шимона Переса. Обстан этого визита была по настоящему теплая и дружеская. Приняв Ш. Пер Президент Узбекистана выразил самое глубокое уважение к нему и п нание его миротворческой деятельности на Ближнем Востоке. Он та сказал об имеющих долгую историю традиционно добрых отношениях ме узбекским и еврейским народами. Вызванные этими шагами раздражен недовольство в отдельных мусульманских странах И. Каримов попр проигнорировал, чем вызвал уважительные оценки западных наблюдате отметивших политическое мужество И.Каримова.

Сейчас, после 10 лет перестройки, на 5 году государственной нез симости бывших советских республик видные российские ученые, та например, как зам. руководителя центра сравнительных политических экономических исследований ИМЭМО РАН профессор Л. Гордон, пишут, даже их нынешние знания позволяют высказать лишь схематическим гипотетические замечания по поводу тенденций социально-политическ экономических процессов переходного периода. Каково же было в обстан высшей неопределенности принимать вполне конкретные, жизненно важн решения политическим деятелям?

Правы, по-видимому, те объективные зарубежные наблюдатели, котор говорят, что Президент Каримов не совершил практически ни одной сколь

нибудь серьезной ошибки в своей экономической политике, поскольку в этих вопросах он настолько компетентен, что советники ему нужны для того, чтобы им советовать, а помощники - чтобы им помогать. В вопросах же собственно политических или правовой политики не раз уже "подставляли" Президента эксперты из его окружения.

Мне лично, как и многим другим на Западе, представляется очевидным промах, связанный с проведением референдума, который продлил срок пребывания Президента на его посту до 2000 года. Прежде всего довод, который привел в обоснование необходимости референдума председатель Олий Мажлиса, может вызвать, мягко говоря, лишь улыбку. Это аргумент из советского прошлого. Если советники убедили Президента в том, что интересы политической стабильности требуют проведения референдума в начале 1995 года вместо альтернативных выборов в конце 1996 года, следовало внести соответствующие изменения в Конституцию. История убедительно и неопровержимо свидетельствует о том, что скоротечный успех, полученный в обход закона, в перспективе неизменно приводит к значительно большим потерям.

Обиднее всего то, что И. Каримов вне всякого сомнения с блеском выиграл бы альтернативные выборы под контролем самых строгих международных наблюдателей, несомненно усилив демократический имидж, свой и своей страны. Это не только мое мнение и мнение Д. Карлайла. Так считают серьезные западные эксперты.

Хотя справедливости ради нельзя не отметить, что абсолютное большинство граждан Узбекистана сказали на референдуме Президенту Каримову "да".

Политика, как процесс познания, нередко идет не от непонятного к понятному, а напротив, от понятного к непонятному. Это не каламбур, а неумолимый парадокс истории. И именно здесь лежит один из сильнейших импульсов демократизации политики, импульсов плюрализма. В этом, так сказать, гносеологическом ракурсе, демократия - это право политического лидера на сомнение и обязанность сомневаться. Это понимание несовершенства своих, на первый взгляд, казалось бы, абсолютно правильных идей, это представление об ограниченности человеческих знаний. И тогда самому выдающемуся руководителю нужен оппонент, не потому, что он умнее, а потому, что он другой. Именно разница мнений и позиций обеспечивает прорыв к истине.

Насколько я знаю Ислама Каримова, до сих пор он не требовал, чтобы мнение его собеседников совпадало с его мнением. Более того, такой собеседник становился ему неинтересен. И не дай Бог, чтобы ему требовалось когда-либо только такое мнение, которое подкрепляло бы его. Нет, ему, пока он на посту Президента, как воздух нужны те, кто с ним не согласен.

Иногда, что уж тут поделаешь, каждому из нас очень хочется, чтобы другого мнения не было. Чтобы нам не возражали. Это дает кратковременный комфорт. Однако в таком желании заложены, в конечном счете, причины и условия будущих неудач. Конфронтация идей, мнений, мыслей - это воз-

нибуть серьезной ошибки в своей экономической политике, поскольку в этих вопросах он настолько компетентен, что советники ему нужны для того, чтобы им советовать, а помощники - чтобы им помогать. В вопросах же собственно политических или правовой политики не раз уже "подставляли" Президента эксперты из его окружения.

Мне лично, как и многим другим на Западе, представляется очевидным промах, связанный с проведением референдума, который продлил срок пребывания Президента на его посту до 2000 года. Прежде всего довод, который привел в обоснование необходимости референдума председатель Олий Мажлиса, может вызвать, мягко говоря, лишь улыбку. Это аргумент из советского прошлого. Если советники убедили Президента в том, что интересы политической стабильности требуют проведения референдума в начале 1995 года вместо альтернативных выборов в конце 1996 года, следовало внести соответствующие изменения в Конституцию. История убедительно и неопровержимо свидетельствует о том, что скоротечный успех, полученный в обход закона, в перспективе неизменно приводит к значительно большим потерям.

Обиднее всего то, что И. Каримов вне всякого сомнения с блеском выиграл бы альтернативные выборы под контролем самых строгих международных наблюдателей, несомненно усилив демократический имидж, свой и своей страны. Это не только мое мнение и мнение Д. Карлайла. Так считают серьезные западные эксперты.

Хотя справедливости ради нельзя не отметить, что абсолютное большинство граждан Узбекистана сказали на референдуме Президенту Каримову "да".

Политика, как процесс познания, нередко идет не от непонятного к понятному, а напротив, от понятного к непонятному. Это не каламбур, а неумолимый парадокс истории. И именно здесь лежит один из сильнейших импульсов демократизации политики, импульсов плюрализма. В этом, так сказать, гносеологическом ракурсе, демократия - это право политического лидера на сомнение и обязанность сомневаться. Это понимание несовершенства своих, на первый взгляд, казалось бы, абсолютно правильных идей, это представление об ограниченности человеческих знаний. И тогда самому выдающемуся руководителю нужен оппонент, не потому, что он умнее, а потому, что он другой. Именно разница мнений и позиций обеспечивает прорыв к истине.

Насколько я знаю Ислама Каримова, до сих пор он не требовал, чтобы мнение его собеседников совпадало с его мнением. Более того, такой собеседник становился ему неинтересен. И не дай Бог, чтобы ему требовалось когда-либо только такое мнение, которое подкрепляло бы его. Нет, ему, пока он на посту Президента, как воздух нужны те, кто с ним не согласен.

Иногда, что уж тут поделаешь, каждому из нас очень хочется, чтобы другого мнения не было. Чтобы нам не возражали. Это дает кратковременный комфорт. Однако в таком желании заложены, в конечном счете, причины и условия будущих неудач. Конфронтация идей, мнений, мыслей - это воз-

возможность выбора. Выбор же всегда - это и свобода, и ответственность, и несчастье, и счастье. Справедливо и мудро сказано: единство необходимо для действия, множественность - для мысли. И одно не должно победить другое.

Вот такое у меня пожелание в контексте этой части книги.

Голоса других.

Немецкий исследователь Вернер Адам в январе 1995 года опубликовал статью "Россия и ее реформаторы". Она начинается следующими словами: "Проклятие лежит на каждом главе государства, который хочет проводить в России реформы. Сперва такой реформатор может быть уверен в одобрении и даже восхвалении. Ему будут курить фимиам. Затем он встретится с лицемерием, ложью, предательством. Одни, имевшие долги и привилегии, защищают свои владения зубами и когтями. Другие, которые раньше и теперь не были избалованы счастьем, проявляют крайнее недовольство. Нет ничего труднее чем править Россией". Эти горькие слова верны по отношению ко всем посткоммунистическим странам бывшей империи.

Ислам Каримов не исключение. Хотя говорят и пишут о нем не только плохое, но и хорошее. Даже очень. Вот мнения людей от Президента Узбекистана независимых.

Президент Кыргызской Республики Аскар Акаев: "Ислам Каримов - тот человек, который никогда не оставит друга в беде. В определенном смысле я считаю его своим учителем. То, что уже сделано в Узбекистане, заслуживает самого тщательного изучения и восприятия".

В связи с тем, что в западной, в частности, немецкой печати, об отношениях Каримова с Акаевым пишут иногда то, что не соответствует действительности, хотел бы рассказать об одном случае.

Дело было в январе 1994 года. На последний день этого месяца Акаев назначил референдум по вопросу своей легитимизации в качестве Президента в связи с принятием новой Конституции. Политическая обстановка в республике была очень сложной. Оппозиция Акаеву набирала силу. С уверенностью спрогнозировать результаты референдума было никак нельзя. Беспокоило это, судя по всему, не только Акаева, но и Каримова. Во всяком случае, он согласился приехать в середине января в Бишкек по поводу который явно не был очень срочным. И надо же было случиться такому, что Каримов сильно простудился и слег. Врачи прописали строжайший постельный режим. К тому же стояли редкие для этих мест морозы. И все же больной Каримов вылетает в Бишкек. Он выступает на исключительно представительном собрании республиканской общественности с блистательной речью. Говорит о своей личной дружбе с Акаевым, о том, что он гордится такой дружбой, о том, что Акаев именно тот человек, с которым в Узбекистане хотели бы иметь дело как с Президентом Кыргызстана. Все это весьма деликатно, с чисто восточным пиететом и восточными же эвфемизмами.

Убежден, что визит Каримова сыграл немалую роль в успехе референдума. Дело не только в том, что в Кыргызстане многочисленная узбекская диаспора. С Президентом Каримовым связывают прекращение Ошского конфликта, снятие межнациональной напряженности на юге Кыргызстана. Авторитет Каримова очень высок в различных слоях кыргызского общества.

Президент Украины Леонид Кучма: "Во время бесед с Исламом Каримовым я, подобно ученику, стремился узнать у него - как он добился высоких практических результатов рыночных реформ, как ему удалось не допустить падения производства, обнищания людей и особенно - в чем главная пружина успехов Узбекистана в борьбе с преступностью. Теперь уже всем очевидно насколько прав был Президент Каримов, не допустив революционного разрушения прежних государственных структур, сохранив сильную исполнительную власть".

Президент Белоруссии Александр Лукашенко: "Мы увидели в Узбекистане порядок и дисциплину. Для нас, белоруссов, это наглядный пример того, как надо проводить реформы и что такое социально ориентированная рыночная экономика в переходный период. Народу Узбекистана очень повезло, что у него есть такой лидер как Ислам Каримов".

Президент ФРГ Роман Герцог в своем интервью по поводу результатов его государственного визита в Узбекистан в апреле 1995 года, в частности, сказал: "В Узбекистане мы наблюдаем начало пути к демократическому обществу. Для меня несомнены энергичные попытки Президента Каримова создать в стране демократические институты общественной жизни. И в этом отношении в Узбекистане положение дел несомненно благополучнее чем, например, в Казахстане".

Р. Герцог высоко оценил проводимую властями Узбекистана политику в отношении немецкого населения этой страны, предоставления этому населению как свободы выезда, так и возможности сохранять свою национальную идентичность, оставаясь там.

Такого же высокого мнения о национальной политике Президента Каримова и нынешний премьер-министр Израиля Шимон Перес. После своего визита в Узбекистан в августе 1994 года он сказал, что в этой стране не только отсутствуют какие-либо проявления антисемитизма, но, напротив, проявляется глубокое уважение к еврейской культуре и религии, оказывается необходимое содействие при отъезде евреев в Израиль.

Исполнительный директор Международного Валютного Фонда Даниель Кайзер на семинаре по экономическому развитию Узбекистана, организованному американско-узбекской торговой палатой при содействии ежегодной конференции американско-турецкого совета 19 января 1995 года, должен был признать, что экономическая ситуация в Узбекистане в результате стратегии Президента Каримова намного лучше, чем во многих странах бывшего Советского Союза, осуществляющих экономические реформы на основе шоковой терапии.

Председатель правления концерна "Даймлер-Бенц" Юрген Штөмп: "Мы знаем президента Каримова как крупного государственного деятеля, как

политика глубоко разбирающегося в вопросах экономики. Он не из числа тех политиков-теоретиков, которые носятся со своими идеями. Он деятель-практик."

Супьянбек Шерипов, гуру, предсказатель из Чечни, человек по сообщению московской газеты "Век" высоко ценимый многими известными политическими деятелями, в ответ на вопрос этой газеты: "Есть ли в государствах, возникших на территории бывшего Советского Союза, человек, отвечающий Вашим представлениям о лидере?", ответил: "Да, это Президент Узбекистана Ислам Каримов. Самое страшное после развала СССР должно было произойти в Узбекистане. Но этого не произошло только благодаря Каримову. А то, что делается на перспективу, дает мне право утверждать, что XXI век за Узбекистаном. Запрет митингов Каримовым был настолько же верным, как и решение сложнейших задач во взаимоотношениях с кыргызами, таджиками. Каримов сверхестественной проницательностью просчитал, что контуры будущего определяются противостоянием мусульманского мира с другими цивилизациями, заложил основы, исключающие это столкновение. Все это делает Ислама Каримова великим".

Социолог из Оша Салима Шарипова: "Ум женщины может ошибаться, сердце ее - никогда. И мое сердце подсказывает, что с любовью и благодарностью я могу сказать: "Мой Президент" Исламу Каримову, хотя я гражданка Кыргызстана. После выступления Ислама Абдуганиевича в Бишкеке в январе 1994 года, к известным козырям Каримова я добавила бы еще одно - рыцарство. Правитель, который так высоко и неподдельно искренне говорит о женщине другого народа, заслуживает самого высокого уважения. И сейчас я молюсь за счастье Ислама Каримова".

Теперь о голосах критических. Их тоже не так уж мало. Это и общественная оппозиция, использующая для критики И. Каримова возможности предоставляемые им западными и некоторыми российскими средствами массовой информации, и особенно западные источники. Последние достаточно разнообразны. Здесь и правозащитники, и журналисты, в том числе публицисты, и профессиональные исследователи (политологи, социологи).

Основное содержание критики Президента Узбекистана в следующем:

- в Узбекистане запрещены оппозиционные партии;
- установлена строгая государственная цензура за средствами массовой информации, государственная монополия на информацию;
- осуществляется уголовное преследование и другие репрессивные акции в отношении инакомыслящих.

Конкретные факты критического характера, с рядом из которых нельзя согласиться, будут рассмотрены в других разделах книги. Здесь же представляется необходимым сделать некоторые замечания общего характера.

Вот, что пишет Д. Карлайл: "Роль Президента Каримова должна рассматриваться беспристрастно: о нем можно судить в свете тех серьезных трудностей и острейших дилемм, которые стоят в Узбекистане. Суждения его плюсах и минусах должны быть контекстуальными и конкретными, а не базироваться на абстрактных понятиях. История показывает, что абстракции

политика глубоко разбирающегося в вопросах экономики. Он не из числа тех политиков-теоретиков, которые носятся со своими идеями. Он деятель-практик."

Супьянбек Шерипов, гуру, предсказатель из Чечни, человек по сообщению московской газеты "Век" высоко ценимый многими известными политическими деятелями, в ответ на вопрос этой газеты: "Есть ли в государствах, возникших на территории бывшего Советского Союза, человек, отвечающий Вашим представлениям о лидере?", ответил: "Да, это Президент Узбекистана Ислам Каримов. Самое страшное после развала СССР должно было произойти в Узбекистане. Но этого не произошло только благодаря Каримову. А то, что делается на перспективу, дает мне право утверждать, что XXI век будет за Узбекистаном. Запрет митингов Каримовым был настолько же верным, как и решение сложнейших задач во взаимоотношениях с кыргызами, таджиками. Каримов сверхестественной проницательностью просчитал, что контуры будущего определяются противостоянием мусульманского мира с другими цивилизациями, заложил основы, исключая это столкновение. Все это делает Ислама Каримова великим".

Социолог из Оша Салима Шарипова: "Ум женщины может ошибаться, сердце ее - никогда. И мое сердце подсказывает, что с любовью и благодарностью я могу сказать: "Мой Президент" Исламу Каримову, хотя я гражданка Кыргызстана. После выступления Ислама Абдуганиевича в Бишкеке в январе 1994 года, к известным козырям Каримова я добавила бы еще одно - рыцарство. Правитель, который так высоко и неподдельно искренне может говорить о женщине другого народа, заслуживает самого высокого уважения. И сейчас я молюсь за счастье Ислама Каримова".

Теперь о голосах критических. Их тоже не так уж мало. Это и отечественная оппозиция, использующая для критики И. Каримова возможности предоставляемые им западными и некоторыми российскими средствами массовой информации, и особенно западные источники. Последние достаточно разнообразны. Здесь и правозащитники, и журналисты, в том числе публицисты, и профессиональные исследователи (политологи, социологи).

Основное содержание критики Президента Узбекистана в следующем:

- в Узбекистане запрещены оппозиционные партии;
- установлена строгая государственная цензура за средствами массовой информации, государственная монополия на информацию;
- осуществляется уголовное преследование и другие репрессивные акции в отношении инакомыслящих.

Конкретные факты критического характера, с рядом из которых нельзя согласиться, будут рассмотрены в других разделах книги. Здесь же представляется необходимым сделать некоторые замечания общего характера.

Вот, что пишет Д. Карлайл: "Роль Президента Каримова должна рассматриваться беспристрастно: о нем можно судить в свете тех серьезных трудностей и острейших дилемм, которые стоят в Узбекистане. Суждения о его плюсах и минусах должны быть контекстуальными и конкретными, а не базироваться на абстрактных понятиях. История показывает, что абстракция

упакованные в оболочку идеалов, иллюзорны. Если за ними рабски следуют, то они представляют не рецепты для достижения цели, но формулу несчастья". (с.164). Карлайл считает, что отношения Президента Каримова с оппозицией можно правильно оценить только в связи с событиями, происшедшими в политической жизни Узбекистана в 1992 году, к которым оппозиция имела прямое отношение. В начале года - инициированные конфронтирующими Президенту силами демонстрации студентов, перешедшие в массовые беспорядки и погромы и закончившиеся человеческими жертвами. Затем - циничная антипрезидентская кампания пропагандистского характера, с использованием, насколько это было возможно, средств массовой информации.

В середине года - развязанная таджикской оппозицией гражданская война, унесшая за короткое время уже десятки тысяч жизней. Узбекская оппозиция братается с таджикской и призывает к совместной борьбе против узурпатора Каримова". (с.167-169).

Позволю себе несколько дополнить Д. Карлайла.

Студенческие беспорядки, происшедшие в Ташкенте 16-17 января 1992 года, с их вандализмом и бессмысленной яростью потрясли Каримова. Думаю, что кровавые призраки Ферганы и Коканда слишком свежи были в его памяти. Не колеблясь, он распорядился применить силу для наведения порядка. В результате два студента погибли, десятки были ранены.

О причинах этих волнений в свое время писали много: не выдали своевременно купоны и студентам не на что было купить даже хлеб, их бытовая неустроенность и социальная незащищенность и т.п. По мнению И. Каримова, высказанному вскоре после этих событий на его встрече с представителями общественности Ташкента и средств массовой информации: "Волнения студентов готовились заранее и были спровоцированы оппозиционной, достаточно влиятельной группировкой в правящих кругах."

В западной печати с тех пор продолжают вспоминать эти события именно в связи с тем, что действия погромщиков были пресечены властями с применением оружия. В таком же духе писала тогда, по горячим следам, и пишет, по случаю, сейчас, российская демократическая печать. Процитирую: "В демократическом обществе недовольство, чем бы оно ни было вызвано, не вылилось бы в столь уродливые формы кровавого бунта и кровавого подавления бунта".

Такие заявления - фарисейство высшего толка, рассчитанное на совершенно несведущих людей. Мне лично пришлось быть свидетелем массовых беспорядков в Нью-Йорке 1 мая 1993 года, как акции протеста черного населения Америки против несправедливого в расовом отношении судебного решения, и видеть как жестко и жестоко полиция наводила порядок. И немецкая полиция не стесняла себя в средствах, приводя 6 августа 1995 года в чувства панков, устроивших кровавые оргии на улицах Ганновера. Про октябрьское (1993 года) московское побоище я уж не говорю.

О том, что представители узбекских демократических движений "Бирлик" и "Эрк" выступали в 1992 году на площади Шахидон и заявляли о том, что

упакованные в оболочку идеалов, иллюзорны. Если за ними рабски следуют, то они представляют не рецепты для достижения цели, но формулу несчастья". (с.164). Карлайл считает, что отношения Президента Каримова с оппозицией можно правильно оценить только в связи с событиями, происшедшими в политической жизни Узбекистана в 1992 году, к которым оппозиция имела прямое отношение. В начале года - инициированные конфронтирующими Президенту силами демонстрации студентов, перешедшие в массовые беспорядки и погромы и закончившиеся человеческими жертвами. Затем - циничная антипрезидентская кампания пропагандистского характера, с использованием, насколько это было возможно, средств массовой информации.

В середине года - развязанная таджикской оппозицией гражданская война, унесшая за короткое время уже десятки тысяч жизней. Узбекская оппозиция братается с таджикской и призывает к совместной борьбе против узурпатора Каримова". (с.167-169).

Позволю себе несколько дополнить Д. Карлайла.

Студенческие беспорядки, происшедшие в Ташкенте 16-17 января 1992 года, с их вандализмом и бессмысленной яростью потрясли Каримова. Думаю, что кровавые призраки Ферганы и Коканда слишком свежи были в его памяти. Не колеблясь, он распорядился применить силу для наведения порядка. В результате два студента погибли, десятки были ранены.

О причинах этих волнений в свое время писали много: не выдали своевременно купоны и студентам не на что было купить даже хлеб, их бытовая неустроенность и социальная незащищенность и т.п. По мнению И. Каримова, высказанному вскоре после этих событий на его встрече с представителями общественности Ташкента и средств массовой информации: "Волнения студентов готовились заранее и были спровоцированы оппозиционной, достаточно влиятельной группировкой в правящих кругах."

В западной печати с тех пор продолжают вспоминать эти события именно в связи с тем, что действия погромщиков были пресечены властями с применением оружия. В таком же духе писала тогда, по горячим следам, и пишет, по случаю, сейчас, российская демократическая печать. Прочитую: "В демократическом обществе недовольство, чем бы оно ни было вызвано, не вылилось бы в столь уродливые формы кровавого бунта и кровавого подавления бунта".

Такие заявления - фарисейство высшего толка, рассчитанное на совершенно несведущих людей. Мне лично пришлось быть свидетелем массовых беспорядков в Нью-Йорке 1 мая 1993 года, как акции протеста черного населения Америки против несправедливого в расовом отношении судебного решения, и видеть как жестко и жестоко полиция наводила порядок. И немецкая полиция не стесняла себя в средствах, приводя 6 августа 1995 года в чувства панков, устроивших кровавые оргии на улицах Ганновера. Про октябрьское (1993 года) московское побоище я уж не говорю.

О том, что представители узбекских демократических движений "Бирлик" и "Эрк" выступали в 1992 году на площади Шахидон и заявляли о том, что

"таджикские братья, вставшие на путь истинной демократии, являются достойным примером для всех, кто еще живет в государствах с коммунистическим режимом", я прочитал в совершенно независимых источниках. А зверства, совершенные через несколько дней этими "демократами" под зеленым знаменем ислама, зверства, от которых в буквальном смысле слова стынет кровь, тоже удостоверены мировым сообществом.

Далее, беру на себя смелость утверждать, что о некоторых фактах нарушений прав человека в Узбекистане, действительно имевших место Президент или не знал вообще, или узнал уже впоследствии. За отдельные из этих нарушений прямую ответственность должны нести должностные лица государственной администрации. Здесь, даже в верхних эшелонах, не мало людей, камуфлирующихся в белые одежды преданности и веры.

Государственный аппарат в Узбекистане и на центральном, и на региональном, и на местном уровне отнюдь не продолжение Президента. Это совсем другая субстанция, очень мозаичная, внутренне противоречивая по многим константам. Здесь и люди, преданные Президенту, служащие ему верой и правдой, и те, кто реализует политику Президента, его решения только из страха лишиться должности и во многих случаях или имитирующих полезную деятельность, или профанирующих ее, и фигуры явно одиозные, блокирующие или извращающие идеи и волю Президента, поскольку это противоречит их своекорыстным интересам или вообще из чувства хорошо скрытой враждебности.

В русле этих рассуждений может привлечь внимание и маленький фрагмент из выступлений публициста Лермана Усманова, одного из последовательных оппонентов Президента Каримова, в политическом клубе "Альтернатива" еще в 1992 году. Вот этот фрагмент: "Почему в ответе за все один Каримов? А где его команда? Чем они занимаются? Неужели в силах один человек тянуть тяжелый воз, на что, кстати, жаловался и сам Президент. Личность, несомненно, по своему яркая, самобытная, думающая. Где, наконец, его оппоненты? Не шептуны и завистники, а те, кто не меньше думает о судьбе своего народа и имеет другую программу, предлагает иные пути выхода из тупика". По-моему, весьма верно сказано.

В адрес западных критиков Президента Каримова можно высказать и соображения общего характера. По моему убеждению, на Западе просто не могут подняться до уровня, скажем так, философского отношения к реальности, особенно политической, в посткоммунистических странах. Или, наоборот, не могут вернуть рационального взгляда на ход событий в этом регионе. Места трезвых и глубоких философов в стане критиков заняты интеллектуалами, для которых главное - формальный принцип, зафиксированный в тех или иных документах, подготовленных определенным образом ангажированными специалистами.

Не соответствует, к примеру, какое-то решение Президента Каримова конкретному формальному принципу, сформулированному на Западе, его надо признать неправильным. Что же касается истинных национальных

интересов, которым отвечает это решение, это вряд ли кого-то из критиков интересует.

Между тем, отцы-основатели США хорошо понимали, что идеалы каждого народа могут быть различными и способы их осуществления тоже разными. В Декларации независимости США 1776 года к числу совершенно непреложных истин было отнесено право каждого народа организовать власть таким образом, как ему, этому народу, покажется наиболее целесообразным для безопасности и счастья.

Когда оппоненты Президента Узбекистана формулируют дихотомию: авторитарная или демократическая власть, они вводят в заблуждение общественность (а возможно и самих себя). Такой альтернативы на самом деле нет и быть не может. Если, разумеется, иметь в виду не утопические рассуждения, а реальную жизнь. Здесь сегодня альтернатива другая: или сильная исполнительная власть, создающая основы демократии и рыночной экономики, или слабая исполнительная власть, слабая, но коалиционная, с участием оппозиции. Во втором случае, путь к демократии и рынку для Узбекистана будет несомненно и длинней, и трудней. Это в лучшем варианте.

В контексте вопросов, связанных с критикой Президента Каримова, важно обратить внимание на следующее. Когда дискуссия идет между западными идеологами по поводу западных же проблем, они способны находить общий язык друг с другом и вести спор в достаточно мирном и, во всяком случае, цивилизованном ключе. Здесь налицо плюрализм, признание принципиальной возможности различных решений.

И совершенно иное дело, когда полемика идет по поводу посткоммунистических стран. Тут элемент общественного согласия, выражающийся в общем взгляде на основные ценности, начисто пропадает. Как только возникает новая ситуация, вроде тех, какие имеют место в Узбекистане, в ход могут пойти аргументы не самые мудрые и стиль становится далеко не джентельменским. Я бы даже сказал: агрессивно не джентельменским. Достаточно прочитать некоторые статьи, опубликованные в немецких газетах и журналах в апреле 1995 года в связи с государственным визитом в Узбекистан Президента ФРГ Р. Герцога. Я говорю даже не о содержании, а о стиле статей. (Frankfurter Allgemeine Zeitung, 07.04. 1995; Frankfurter Rundschau, 03.04., 11.04. 1995; Focus, 1995, № 14, S. 310-312 и др.). И это в прессе страны, которая проявляет активный интерес к Узбекистану, рассматривая его в качестве самого перспективного своего партнера в СНГ. Что же говорить в таком случае о прессе некоторых других западных стран?

Имея дело с Западом и восхищаясь его профессиональными и моральными достижениями, следует всегда не упускать из виду, что западному отношению к миру присущ тот внутренний дефект, который обычно связывают с понятием идеологии как "ложного знания". Попросту говоря, идеи, с помощью которых западные политики обосновывают свои притязания, действия и советы, могут быть очень далекими от рациональности. У Пиночета были американские советники, и он привел Чили к процветанию. У иранского шаха тоже были американские советники, но они привели к власти Хомейни и

интересов, которым отвечает это решение, это вряд ли кого-то из критиков интересует.

Между тем, отцы-основатели США хорошо понимали, что идеалы каждого народа могут быть различными и способы их осуществления тоже разными. В Декларации независимости США 1776 года к числу совершенно непреложных истин было отнесено право каждого народа организовать власть таким образом, как ему, этому народу, покажется наиболее целесообразным для безопасности и счастья.

Когда оппоненты Президента Узбекистана формулируют дихотомию: авторитарная или демократическая власть, они вводят в заблуждение общественность (а возможно и самих себя). Такой альтернативы на самом деле нет и быть не может. Если, разумеется, иметь в виду не утопические рассуждения, а реальную жизнь. Здесь сегодня альтернатива другая: или сильная исполнительная власть, создающая основы демократии и рыночной экономики, или слабая исполнительная власть, слабая, но коалиционная, с участием оппозиции. Во втором случае, путь к демократии и рынку для Узбекистана будет несомненно и длинней, и трудней. Это в лучшем варианте.

В контексте вопросов, связанных с критикой Президента Каримова, важно обратить внимание на следующее. Когда дискуссия идет между западными идеологами по поводу западных же проблем, они способны находить общий язык друг с другом и вести спор в достаточно мирном и, во всяком случае, цивилизованном ключе. Здесь налицо плюрализм, признание принципиальной возможности различных решений.

И совершенно иное дело, когда полемика идет по поводу посткоммунистических стран. Тут элемент общественного согласия, выражающийся в общем взгляде на основные ценности, начисто пропадает. Как только возникает новая ситуация, вроде тех, какие имеют место в Узбекистане, в ход могут пойти аргументы не самые мудрые и стиль становится далеко не джентельменским. Я бы даже сказал: агрессивно не джентельменским. Достаточно прочитать некоторые статьи, опубликованные в немецких газетах и журналах в апреле 1995 года в связи с государственным визитом в Узбекистан Президента ФРГ Р. Герцога. Я говорю даже не о содержании, а о стиле статей. (Frankfurter Allgemeine Zeitung, 07.04. 1995; Frankfurter Rundschau, 03.04., 11.04. 1995; Focus, 1995, № 14, S. 310-312 и др.). И это в прессе страны, которая проявляет активный интерес к Узбекистану, рассматривая его в качестве самого перспективного своего партнера в СНГ. Что же говорить в таком случае о прессе некоторых других западных стран?

Имея дело с Западом и восхищаясь его профессиональными и моральными достижениями, следует всегда не упускать из виду, что западному отношению к миру присущ тот внутренний дефект, который обычно связывают с понятием идеологии как "ложного знания". Попросту говоря, идеи, с помощью которых западные политики обосновывают свои притязания, действия и советы, могут быть очень далекими от рациональности. У Пиночета были американские советники, и он привел Чили к процветанию. У иранского шаха тоже были американские советники, но они привели к власти Хомейни и

способствовали утверждению в этой стране исламского фундаментализма, который стал кошмаром для Запада. Неужели по отношению к сегодняшней Средней Азии на Западе готовы повторить фатальную ошибку?

Еще один, особенно многозначительный пример неспособности Запада адекватно оценить ситуацию, связанную с неродной для него реальностью, это постоянное обращение к привычной дихотомии "демократы - коммунисты", когда надо выработать отношение к конфликту в таких, например, местах, как Таджикистан. Казалось бы, должна быть совершенно ясна неуместность самих этих понятий для осмысления тамошних событий, но Запад совершенно необходимо как-то идентифицировать "зло" и "добро". Это ведь единственный принятый здесь способ выработки ответственного отношения к социальной реальности. Между тем, в реальной жизни нет этой дихотомии, а всё смещено, как в известной поэтической метафоре: "В комиссарах - душа самодержавия, взрывы революции - в царях".

Если копнуть чуть глубже идеологического ориентира, относящегося к связке "демократы - коммунисты", то обнаруживается более фундаментальный слой общезападного мировоззрения. Это - утверждение "священного" права на оппозицию власти. Независимо от сравнительной ценности, полезности для народа власти и оппозиции и независимо от того - есть ли в данной стране экономическая, культурная, политическая, правовая инфраструктура демократии, необходимая для цивилизованного взаимодействия власти и оппозиции.

Сегодня, естественно, Запад может себе позволить возвести право на оппозицию в священный принцип. Но защищая это право как общечеловеческое и даже "естественное", он совершенно перестает осознавать и градирозность своей социально-политической демократической инфраструктуры и ту железную дисциплину, которая там царит, и, главное, то, что оппозиция на Западе на уровне принципов приобретает конструктивный или, по крайней мере, не деструктивный характер именно по мере развития этой инфраструктуры и укрепления этой дисциплины.

На Западе, по-видимому, не все осознают ту непреложную истину, что демократия, как дискуссия о путях развития общества, имеет своей обратной стороной такую развитую бюрократию и такую организацию управления, о каких в посткоммунистических странах и понятия не имеют, а свобода на уровне гражданского общества есть обратная сторона абсолютного, исключющего в идеале какие-либо дискуссии, порядка на уровне работы.

На Западе отказываются видеть тот исторический факт, что в своем недоразвитом состоянии, которое неизбежно приходится прожить любому обществу на пути к демократии, противостояние оппозиции и власти несет себе не созидание, а разрушение.

И все это невидимое и непонимаемое на Западе хорошо видит и понимает Президент Каримов. В этом его сила, в этом его высокая ценность для народа Узбекистана.

Пару лет назад московские кинематографисты сняли небольшой фильм о Президенте Узбекистана. Мне он понравился и своей профессиональностью

и, главное, своей точностью в передаче отдельных черт характера И. Каримова, качеств его личности. Два сюжета особенно запомнились.

Каримов беседует. Он слушает, слышит, очень хочет понять собеседника, спорит, соглашается. И, наконец, радуется тому, что узнал что-то новое, толковое. В такие минуты он очень обаятелен, молод, задорен. Человек, любящий общаться с людьми, находящий в этом смысл жизни.

И второй сюжет. Каримов после работы, в саду, сидит на скамейке под деревом. Он немного ссутулился, большие руки устало лежат на коленях. Он задумался о чем-то. Мастер, который выполнил сегодня тяжелую трудную работу, и которого завтра ожидает работа еще более тяжелая, еще более трудная.

Позолота сходит, а крепкая кожа остается. Эти слова, сказанные в одной мудрой сказке, многократно подтверждены и политической жизнью последних лет. От позолоты деклараций и заявлений очень многих демократических лидеров эпохи перестройки и постперестройки не осталось и следа. Президент же Узбекистана, который всегда жил не в мире слов, а в мире реальностей, может предъявить своему и другим народам крепкую кожу несомненных достижений руководимой им страны.

ГЛАВА ВТОРАЯ

АЛГОРИТМЫ ИСТОРИИ

Запад есть Запад, Восток есть Восток.

В самом широком, в философском смысле термин "алгоритмы" обозначает программу, определяющую способы поведения. Алгоритмы истории понимаются именно в таком смысле. Как исторический код жизни народа. Использован термин в книге как дань уважения памяти великого узбекского ученого аль Хорезми. В латинской транскрипции *algorithmi*. Отсюда и происходит это слово.

Воспоминания, вообще, великая сила, несущая динамику любого этноса. Это эстафета культурных традиций. Историю справедливо сравнивают с путеводной нитью Ариадны, которая помогает народам выйти из лабиринта безвременья. Историческая память народа нужна и ему самому, и всему миру.

Когда Президент Кыргызской Республики рассказывает в Конгрессе США или в Колумбийском университете о том, что демократия в Кыргызстане спустилась с гор Ала-Тоо, что ее истоки в военной демократии кыргызов, имеющей тысячелетнюю историю - это впечатляет, это формирует уникальный образ страны и ее Президента.

Когда государственные деятели Латвии и Эстонии упорно напоминают, что их народы были "встроены" в западно-европейский мир уже несколько столетий назад - это тоже впечатляет.

А что же Узбекистан с его удивительной историей? Ведь он помимо вербальной, так сказать, информации, может предъявить миру материальные доказательства своего великого прошлого, своей гуманистической культуры.

Дыхание прошедших времен веет в легендарных сказочных столицах древних цивилизаций: жемчужине Востока Самарканде, святом городе Ислама Бухаре или Хиве, городе под далеким открытым небом.

Выдающийся исследователь Востока Херманн Вамбери в середине прошлого века писал: "Вначале я думал, что Хива показалась мне такой прекрасной по контрасту с пустыней, страшные образы которой до сих пор, как мираж, перед моими глазами. Однако я нашел окрестности Хивы с их маленькими замкообразными двориками в тени великолепных тополей, с прекрасными лугами и пашнями, сегодня лучше всего того, что мне довелось видеть в самых разных частях Европы. Если песни восточных поэтов будут по-прежнему звучать здесь, Вы не найдете ни одного достойного сравнения...".

И сегодня - площади, окаймленные минаретами, блестящими куполами мечетей, великолепными фасадами дворцов, узкие извилистые улочки, по

которым к базару течет восточная жизнь, - живые исторические архивы, которые имеет далеко не каждая страна.

Замечательному тюркскому писателю VIII века Йоллыг-тегину, автору надгробных надписей своему отцу Бильге-хагану и своему дяде Кюль-тегину принадлежат слова: "Первый долг потомков - уберечь от забвения своих предков. И тогда беспощадное и всемогущее время не властно над ними".

Уместно было бы, по-видимому, привести здесь пророческие слова видного ученого-востоковеда С. Ф. Ольденбурга: "Старый Восток, великий творец в области духа, дал нам вечные образы, которые никогда не потеряют своего значения. Новый Восток тоже полон великих возможностей, заветы старого не умерли в нем, но он должен претворить их в новые образы, дать новые достижения".

Особая цивилизация?

Многовековая история народной жизни в Узбекистане определила весьма существенные особенности узбекского национального характера. Отношение узбеков к труду, к быту, к своей судьбе, точнее, ответственности за свою судьбу.

Во всяком случае, я не рискнул бы отнести к узбекам следующее высказывание М. Е. Салтыкова-Щедрина относительно своих соотечественников:

"Думают, что мы рождены затем, чтобы жить на всем готовом, что нам не нужно никакого труда, чтобы стать на ту высоту, которая другими народами достигается ценой многих усилий и чрезмерной работой мысли. К сожалению, привычки народные, в основании которых лежит какая-то фаталистическая надежда на внешнюю помощь, с излишествами оправдывает эти странности и соображения".

Лет десять тому назад известный американский историк и социолог Фрэнсис Фукуяма ввел в научный оборот термин "конец истории". В начале этот термин шокировал научную мысль своей совершенно очевидно парадоксальностью. Потом к нему привыкли, и, вроде бы, приняли как вполне допустимую гипотезу. Естественно, что в данном случае "конец истории" понимается не в том смысле, что нет движения человеческой жизни во все ее внешних проявлениях, а в том, что человечеством исчерпаны все возможные исторические сюжеты. По мнению Ф. Фукуямы, венцом общественной организации является либеральная демократия, и как тут не крути, ничего лучшего не придумаешь.

Может все это и так, во всяком случае было бы недопустимым легковесное отрицание или опровержение этой весьма свежей и оригинальной идеи. Однако нельзя не согласиться и с тем, что каждый народ пишет, переписывает свою историю по своему. У каждого народа, образно говоря, свой "конец истории".

Если дело обстоит именно так, то включится то ли изнутри, то ли извне проблема "Узбекистан вчера - Узбекистан сегодня", по моему убеждению невозможно, не дав себе труда осмыслить фактор сохранивших жизнен

силу узбекских национальных традиций, делающих невозможным слепое копирование западных образцов, в том числе и либеральной демократии.

Размышления на эту тему представляются очень важными для выработки стратегии нынешней демократизации общественной жизни этой страны.

Речь идет, с одной стороны о современности узбекской истории, а с другой - об историзме современности.

"Плотно интегрированное мусульманское традиционное общество, - пишет Д. Карлайл, - существовало в Узбекистане в течение столетий. Оно выдержало советский период и устояло против яростных попыток коммунистов уничтожить его. Оно не сдалось перед угрозами своей внутренней целостности, вызванными современной жизнью в целом. В итоге появилось то, что можно назвать "традиционализированной современностью" или "осовремененным традиционным порядком".

"Семья и друзья, знакомые и родня, племя и клан были и остаются главнейшими реалиями действительности, исходящими из живой народной жизни, а не искусственным изобретением тоталитарного коммунистического государства". (с.17).

Обновление Узбекистана должно и, судя по всему, будет происходить с очень большими особенностями, отличающими это обновление от соответствующих процессов в других новых независимых государствах бывшего Советского Союза, тем более, от соответствующих процессов в Восточно-Европейских странах.

Здесь и разрыв между объективно необходимыми, назревшими потребностями модернизации общественного строя (экономического, политического) и состоянием экономической и политической культуры и многое другое.

Преобразования, происходящие ныне в Узбекистане, должны решить задачу синхронизации различных процессов, разделенных в историческом развитии Западной Европы и США столетиями: формирование ценностей свободы, суверенитета личности и вместе с тем развитие этноса, спаянного определенными представлениями о справедливости, счастье, смысле жизни.

По моему убеждению, в случае с Узбекистаном мир имеет дело с усилением особой цивилизационной идентичности, ростом особого цивилизационного самосознания.

История человечества знала, по подсчетам специалистов, более двух десятков цивилизаций и еще больше субцивилизаций. Многие из них существуют и в современном мире. В их числе - западная, исламская, конфуцианская, японская, православно-славянская, латиноамериканская, африканская. Или такие субцивилизации, как европейская и североамериканская, турецкая и арабская. И две суперцивилизации: Запад и Восток.

Цивилизации были и остаются культурными общностями самого высокого порядка, самым широким уровнем культурной идентичности людей. Они и сегодня отличаются наличием таких общих, совершенно объективных черт как язык, история, религия, обычаи. Люди разных цивилизаций по разному смотрят на отношения между индивидом и группой, гражданином и государством, родителями и детьми, имеют разное представление о соот-

силу узбекских национальных традиций, делающих невозможным слепое копирование западных образцов, в том числе и либеральной демократии.

Размышления на эту тему представляются очень важными для выработки стратегии нынешней демократизации общественной жизни этой страны.

Речь идет, с одной стороны о современности узбекской истории, а с другой - об историзме современности.

"Плотно интегрированное мусульманское традиционное общество, - пишет Д. Карлайл, - существовало в Узбекистане в течение столетий. Оно выдержало советский период и устояло против яростных попыток коммунистов уничтожить его. Оно не сдалось перед угрозами своей внутренней целостности, вызванными современной жизнью в целом. В итоге появилось то, что можно назвать "традиционализированной современностью" или "осовремененным традиционным порядком".

"Семья и друзья, знакомые и родня, племя и клан были и остаются главнейшими реалиями действительности, исходящими из живой народной жизни, а не искусственным изобретением тоталитарного коммунистического государства". (с.17).

Обновление Узбекистана должно и, судя по всему, будет происходить с очень большими особенностями, отличающими это обновление от соответствующих процессов в других новых независимых государствах бывшего Советского Союза, тем более, от соответствующих процессов в Восточно-Европейских странах.

Здесь и разрыв между объективно необходимыми, назревшими потребностями модернизации общественного строя (экономического, политического) и состоянием экономической и политической культуры и многое другое.

Преобразования, происходящие ныне в Узбекистане, должны решить задачу синхронизации различных процессов, разделенных в историческом развитии Западной Европы и США столетиями: формирование ценностей свободы, суверенитета личности и вместе с тем развитие этноса, спаянного определенными представлениями о справедливости, счастье, смысле жизни.

По моему убеждению, в случае с Узбекистаном мир имеет дело с усилением особой цивилизационной идентичности, ростом особого цивилизационного самосознания.

История человечества знала, по подсчетам специалистов, более двух десятков цивилизаций и еще больше субцивилизаций. Многие из них существуют и в современном мире. В их числе - западная, исламская, конфуцианская, японская, православно-славянская, латиноамериканская, африканская. Или такие субцивилизации, как европейская и североамериканская, турецкая и арабская. И две суперцивилизации: Запад и Восток.

Цивилизации были и остаются культурными общностями самого высокого порядка, самым широким уровнем культурной идентичности людей. Они и сегодня отличаются наличием таких общих, совершенно объективных черт как язык, история, религия, обычаи. Люди разных цивилизаций по разному смотрят на отношения между индивидом и группой, гражданином и государством, родителями и детьми, имеют разное представление о соот-

ношении прав и обязанностей, свободы и принуждения, равенства и иерархии. Эти различия складываются столетиями. Они более фундаментальны, чем различия между идеологиями и политическими режимами.

Один из самых авторитетных политологов Запада профессор Гарвардского университета Сэмюэль П. Хантингтон пишет: "Мир действительно становится более тесным вследствие усиления коммуникации, в силу усиления взаимосвязей между народами, но по закону единства интеграции и дифференциации это ведет к росту цивилизационного самосознания, к усилению общности в рамках конкретной цивилизации, к пониманию различий между ними". "Культурные особенности и различия, - подчеркивает он, - менее подвержены изменениям, чем экономические или политические. В бывшем Советском Союзе коммунисты при желании могли стать демократами, рабочие перейти в крестьянское состояние, но русский, как бы он ни хотел этого, никогда не станет эстонцем, а азербайджанец армянином". (Samuel P. Huntington. *The Clash of civilisation?* New York, 1993)

И, вряд ли справедливо считать претенциозными цитируемые Президентом И. Каримовым слова Редьярда Киплинга из "Баллады о Востоке и Западе": "О Запад есть Запад, Восток есть Восток. И с места они не сойдут, пока не предстанут небо с землей на страшный Господен суд".

С исключительными трудностями, связанными с переносом одних культурных и в целом цивилизационных ценностей в другую культуру и другую цивилизацию, мир сталкивается в процессе, так называемой, вестернизации мусульманских стран. Ярким примером этому является и Япония. Эти проблемы ставят множество вопросов, на которые трудно, а подчас и невозможно, найти однозначные ответы. Как правило, несмотря на самые энергичные усилия того или иного государственного лидера повернуть свою страну на западный манер, рано или поздно начинается заметный откат назад.

Известно, что глобальную западную аккультурацию Турции, начиная с рецепции гражданского и всех других швейцарских кодексов и кончая запретом ношения фесок, пытался провести Кемаль Ататюрк. Сейчас налицо многочисленные факты ренессанса восточной мусульманской культуры в этой стране. Сегодня Турция значительно меньше отличается от других мусульманских стран, чем это можно было предположить после успехов Кемалистской революции. И Запад, в свою очередь, воздерживается от принятия Турции в свою ассоциацию.

Образцом сильнейшей консервативности цивилизационных ценностей является Япония. В эпоху Мэйдзи были переведены практически все французские и немецкие кодексы и на их основе приняты соответствующие японские кодексы и законы. Под сильным влиянием американских правовых доктрин была разработана Конституция Японии 1946 года. Однако правоскопированное по западным образцам, регулирует лишь незначительную часть общественной жизни Японии.

Дело в том, что западное право основано на индивидуализме, который никогда не имел крепких корней в Японии. Социальные структуры и либеральный дух, которые предполагаются кодексами европейского образца

лишь в незначительной степени существуют в японской действительности. Главное для японца - нормы поведения, установленные традициями, а не законами. Суды в Японии довольно активны, но большая часть их деятельности в области отношений между частными лицами составляет примирение, а не решение дела по существу.

Словом, тут, как говорится, ни прибавить, ни убавить. Типы и подтипы цивилизаций оказываются делом вполне реальным и очень серьезным

Итак, примем за данность, что национальное возрождение для народа Узбекистана - это далеко не реставрация архаики и фольклорного бытия, как считает кое-кто на Западе. Проблемы здесь многократно масштабнее. Речь идет о стиле жизни, о специфике общественных отношений - и экономических, и политических, и, особенно, социальных, о во многих узловых вопросах.

И еще одно соображение. Регион, в котором расположен Узбекистан, называют по разному: Туркестан, Средняя Азия, Центральная Азия. Термин "Туркестан" широко применялся после колонизации региона Россией. Понятие "Средняя Азия" было введено в официальный оборот уже в советское время для обобщенного обозначения Узбекистана, Кыргызстана, Туркменистана и Таджикистана. Географически относили сюда и южные области Казахстана. В политическом смысле применялся термин "Средняя Азия и Казахстан", хотя критерии выделения последнего из Средней Азии были весьма условными. Затем английские и американские исследователи стали применять термин "Центральная Азия" вместо "Средняя Азия и Казахстан", внося путаницу в специальную литературу.

Во время встречи в январе 1993 года в Ташкенте глав государств региона с "подачи" Президента Казахстана Н. Назарбаева решили "узаконить" термин "Центральная Азия". Почему? Ведь можно было бы заявить, что понятие "Средняя Азия" включает в себя и Казахстан. Чем термин "Центральная" в данном случае лучше термина "Средняя"? Политический эффект для России был бы тот же. Западные же специалисты в большинстве своем проигнорировали это решение Ташкентской встречи "в верхах" и по-прежнему, применяя термин "Средняя Азия", включают в него и Казахстан. Думаю, что совершенно правильно. Во всяком случае, в своих записках я использую именно эту терминологию, исходя именно из таких границ среднеазиатского региона.

Народ, который старше своего имени.

Один из крупнейших исследователей истории узбеков академик С. П. Толстов писал: "Узбеки, как народ, их язык, старше их имени. Узбекский народ сформировался как тюркоязычный народ на территории нынешнего Узбекистана за много веков до появления в 16 веке здесь узбеков-кочевников, которые в составе узбекского народа представляют лишь одно из слагаемых".

В состав современного узбекского народа входят не только древнейшее тюркское население - Мавераннахра, но и тюркские племена, пришедшие в

конце 10 - начале 11 веков вместе с караханидской династией. В их состав узбекского народа и согдийцы, и хорезмийцы, и таджики, и голские племена барласов, к которым принадлежал Темур, и джалаиры.

Узбекистан выполнил в своей истории великую миссию: на своей земле связал воедино города и степь, оседлые и кочевые народы, интегрировал в единый народ.

Узбеки принадлежат к тюркоязычной языковой группе, однако по этногенезу они ближе к нетюркоязычным таджикам, чем к другим народам Центральной Азии. Корни и узбеков, и таджиков уходят в Согд, Хорезм, Бактрию, Фергану, в древнюю городскую цивилизацию региона. И те, и другие - наследники великой культуры раннего средневековья, созданной там в Мавераннахре вместе с согдийцами, бактрийцами, парфянами, хорезмийцами.

Многие узбеки, относящиеся к разным слоям населения, с которыми мне довелось беседовать на эту тему, именно так и воспринимают и свое происхождение, и особенности своей культуры, ее специфику.

"Не все народы и не всегда идут в счет мировой истории. Каждый народ ответственен своему принципу, выступает в свой момент". Этот точный афроизм Гегеля приходит на ум, когда обращаешься к истории узбекского народа. В его истории были времена действительно взлетов, были и моменты исторической неостребованности.

Из долгой истории узбеков - их богатый опыт ирригационных сооружений, интенсивного сельского хозяйства, самобытность и изящество архитектуры, музыки и живописи, образования и науки.

Территория современного Узбекистана столетиями была зоной контакта между цивилизациями Китая, Индии, Ближнего Востока и Европы. Одним из факторов для этого, в значительной степени, был Великий шелковый путь, длинная дорога от Средиземного моря до Пекина. Этот путь служил не только для транспортировки товаров, особенно предметов роскоши. По нему проходили завоеватели. К счастью, не только с войсками, но и с идеями. Появились и утверждались идеи Зороастры, буддизм, христианство, а в конце концов и ислам.

На период с 8 по 15 век приходятся выдающиеся достижения в области образования и науки в Узбекистане. По свидетельствам авторов средневековых историков, в Самарканде уже более 2 тысяч лет тому назад мальчиков с 7 лет обучали письму и счету, а в юношеском возрасте отправляли с караванами для изучения торгового дела. Несколько позже в городах на почве практических потребностей в ирригации и путешествиях, в торговле достаточно хорошо (не только по тем временам) поставлено обучение юношей математике. Еще позже, в начале 10 века здесь стали создаваться медресе - средние и высшие мусульманские школы. Отсюда стали распространяться они по разным регионам мусульманского мира.

Между прочим, из этих же времен истоки одной из удивительных особенностей узбекского быта - семейной педагогики. Ее суть в том, что уважают детей, старшие - младших.

Карта

Президент ИСЛАМ КАРИМОВ

Президент И. КАРИМОВ встречается с аксакалами
одной из махаллей Бухарской области

Президент И. КАРИМОВ с председателем правительства Российской
Федерации В. Черномырдиным во время посещения завода
холодильников в г. Самарканде

Президент И. КАРИМОВ с выдающимся писателем Чингизом Айтматовым после вручения ему ордена "Дустлик" ("Дружба")

Встреча Президента И. КАРИМОВА с представителями узбекской диаспоры в Нью-Йорке, сентябрь 1993 г.

Президент И. КАРИМОВ выступает на специальном торжественном заседании Генеральной Ассамблеи, посвященной 50-летию ООН 24 октября 1995 г.

Президент И. КАРИМОВ выступает перед членами совета "Американский интернэшнл групп" 23 октября 1995 г., Нью-Йорк

Памятник Амиру Темуру в самом центре столицы Республики —
восстановление исторической справедливости

Памятник великому ученому-астроному и государственному деятелю XV в. Мирзо Улугбеку в г. Нукусе

Хива — одна из колыбелей цивилизации мира

Медресе Шайхантахур в дореволюционное время, г. Ташкент

Великий узбекский поэт Гафур Гулям читает стихи в кругу своих друзей

Памятник кузнецу Шаахмеду Шамахмудову и его жене Бибигуль, усыновившим во время Великой Отечественной войны 14 детей-сирот разных национальностей, г. Ташкент

Этот период узбекской истории славен творчеством таких гениев мирового масштаба как астроном аль Фергани (9 век), философ аль Фараби (9 век), математик аль Хорезми (11 век), энциклопедист Бируни (конец 10 - первая половина 11 века), Абу али Ибн Сина (10-11век), руководство по медицине которого, переведенное на латинский язык, столетиями служило учебником для врачей и в Европе.

После татаро-монгольского нашествия, приведшего к разрушению экономики и упадку культуры, в Узбекистане со второй половины 14 века - новый подъем культурной жизни. Снова крупные ученые и мыслители в различных отраслях знаний. Первая половина 15 века - Улугбек, вместе с учениками составивший астрономические таблицы и каталог звезд, представлявшие последнее слово в тогдашней астрономии. Вторая половина 15 века - начало 16 века - Алишер Навои, великий узбекский поэт, представлявший несколько восточных культур.

Поэтому и досадно, и больно слушать некоторых "просветителей" из дальнего и ближнего зарубежья, когда они рассуждают на тему об отсталости среднеазиатских народов и об особой роли других государств в деле приобщения этих народов к культуре. Уверен, что им самим принесло бы немалую пользу знакомство с истоками узбекской цивилизации. Я не узбек и имею право так написать.

В начале 1995 года была опубликована содержательная статья немецкого профессора Й. Кальтера "Наследники Великого шелкового пути". К сожалению, я не знаком с этим ученым, который, судя по этой статье, хорошо знает и любит Узбекистан. В своей статье он пишет: "В Европе понятие о стиле жизни в Узбекистане носит односторонний характер... Представители новой культурной генерации в Узбекистане хорошо знают Гёте и Верди, Пушкина и Максима Горького. Знают ли так Бируни и Навои в Европе?"

В Узбекской истории и Амир Темура (1336-1405 г.г.). Сейчас в центре Ташкента установлен памятник Темуру. Стремительный всадник, протягивающий вперед руку - Темура на боевом коне. По мысли Президента Каримова, этот памятник должен олицетворять связь между прошлым и будущим. Официальной пропагандой нового независимого Узбекистана Темура рассматривается как выдающийся государственный деятель, великий полководец, сыгравший исключительную роль в истории узбекского народа.

Однако, на мой взгляд, в оценке Темура не все так просто. И в политическом смысле тоже.

Его деятельность как монарха имела много положительного, заслуживающего доброй памяти потомков. Он создал совершенное государственное устройство своей империи, достаточно отработанную систему законов. Темура - это и крупнейшие, гигантские по тем временам, оросительные работы, расцвет ремесел и торговли, строительства и архитектуры городов.

Темура обладал исключительными личностными качествами - сильной волей, личной храбростью, острым умом, военным и государственным

талантом. Военные историки справедливо причисляют Темура к числу крупнейших полководцев. В то же время очевидно и то, что Темура вошел в мировую историю как один из самых жестоких завоевателей, причем нередко эта жестокость ничем не может быть оправдана, даже по нравственным меркам его времени.

Своеобразен взгляд Д. Карлайла на иницируемый Президентом Каримовым интерес к личности Темура. Он называет это "реабилитацией Темура" и связывает ее с возвращением доброго имени бывшего лидера Узбекистана, многолетнего руководителя компартии Шарафа Рашидова.

"Каримов начал кампанию, которую можно назвать: "Вперед через прошлое". Такие кампании имеют место во всех политических системах, когда власть обращает свой взор на уважаемые исторические фигуры, чтобы усилить легитимность режима и поддержать моральный дух народа.

Темура и Рашидов, две выдвинутые вперед исторические личности, имели более или менее достойные черты характера. Конечно, не все действия Темура вызывают аплодисменты и не вся его деятельность заслуживает подражания. И хотя правда, что Рашидов стал местным героем, когда оказался жертвой Москвы, у него также были отрицательные черты, которые едва ли нуждаются в похвалах.

Есть и другая пара героев, один - из отдаленного прошлого, другой - ближе к настоящему, которых можно было бы поместить в Пантеон исторических героев Узбекистана. Первый - Улугбек, внук и наследник Темура, исключительно привлекательная личность. Ученый и строитель, поставленный рядом со своим дедом, завоевателем и разрушителем, создавал бы исключительный исторический контраст, придавал бы истории узбекского народа необходимый динамизм. Второй персонаж из XX века. Файзулла Ходжаев, житель Бухары и патриот Самарканда, ликвидированный в 1938 году по указанию Сталина. Файзулла Ходжаев должен быть возвращен узбекской истории. Именно этот юный премьер-министр Узбекистана был создателем планов светлого будущего своей страны, планов, которые с таким упорством и волей, реализует сегодня Президент Каримов". (с.193).

В узбекской истории и столетняя российская колонизация и 70-летний период советской власти. Время, на многие воистину жгучие вопросы которого пока трудно дать вразумительные ответы. Однако есть в этой эпохе некие события совершенно очевидные по своей регрессивной сути. В их числе произвольно произведенное в двадцатых годах нынешнего века государственное размежевание Средней Азии. То, что Президент Каримов назвал "искусственным разделением наций и народностей, проживающих на единой территории, называемой Туркестан, проведенное с целью властвовать над ними".

"Произведенное Москвой национальное размежевание 1924-1925 г.г., - пишет Д. Карлайл, - смешало в одну кучу различные, иногда расходящиеся друг от друга этнические общности. При этом некоторые этносы оказались расчлененными на части" (с.8). По данным видного немецкого исследователя

Средней Азии Пауля Георга Гайса, после размежевания узбеки составляли 21% населения Таджикистана и 11 % населения Кыргызстана, образуя национальные районы, оторванные от Узбекистана. Имело место откровенное политическое манипулирование, последствия которого в настоящее время изменить нельзя.

Президент Каримов обоснованно говорит о том, что государственное размежевание осталось фактором, усиливающим и сегодня многие проблемы Узбекистана и, в определенной мере, преградой для положительного решения многих вопросов.

Через прошлое к будущему.

Запад и Восток в их цивилизационной ипостаси можно различить по разным критериям. Один из них мне кажется особенно важным. О нем прежде всего речь.

В жизни всякого человеческого общества можно выделить два аспекта: деловой и коммунальный. В первом аспекте речь идет об организации общественного производства. Во втором - о различных взаимоотношениях, в которые люди вступают в зависимости от того факта, что их много и что они должны жить совместно из поколения в поколение. Различие этих аспектов, доминирование одного из них образуют самую глубокую основу различий между западным и восточным типом цивилизации.

Западное общество, в основном, организуется по законам делового аспекта. В восточном - приоритет коммунальности. Здесь - решающая роль в объединении людей в масштабе страны - за государством. Отсюда особое отношение на Востоке к государству, к власти.

Вообще, признание власти, как факта, не требующего обоснования, и подчинение ей - это одна из основных формул высокоразвитой человеческой организации. Что на Западе, что на Востоке. С той только разницей, что на Западе отношение к власти подчинено формальной логике, а на Востоке наполнено особым смыслом, особым чувством и пиететом.

В традициях узбекского народа уважительное отношение и даже почтение к представителям власти, к должностным лицам государства. И, как правило, не из страха, а потому что люди привыкли искренне верить в то, что власть призвана заботиться о них в силу каких-то высших начал, в том числе, и религиозного свойства. Можно назвать это "патернализмом", "этническим патернализмом", или как-то иначе - суть дела не изменится. Это реализм действительной жизни. Но если власть, если ее представители не оправдают доверия людей, если они окажутся слабыми и безнравственными - горе им. Уважение и почтение людей сменится глубоким презрением. На Востоке это еще страшнее чем на Западе.

Словом, особое отношение к власти узбеков - это алгоритм истории. И когда в Узбекистане или Кыргызстане оппозиция, исходя из своих политических целей, нередко сугубо своекорыстных, позволяет себе в своих печатных изданиях оскорблять Президента, унижать его достоинство как главы государства - это безнравственно в понимании народной нравственности.

Нарушение традиции вообще дорого обходится любому обществу: традиции общения народа и власти - особенно. Говоря языком аскетики, за порывом благодати приходит богооставленность и власть бесов.

Одна из важных черт характера узбеков - их постепенность, взвешенность, отрицательное отношение к разного рода суетливым делам и поступкам. В Узбекистане не любят спешить и не воспринимают катаклизмы так, как могут воспринять их, скажем в России.

Я уже писал выше о взглядах Президента И. Каримова на эволюцию и революцию. У них глубокие исторические корни. И в общественной практике, и во взглядах мыслителей прошлого. Еще аль Фараби писал: "Умеренные, средние действия, соизмеряемые с сопутствующими им условиями и средой, при всех прочих обстоятельствах более полезны для достижения счастья". А вот по этому поводу Бируни: "События на населенной части земли совершаются либо сразу, либо последовательно. Для нас лучше, если они будут совершаться последовательно". Аналогичное мнение на этот счет и у Ибн Сины: "От одного качества к другому качеству можно перейти одним толчком. И можно переходить постепенно. Для людей постепенный ход приемлемей".

Узбекскому национальному характеру от века присущ коллективизм. Он однако ничего общего не имеет с советским коллективизмом. Если люди, одушевленные чувством солидарности, на основе равенства и справедливости вкладывают свой труд и свои средства в общее дело, то в этом можно видеть только высшее проявление человеческого достоинства и нравственности. Поправление свободы личности начинается тогда, когда людей принуждают к коллективизму. Принудительная нравственность есть всегда безнравственность.

Узбекский коллективизм проявляется на всех уровнях и во всех сферах общественной жизни. В быту и на производстве, в экономике и политике. На Западе, будь то в Америке или Европе, такое чувство общности отсутствует. Если сравнить, допустим, США или Германию с Узбекистаном, то там люди на порядок, а может быть и на два порядка, более независимы и автономны. В Узбекистане они буквально сцеплены друг с другом разнообразными неформальными связями.

Апофеозом коллективности в узбекском обществе является институт махалля. Как форма организации местных сообществ, местного самоуправления махалля прошла века, она сохранилась на самых крутых виражах узбекской истории. Сегодня в ней заложен бесценный опыт нескольких десятков поколений. Ее не покинула энергия жизни, она не растворилась в историческом небытии.

Махалля - арабское слово, означающее торгово-ремесленные кварталы. Известно оно было уже в 10 веке. Уже тогда отдельные кварталы махалля в городах на территории нынешнего Узбекистана были настолько значительными, что могли рассматриваться как самостоятельная часть города. Махалля руководило знатное лицо - шейх или юзбаши, избираемые на общем собрании. Каждая махалля имела свой общественный центр, где

на озелененной территории находились мечеть и чайхана. Махаллинцы имели общий инвентарь, необходимый для разного рода общинных дел.

В Ташкенте, например, в 1865 году было 140 махалля, в которых проживало свыше 76 тысяч человек. В двадцатых годах нынешнего столетия число махалля в этом городе - 280. Сегодня их более 300. Аналогичная, в принципе, картина и в других городах Узбекистана. (Разумеется, соответственно их населению и территории).

Д. Карлайл, многие годы исследовавший историю и социологию махалля, пишет: "Семья и друзья были и остаются главной основой местной жизни. Краеугольным камнем были личностные отношения. Они создали структуру так называемого "клана", наиболее важной сети, соединяющей и разделяющей людей. Махалля, основанная на близких связях и сцементированная генеологическими принципами была местом, где узбеки рождались, воспитывались и обычно проживали всю свою жизнь. Благосклонность была заложена в махалля, где дружба была устойчивым понятием.

Все вращалось вокруг махалля, и личностная преданность распространялась по всему городу, а иногда охватывала регион. В таких традиционалистских условиях редко чей-то опыт немедленно распространялся за пределы круга персональных контактов. На любом расстоянии личность могла участвовать в свадебных торжествах, похоронных мероприятиях членов клана. Разнообразные семейно-родственные связи за пределами махалля также имели немалый вес в ежедневной жизни, но не такой как махалля". (с.165).

В махалля родилась и развивалась такая форма общественного взаимодействия и коллективного труда как хашар. Проходят столетия, а при помощи хашара все также строят дома, мосты, дороги, строятся арыки и каналы. Были, есть и, не сомневаюсь, будут хашары, связанные с выполнением больших общественных дел. Трудно поверить, но за 45 дней 160 тысяч человек построили Большой Ферганский канал. Сегодня, и я свидетель этому, на основе хашара был возведен телевизионный центр в Ургуте.

Коммунистический режим, поколебавший многие традиционные узбекские социальные структуры, в борьбе с махалля должен был отступить. Она оказалась ему "не по зубам". В 1938 году атаки на махалля, продолжавшиеся с конца 20-х годов, были приостановлены. Решение было принято такое: махалля должна сосуществовать с новыми социалистическими структурами, дополняя их.

Социальные психологи Запада называют в качестве характерных черт "рыночного человека" практицизм, деловитость, расчетливость, способность к конкуренции, к риску, самодисциплину и самоорганизованность. Нет этих качеств, говорят они, не будет и рыночной экономики, будет лишь ее подобие, некая имитация.

Думаю, что для любого народа формирование такого личностного типа дело времени. Солдатами, как говорится, не рождаются, солдатами

на озелененной территории находились мечеть и чайхана. Махаллинцы имели общий инвентарь, необходимый для разного рода общинных дел.

В Ташкенте, например, в 1865 году было 140 махалля, в которых проживало свыше 76 тысяч человек. В двадцатых годах нынешнего столетия число махалля в этом городе - 280. Сегодня их более 300. Аналогичная, в принципе, картина и в других городах Узбекистана. (Разумеется, соответственно их населению и территории).

Д. Карлайл, многие годы исследовавший историю и социологию махалля, пишет: "Семья и друзья были и остаются главной основой местной жизни. Краеугольным камнем были личностные отношения. Они создали структуру так называемого "клана", наиболее важной сети, соединяющей и разделяющей людей. Махалля, основанная на близких связях и сцементированная генеологическими принципами была местом, где узбеки рождались, воспитывались и обычно проживали всю свою жизнь. Благосклонность была заложена в махалля, где дружба была устойчивым понятием.

Все вращалось вокруг махалля, и личностная преданность распространялась по всему городу, а иногда охватывала регион. В таких традиционалистских условиях редко чей-то опыт немедленно распространялся за пределы круга персональных контактов. На любом расстоянии личность могла участвовать в свадебных торжествах, похоронных мероприятиях членов клана. Разнообразные семейно-родственные связи за пределами махалля также имели немалый вес в ежедневной жизни, но не такой как махалля". (с.165).

В махалля родилась и развивалась такая форма общественного взаимодействия и коллективного труда как хашар. Проходят столетия, а при помощи хашара все также строят дома, мосты, дороги, строятся арыки и каналы. Были, есть и, не сомневаюсь, будут хашары, связанные с выполнением больших общественных дел. Трудно поверить, но за 45 дней 160 тысяч человек построили Большой Ферганский канал. Сегодня, и я свидетель этому, на основе хашара был возведен телевизионный центр в Ургуте.

Коммунистический режим, поколебавший многие традиционные узбекские социальные структуры, в борьбе с махалля должен был отступить. Она оказалась ему "не по зубам". В 1938 году атаки на махалля, продолжавшиеся с конца 20-х годов, были приостановлены. Решение было принято такое: махалля должна сосуществовать с новыми социалистическими структурами, дополняя их.

Социальные психологи Запада называют в качестве характерных черт "рыночного человека" практицизм, деловитость, расчетливость, способность к конкуренции, к риску, самодисциплину и самоорганизованность. Нет этих качеств, говорят они, не будет и рыночной экономики, будет лишь ее подобие, некая имитация.

Думаю, что для любого народа формирование такого личностного типа дело времени. Солдатами, как говорится, не рождаются, солдатами

становятся. Что же касается узбеков, то история эти качества в них давным давно заложила.

Удивительнейшим образом общинность в психологии узбеков совмещается с индивидуализмом. Узбекам свойственен прагматизм, активная, а не созерцательная жизненная ориентация. Интерес к материальной, денежной стороне жизни не представляет для них исчерпывающей жизненной ценности, но в достаточной мере определяет и цели, и содержание деятельности. Узбеки способны терпеть лишения в надежде на успех дела. И они отличаются высокой дисциплинированностью.

Все эти особенности узбекского национального характера - весомая гарантия того, что страна успешно справится с модернизацией экономической жизни в рыночном направлении. И не только на уровне фраз, доктрин и деклараций, а на практике.

Узбеки наделены свыше особым мужеством и отвагой. В критический момент, когда требования чести заставляют человека жертвовать собой, им нет равных. Чеченцы, жившие во время своей ссылки в Среднюю Азию рядом с узбеками, считают, что мужеству и хладнокровию, с которыми узбеки идут на смерть, может позавидовать любой чеченец.

Узбекам глубоко присуще чувство отзывчивости и взаимопомощи, они никогда не оставят своего соседа в беде. Они не оставят в беде любого, кто пришел к ним за помощью. В годы Второй мировой войны Узбекистан принял на своей земле, приютил, обогрел, накормил сотни тысяч гонимых войной людей, продемонстрировав миру величие своей души. Разве можно забыть удивительно искренние и душевные слова незабвенного Гафура Гуляма, сказанные им детям, занесенным войной в Узбекистан: "Здесь ты дома, здесь я берегу твой покой. Спи, кусочек души моей, маленький мой".

На площади Дружбы народов в Ташкенте находится необычная скульптурная группа - пожилые узбек и узбечка в окружении детей. В годы войны ташкентский кузнец Шаахмед Шамахмудов и его жена Бахри приняли в свою семью 14 детей-сирот, потерявших родителей. Русские, украинцы, евреи, молдаване - для всех детей они стали любящими, заботливыми отцом и матерью. Их уже нет в живых - старого кузнеца и его жены, щедро отдавших тепло своих сердец осиротевшим детям. Но память о них свято берегут в Узбекистане. Улица, где стоит их дом, носит имя Шамахмудовых. О них снят фильм, написаны книги. Их подвиг запечатлен в скульптуре. Думаю, что число таких памятников в Узбекистане могло бы исчисляться тысячами.

Мальчишкой пережив эту проклятую войну, сегодня я земным поклоном кланяюсь светлой памяти Гафура Гуляма, кузнеца Шамахмудова и его жены, многих и многих незнакомых мне узбеков. Я среди тех, кто в неоплатном долгу перед ними.

Один из самых священных институтов общественной жизни для узбеков - семья. "Почтение к отцу - почтение к Аллаху. Достойным быть отца - достойным быть Аллаха". Эти принципы живут в узбекской семье и ныне.

Социально-возрастная иерархия, свойственная Узбекистану и в целом Востоку, не понятна на Западе. Неслучайно слово "брат" во многих европейских

языках не имеет адекватного лексического эквивалента в узбекском языке. В этом языке нет перевода слова "брат" в равенственном значении. Есть либо "старший брат" - "ака", либо "младший брат" - "ука". Между прочим, это же характерно и для японского языка. В данном случае перед нами не просто совпадение, а закономерное отражение закрепления в языке первостепенности и важности возрастной иерархии на Востоке: одно дело быть старшим, другое - младшим. В зависимости от этого определяется и степень ответственности и мера прав.

На Западе немало людей, которые считают такой культ семьи - архаизмом. Однако все громче звучат голоса тех, кто призывает поднять падающий престиж института семьи. Все больше и больше общественность беспокоит расцвет религиозных сект и разного рода религиозных группировок, дающих людям чувство причастности друг к другу, заменяющих им семью. Если на Западе в вопросах семьи возобладает разум - узбекская семья может стать там достойным для подражания образцом.

Узбеки, в большинстве своем, по настоящему религиозны. Ислам веками был для народа Узбекистана и верой, и нравственностью, и совестью, и просвещением. В общественном сознании узбеков укоренилась мусульманская правовая культура, основанная на шариате.

Здесь весьма важно понять, что шариат проникнут системой обязанностей, возложенных на человека, а не правами, которые он может иметь. Мусульманское право всегда признавало за властями полномочия принимать самые строгие решения, самые авторитарные меры, если они направлены на охрану общественного порядка.

Каков бы ни был прогресс, достигнутый в мусульманских странах по перестройке права по западному образцу, авторитетные исследователи считают, что юридические традиции мусульманства, его специфическое правовое мышление и поведение сохранятся и даже усилятся на достаточно большую перспективу.

Прожитое время различно для каждого народа. И по его продолжительности, и по насыщенности событиями, и по своему влиянию на настоящее и будущее. У народа Узбекистана, как уже сказано, оно уникально по всем этим параметрам. В нем первооснова многих сегодняшних истин.

Алгоритмы узбекской истории, алгоритмы будущего узбекского народа олицетворяют гении и классики этой страны, созданные ими шедевры, золотые страницы науки и литературы, искусства и архитектуры. Алгоритмы в традициях, вере, отношении к жизни.

Если известно, что именно на этой почве, а не на какой-либо другой, пускают корни деревья и приносят щедрые плоды, значит для этих деревьев эта почва и есть истина. Если именно эта религия, эта культура, ритм жизни и мера вещей, эти, а не какие-либо иные, дают народу ощущение духовной и душевной пользы, внутреннего достоинства и силы - это и есть истина для этого народа. Такова логика мыслей и действий Президента Узбекистана И. Каримова. И она не может не вызывать уважения.

языках не имеет адекватного лексического эквивалента в узбекском языке. В этом языке нет перевода слова "брат" в равенственном значении. Есть либо "старший брат" - "ака", либо "младший брат" - "ука". Между прочим, это же характерно и для японского языка. В данном случае перед нами не просто совпадение, а закономерное отражение закрепления в языке первостепенности и важности возрастной иерархии на Востоке: одно дело быть старшим, другое - младшим. В зависимости от этого определяется и степень ответственности и мера прав.

На Западе немало людей, которые считают такой культ семьи - архаизмом. Однако все громче звучат голоса тех, кто призывает поднять падающий престиж института семьи. Все больше и больше общественность беспокоит расцвет религиозных сект и разного рода религиозных группировок, дающих людям чувство причастности друг к другу, заменяющих им семью. Если на Западе в вопросах семьи возобладает разум - узбекская семья может стать там достойным для подражания образцом.

Узбеки, в большинстве своем, по настоящему религиозны. Ислам веками был для народа Узбекистана и верой, и нравственностью, и совестью, и просвещением. В общественном сознании узбеков укоренилась мусульманская правовая культура, основанная на шариате.

Здесь весьма важно понять, что шариат проникнут системой обязанностей, возложенных на человека, а не правами, которые он может иметь. Мусульманское право всегда признавало за властями полномочия принимать самые строгие решения, самые авторитарные меры, если они направлены на охрану общественного порядка.

Каков бы ни был прогресс, достигнутый в мусульманских странах по перестройке права по западному образцу, авторитетные исследователи считают, что юридические традиции мусульманства, его специфическое правовое мышление и поведение сохранятся и даже усилятся на достаточно большую перспективу.

Прожитое время различно для каждого народа. И по его продолжительности, и по насыщенности событиями, и по своему влиянию на настоящее и будущее. У народа Узбекистана, как уже сказано, оно уникально по всем этим параметрам. В нем первооснова многих сегодняшних истин.

Алгоритмы узбекской истории, алгоритмы будущего узбекского народа олицетворяют гении и классики этой страны, созданные ими шедевры, золотые страницы науки и литературы, искусства и архитектуры. Алгоритмы в традициях, вере, отношении к жизни.

Если известно, что именно на этой почве, а не на какой-либо другой, пускают корни деревья и приносят щедрые плоды, значит для этих деревьев эта почва и есть истина. Если именно эта религия, эта культура, ритм жизни и мера вещей, эти, а не какие-либо иные, дают народу ощущение духовной и душевной пользы, внутреннего достоинства и силы - это и есть истина для этого народа. Такова логика мыслей и действий Президента Узбекистана И. Каримова. И она не может не вызывать уважения.

Один из западных исследователей проблем политического лидерства образно заметил: "Великое событие всегда свадьба между лидером и временем, не только настоящим, но и прошлым". Если это так, то у Узбекистана должны быть все основания для оптимизма.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В ПЕРЕХОДНОМ ПЕРИОДЕ: КТО СТАВИТ ТЕЛЕГУ ВПЕРЕДИ ЛОШАДИ?

Один из постулатов стратегического курса Президента И. Каримова звучит примерно так: если политика продвигается быстрее экономики - возникает разрыв, который может привести реформы в постсоветском обществе к краху. Я спросил у Президента Кыргызской Республики Аскара Акаева, исповедующего иную стратегию реформ (демократизация политической жизни и на этой основе переход к рыночной экономике): "Кто ставит телегу впереди лошади - Вы или Президент Каримов?".

А. Акаев вначале шутливо сказал: "Все зависит от того - какая телега и какая лошадь". А потом серьезно добавил: "Приоритет политического или экономического определяется комплексом факторов, в числе которых этнический состав, готовность элитных групп к реформам, харизматический лидер."

Все это так, но ясно также и то, что переход от тоталитаризма через посткоммунизм к рынку на своем глубинном уровне не может не иметь единой объективной логики для всего постсоветского пространства.

Эта логика, естественно, получает конкретную модификацию в зависимости от конкретных условий той или иной страны. Однако, повторяю, на глубинном уровне она едина для всех новых независимых государств, тем более среднеазиатских.

Теперь все более очевидно, что именно Президент Узбекистана действует в соответствии с объективными тенденциями переходного периода и цивилизационными особенностями своего народа. Поэтому, используя приведенное идиоматическое выражение, с уверенностью можно сказать, что именно в Узбекистане поставили и лошадь и телегу так, как они предназначены стоять: лошадь - впереди, телега - сзади.

Особый путь Узбекистана в проведении экономических реформ, отличный от пути, которым идут практически все постсоветские государства. Его заметные успехи вызывают у многих потребность объяснить и себе, и другим этот феномен. Ищут образцы, с которых Президент Узбекистана "списал" свою экономическую программу.

Д. Карлайл пишет: "Китай, как политическая и экономическая модель, произвел очень большое впечатление на Каримова, когда он путешествовал по этой стране. Способность Китая поддерживать авторитаризм, одновременно экспериментируя в области экономики, вероятно, и была той оставшейся в сознании моделью, которую он имел в виду для своей страны. Однако открыто он этого так и не признал". (с.177).

Действительно, опыт Китая, выражающийся в умелом сочетании директивного, прямого и дистанционного, опосредованного управления экономикой

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В ПЕРЕХОДНОМ ПЕРИОДЕ: КТО СТАВИТ ТЕЛЕГУ ВПЕРЕДИ ЛОШАДИ?

Один из постулатов стратегического курса Президента И. Каримова звучит примерно так: если политика продвигается быстрее экономики - возникает разрыв, который может привести реформы в постсоветском обществе к краху. Я спросил у Президента Кыргызской Республики Аскара Акаева, исповедующего иную стратегию реформ (демократизация политической жизни и на этой основе переход к рыночной экономике): "Кто ставит телегу впереди лошади - Вы или Президент Каримов?".

А. Акаев вначале шутливо сказал: "Все зависит от того - какая телега и какая лошадь". А потом серьезно добавил: "Приоритет политического или экономического определяется комплексом факторов, в числе которых этнический состав, готовность элитных групп к реформам, харизматический лидер."

Все это так, но ясно также и то, что переход от тоталитаризма через посткоммунизм к рынку на своем глубинном уровне не может не иметь единой объективной логики для всего постсоветского пространства.

Эта логика, естественно, получает конкретную модификацию в зависимости от конкретных условий той или иной страны. Однако, повторяю, на глубинном уровне она едина для всех новых независимых государств, тем более среднеазиатских.

Теперь все более очевидно, что именно Президент Узбекистана действует в соответствии с объективными тенденциями переходного периода и цивилизационными особенностями своего народа. Поэтому, используя приведенное идиоматическое выражение, с уверенностью можно сказать, что именно в Узбекистане поставили и лошадь и телегу так, как они предназначены стоять: лошадь - впереди, телега - сзади.

Особый путь Узбекистана в проведении экономических реформ, отличный от пути, которым идут практически все постсоветские государства. Его заметные успехи вызывают у многих потребность объяснить и себе, и другим этот феномен. Ищут образцы, с которых Президент Узбекистана "списал" свою экономическую программу.

Д. Карлайл пишет: "Китай, как политическая и экономическая модель, произвел очень большое впечатление на Каримова, когда он путешествовал по этой стране. Способность Китая поддерживать авторитаризм, одновременно экспериментируя в области экономики, вероятно, и была той оставшейся в сознании моделью, которую он имел в виду для своей страны. Однако открыто он этого так и не признал". (с.177).

Действительно, опыт Китая, выражающийся в умелом сочетании директивного, прямого и дистанционного, опосредованного управления экономикой

громадной страны, централизации с саморазвитием провинций и предприятий не может не привлечь внимания новых независимых государств среднеазиатского региона. Нельзя, особенно в контексте перестроечных реформ, не выразить уважение по поводу того с какой волей, энергией, последовательностью проводится в Китае аграрная реформа. В итоге этой реформы, как известно, производство зерна увеличилось в 1,5 раза, хлопка - в 1,2 раза, сахара - в 3,6 раза, мяса - в 3,8 раза. Ежегодно, в среднем на 28%, возрастает промышленная продукция деревенских предприятий (в том числе и с участием иностранного капитала).

Другие в поисках первоосновы узбекских экономико-политических решений "копают" глубже. Лидеры оппозиции обвиняли Президента Узбекистана в том, что он в своей экономической стратегии ориентировался на "чилийскую модель". Я лично не слышал из уст Каримова и не читал об его отношении к этой модели. Однако, если даже он относится к ней положительно, кто из разумных политиков может кинуть в него камень. Речь ведь, в сущности, идет об разработанных при активном участии американских экспертов принципах переходного периода от тоталитаризма и анархической охлократии к либеральной демократии.

Убежден, что "узбекский путь" - открытие И. Каримова, во многом, если так можно выразиться, его "ноу-хау". Это следствие его экономической эрудиции, ясного ума, таланта политического лидера, хорошо понимающего, что нужно простому человеку, и, естественно, хорошего знания мирового опыта.

У последней черты.

Я уже упоминал об обстановке, предшествующей приходу И. Каримова к руководству государством. Здесь об этом подробнее.

Мне пришлось прочитать много статей, в которых освящалось положение дел в "предкаримовском" Узбекистане. Эти статьи были опубликованы в 1989-1990 годах и в центральных газетах и журналах ("Новый мир", "Огонек", "Знамя", "Октябрь", "Дружба народов", "Нева" и др.), и республиканских ("Звезда Востока"), а также изданиях дальнего зарубежья ("Problems of communism"). Читал я их и тогда, перечитывал сейчас, работая над книгой. Совершенно искренне могу сказать: картина создается ужасная, страшная.

Понимаю, что здесь было не мало "накруток", "перехлестов", вызванных с одной стороны, личными потрясениями авторов, их личными переживаниями, может быть не всегда адекватными, а с другой - гласность в это время своим главным стержнем имела отрицание, отрицание сегодняшнего в пользу завтрашнего.

Я выбрал несколько, на мой взгляд, сдержанных статей, авторы которых, в основном, пытались рассуждать с фактами в руках.

О чем же написано в этих статьях?

О распаде экономики.

О невыносимых социальных условиях жизни.

О деформированной культуре.

О национализме и связанном с ним исходе русскоязычных из Узбекистана.

Об угрозе исламского фундаментализма.

О кровавых событиях во многих городах Узбекистана.

О дефиците сильных и ярких личностей в политической элите республики, как правящей, так и оппозиционной.

В большинстве статей говорилось о том, что в Узбекистане, собственно как и во всем среднеазиатском регионе, дают о себе знать все более обостряющиеся противоречия между высоким темпом прироста населения и трудовых ресурсов и низким уровнем эффективности общественного производства, между потребностями в социальных благах и реальными возможностями их удовлетворения.

"Будучи преобразованным в одну большую хлопковую плантацию, Узбекистан вышел на путь длительного трагического эксперимента, определяя возможность монокультуры разъесть не только сельское хозяйство, но также промышленность, образование, здравоохранение и, в конечном счете, общественную нравственность". Так писал в 1989 году об Узбекистане Б. Румер.

Один из авторов пишет: "Как бы мы не раздавали земли и приусадебные участки, в настоящий момент на каждого трудоспособного сельского жителя, например, в Ферганской долине, приходится не более половины 1 га хлопковых земель и не более 17 соток личной территории. Кого может прокормить крестьянин на этом клочке земли, размеры которого нельзя расширить вследствие ограниченности водных ресурсов и практически невозможно повысить урожайность из-за истощения земли?".

В 1990 году в Ташкенте состоялся "круглый стол", в котором приняли участие авторитетнейшие ученые и специалисты Узбекистана и других тогдашних советских республик. Этот "круглый стол" прошел под девизом: "Человек Мавераннахра: миражи и реальность". На нем прозвучало очень много мыслей, выраженных, по тем временам, в новой, иногда даже эпатажной форме.

В частности, на "круглом столе" на основании статистических данных и других официальных документов говорилось о том, что жизненный уровень узбекского народа один из самых низких в тогдашнем СССР, что он уступает даже многим африканским странам.

А вот что писал в то время уже упомянутый публицист Лерман Усманов: "Недавно побывал я в сельских районах Хорезмской, Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областей, в Ферганской долине. Размеренная привычная жизнь, украшаемая свадьбами, обрядом обрезания, религиозными праздниками, вот только цены начинают кусаться, а в остальном - все хорошо. Традиционный чай и серая лепешка, подневольный изнурительный труд и только бросающаяся в глаза нищета жилищ, одежды, еды. Бедность простых тружеников молчаливо свидетельствует о крайне низком жизненном уровне народа, о тех трудностях, которые тщательно скрываются в семье. Позора нищеты никто не хочет разглашать. Порой поражаешься терпению нашего народа, его неприхотливости, покорности. Так складывались его исторические судьбы, к этому его призывала религия. А за годы советской власти

мы окончательно выбили из него чувство собственного достоинства, веру в справедливое".

В журнальных и газетных статьях писалось и о том, что идеалы и нормы социалистического общества так и не смогли вытеснить привычные национальные обычаи и нравы. Потеснить потеснили, но дальше этого дело не пошло. Почему? Да, потому что достаток и благополучие так и не пришли в узбекскую семью, социализм так и не смог накормить миллионные массы коренного населения и более того разорил их земли, погубил Арал и поставил народ перед угрозой экологической катастрофы, изгнал национальную культуру.

Уже с позиции сегодняшнего дня можно констатировать, что в республике годами и десятилетиями создавалась гибридная, незнающая своего родства, суррогатная культура, особенно в среде руководящих работников и интеллигенции. В результате этих мутационных процессов появилось чуть ли не целое поколение национальных кадров, слабо владеющих узбекским языком, а то и вовсе незнающих его, далеких от своей народной культуры, корней своих, но так и не сумевших овладеть, в то же время, богатствами русской культуры, западным наследием.

Один из авторов пишет о рождении менталитетной смеси патриархально-исламских и тоталитарно-сталинских представлений о жизни, крепко засевших в головах определенной части народа, преимущественно среднего и старшего поколений; о разрушении наиболее позитивных компонентов национальной культуры и духовности.

Вот свидетельство другой статьи: "Перестроечная демократизация всех сторон общественно-экономической жизни Узбекистана скорее актуализировала традиционные патриархальные обычаи и формы жизни, как своеобразную альтернативу и оппозицию тоталитарно-имперскому режиму, тоталитарно-имперскому сознанию. В этой ситуации было бы удивительно, если бы не проявились достаточно откровенно и в широких масштабах националистические настроения и ориентация на мусульманские обычаи и ритуалы."

В центральной печати говорилось о том, что угроза исламизации и "сплошной национализации" всех форм хозяйственной, интеллектуальной и культурной жизни Узбекистана заставляют русское население бросать свои насиженные и ставшие родными места и бежать за любой кордон. Хотя подчеркивалось, что в Узбекистане нет таких дискриминационных указов о гражданстве, об образовании, о языке, какие появились в Прибалтике.

Много писалось в то время о ферганских, кокандских, ошских, ташкентских и подобных кровавых и страшных событиях. Разное писалось, на разном уровне, с разными подходами. Во многих статьях говорилось о том, что терпению народа тоже есть предел, что его вековой спячке приходит рано или поздно конец, что народ достоин лучшей участи, чем покорность и нищенское существование и что нельзя не учитывать накапливающуюся ярость народа, давно перешагнувшего черту бедности и могущего в слепом порыве наделать не мало бед и отбросить Узбекистан далеко назад в средневековье.

Отрывок из статьи, опубликованной в журнале "XX век и мир": "Народ Узбекистана - очень разумный народ, но, судя по всему, сейчас многих в Узбекистане охватывает, говоря словами Достоевского "желание дать пинка здравому смыслу". Эти взрывы ярости не могут не иметь тяжелейших последствий для страны".

Писали и об удручающем положении дел в государственном аппарате республики, о коррупции, охватившей буквально все уровни и все сферы государственного управления. Писали и о том, что в республике нет общественных деятелей, пользующихся доверием различных слоев населения, нет лидеров, посвятивших себя защите интересов народа и борьбе за демократические преобразования.

Вот в таком состоянии к началу переходного периода находился Узбекистан - прекрасная страна, благословенный край.

Клубок социальных проблем казалось бы был запутан "намертво". Какую нить тянуть прежде всего?

Логика переходного периода в Узбекистане: не навредить.

Исследование проблем переходного периода, ответы на поставленные жизнью вопросы в этот период - задача архисложная и для практиков, и для ученых. Она связана с жестким, обгоняющим размышления динамизмом процессов и сильной вовлеченностью в них всех: президентов и министров, предпринимателей и интеллигенции, рабочих и крестьян. Посторонних здесь нет. Хочет этого человек или не хочет.

Обычно, следуя за буквальным смыслом слов "переходный период", его пытаются представить как протяженное настоящее, находящееся "между" прошлым и будущим, как нечто обусловленное прошлым, как причиной, и будущим, как целью.

Однако для переходного состояния любой социальной системы, любого общества и прошлое, и будущее неопределены. Дело в том, что в прошлом ищут не столько истину, сколько обоснование уже избранного будущего. Будущее же, как социальные цели, не просто противоречиво, но и разорвано, поскольку в обществе ослаблена интеграция, и оно утратило или еще не успело набрать необходимой критической массы общепринятых ценностей и идеалов.

Однако никакое общество не может нормально развиваться без этого. Сегодня общественная потребность "набрать" ценности и идеалы проявляется в спорах о социально ориентированной рыночной экономике и рыночном социализме, о либеральной демократии и социал-демократии, о западном или восточном пути развития. Спорах, кажущихся порой схоластическими. Эта потребность проявляется и в абстрактных ссылках на общечеловеческие ценности, и в идеализации национальной истории. Кроме того, представление о будущем, как социальных целях, может меняться вслед за борьбой и победами групповых интересов, в связи со сменой лидеров.

Избрали, скажем, Президента в Белоруссии или пришел к власти новый Президент в Азербайджане - сжигается то, чему поклонялись до них, и, наоборот, поклоняются тому, что сжигалось при их предшественниках.

Нет никакого сомнения в том, что переходный период должен быть представлен не только как верное или неверное отражение прошлого и будущего, а как самостоятельное состояние общества. Причем, достаточно длительное состояние, соизмеримое, по-видимому, с жизнью целого поколения, а то и двух.

Один немецкий специалист по современным политическим проблемам среднеазиатского региона, с которым мне приходится в последнее время встречаться, недоумевает: "Почему у них такие нереальные представления о сроках возможных перемен в их жизни? Неужели нельзя изучить аналогичный опыт других стран и определиться, хотя бы примерно, с временными масштабами?"

Естественно, что переходные периоды наполнены различными хаотическими процессами, неопределенностью. Кто-то метко назвал их "мостом вдоль реки". Более того, в той или иной стране в силу разного рода причин, в том числе ошибочного курса лидера, они могут не иметь очевидного человеческого смысла и исторического будущего. Однако они существуют как данность. Они реальны. Они имеют свои закономерности, свои тенденции.

Посткоммунистический переходный период - только один из видов переходных периодов. В истории человечества их было не мало. При всех громадных различиях между ними, основной смысл их - модернизация общества, его экономики, его политики, его культуры. Период до условного окончания такой модернизации, то есть, до выхода страны на уровень устойчивого экономического роста, политической стабильности, социального благополучия и называется переходным периодом.

В большинстве стран мира, за исключением очень немногих (таких, как США, Япония, ФРГ, Великобритания) преобразования переходного периода носили и носят характер "модернизации вдогонку", если использовать термин современной социологии развития. Вдогонку за развитыми странами.

Если характеризовать социальную форму, социальное содержание любого переходного периода в любой стране, то необходимо говорить, в первую очередь, о степени жестокости и о величине социальных издержек, социальной "цены", выплачиваемой за возможный, хотя и не всегда и не везде реализующийся, долговременный социально-экономический выигрыш.

Переходный период в Узбекистане - это, безусловно, ситуация "запаздывающей модернизации", идущей сверху, политическим путем, ситуация коренной перестройки экономики на основе изменения форм собственности, точнее установления частной собственности, попыток включиться в новую технологическую волну. Главная задача здесь - постоянно находить некоторый, почти недостижимый, оптимум необходимых темпов экономических и политических реформ, их соотношения и, главное, приемлемой социальной цены.

Реформы для Узбекистана возможны и необходимы при одном условии: "медленно поспешать". В Узбекистане, как сказано, не любят спешить. В условиях переходного периода эта истина становится универсальной.

Вот мнение на этот счет М. Бунге, профессора Университета Мак Гила из Монреаля: "Переход должен быть постепенным, поскольку революция вызывает слишком много страданий и социальных потерь".

Что касается социальных потерь, то позиция И. Каримова хорошо известна. Он ее излагал много раз. "Подумайте, - сказал он в одном из своих выступлений, - что произошло бы, если в условиях Узбекистана мы применили бы шоковую терапию Гайдара? Только представьте, к каким последствиям это привело бы в стране, где половина населения - дети и подростки".

В другом случае И. Каримов спросил собеседника: "Неужели Вы не согласны с тем, что радикализм в реформах - это почти всегда нарушение интересов простого человека, о котором, судя по Вашим критическим выступлениям, Вы так печетесь".

У Достоевского в "Братьях Карамазовых" Иван Карамазов говорит своему брату Алексею: "Скажи мне сам, прямо, я зову тебя, отвечай, представь, что ты возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одного ребенка, согласился бы ты быть архитектором на этих условиях? Нет, не согласился бы, - тихо проговорил Алеша". Это очень созвучно с мыслями Президента Узбекистана.

В одной публицистической статье, посвященной проблеме скорости реформ в посткоммунистических странах, сделана ссылка на Библию. А именно на главу 33-ю, в которой описана история, как два брата Исаф и Иаков встретились где-то в сердце Аравийских пустынь после долгой разлуки. Обратимся и мы к ней. Более удачливый в жизни Исаф стал звать брата в свои сады, расположенные за горами, предлагая ему идти как можно быстрее. И отвечает Иаков брату, с тоской посмотрев на горы, за которыми находятся сады Исафа: "... Господин мой знает, что дети нежны, а мелкий и крупный скот у меня дойный, если погнать его в один день, то помрет весь скот, пусть господин мой пойдет впереди раба своего, а я пойду медленно, как пойдет скот, который предо мной и как пойдут дети". Библейский вопрос, таким образом, заключается не столько в направлении, сколько в скорости движения.

Скорость движения армии, принципиально, не может быть выше скорости движения обоза с ранеными. Иначе, эта армия - не может иметь успеха, к какой бы цели она, сломя голову, не неслась. Экономически это, конечно, гораздо сложнее - требует расчетов оптимального темпа, требует изобретения какого-то кнута для понукания отстающих из ленности, а философски и этически - всё равно: "как пойдут дети и как пойдет скот".

Поэтому на вопрос: где взять деньги, чтоб кормить инвалидов и старух, инвалиды и старухи имеют полное основание ответить: "Какое наше дело. Ну, пристрелите. Ну, пристрелите, если вы так спешите на свой пир, ну, бросьте больных и раненных в голодной пустыне". И такие прецеденты в истории тоже известны. Для Президента Узбекистана об этом не может быть и речи.

Сторонникам радикальных экономических реформ теперь и самим приходится признать, что победный рывок в рынок не удался. Почему это произошло - вопрос другой, но атака захлебнулась. Это факт, о котором еще в январе 1992 года предупреждал И. Каримов.

Переходный период принимает различные формы в зависимости от уровня экономического развития страны, ее природных и людских ресурсов, характера культур, особенностей политического устройства. Но в любом случае, как сказано, это особое самостоятельное состояние общественной системы со своей логикой и механизмами развития. Что определяет эффективность этой системы? От чего зависит, выйдет ли общество из кризиса на путь прогресса?

Мир накопил в этом смысле огромный опыт, который активно изучается в развивающихся странах. Изучается, но далеко не всегда используется. Многие из выводов мировой практики явно перекликаются с реалиями Узбекистана. По-видимому, целесообразно осмыслить их в контексте его уникальной исторической ситуации, чтобы не повторять чужих ошибок, поскольку своих избежать не удавалось еще никому. Или правы те, кто утверждает, что чужие ошибки ничему не учат людей?

Практически во всех странах мира переходный период связан со следующими ключевыми социальными проблемами:

- созидательной ролью государства в проведении реформ;
- мобилизацией социального потенциала общества;
- созданием и расширением среднего класса;
- совершенствованием взаимодействия с международной средой.

Иерархия этих факторов, так сказать, степень их значимости, а также эффективность каждого из них и всех вместе, зависят от разных причин. Главная из них - что предшествовало переходному периоду, в каком состоянии находилась страна к его началу.

Не построив новый дом - не разрушай старого.

Наиболее важный фактор переходного периода - это сильное государство. Без него, что многократно доказано опытом многих стран мира, невозможно ни мобилизация социального потенциала, ни формирование среднего класса, ни успех в международных отношениях. Президент Каримов понял это раньше и лучше, чем лидеры других новых независимых государств.

Президент Узбекистана изначально понимал: какую громадную, образно говоря, гравитационную силу несет советское государственное прошлое его страны. Он понимал, что это прошлое в "человеческом материале", общественном сознании, стереотипах поведения - и тех, кто властвовал, и подвластных, а также - и "общественном материале" - разнообразных, глубоко укоренившихся формальных и неформальных связей.

Действительно, государственный аппарат в СССР, в Узбекской ССР, как и в других союзных республиках, был монопольным субъектом истории. В сфере его действия входили все аспекты жизни общества - экономика и культура, идеология и внешняя политика, торговля и воспитание детей, образование

быт и отдых и т. д. Короче говоря, все, что имело хоть какое-то значение для жизни людей и общества в целом. Государство делало все то, что в западном обществе делают частные предприниматели, банки и другие внесоциалистические средства самоорганизации. В частности, только государство осуществляло функции реформаторства и прогресса. Естественно, оно не просто по своей воле стремилось к этому, а вынуждалось в интересах самосохранения и сохранения страны. Борьба против постоянных тенденций к застою и деградации принимало формы насильственных реформ сверху, при этом властям приходилось преодолевать косность и инертность населения.

Теперь уже практикой всех постсоветских стран неопровержимо доказано, что уничтожение власти и авторитета партийно-государственного аппарата в ситуации, когда экономика остается нерыночной и когда все институты поддержания общественного порядка по-прежнему построены так, что способны эффективно работать лишь под воздействием "сверху" - такое уничтожение создает угрозу системам жизнедеятельности в каждой первичной клеточке общественного организма. Ослабление и последующее полное исчезновение партийно-государственного аппарата - а в этом состояла и должна была состоять суть распространения реформ на сферу политики - породила вакуум административного управления. Нормальное функционирование общественного организма нарушилось на всех уровнях, в центре и на местах, в любом районе, любом предприятии. Резко понизилась степень соблюдения государственной дисциплины (что особенно ощутилось в налоговой сфере), крайне ослабла безопасность повседневной жизни, началась неуклонная криминализация практически всех граней общественного бытия.

Дело тут не просто в том, что мощь Советского государства была увеличена сравнительно с обществами другого типа. Здесь мы имеем дело с качественно новой ролью государства в организации функционирования общественного организма. Тут все общество оказалось организованным по принципам государственности или применительно к ним.

Если не принимать во внимание это обстоятельство в качестве основы для понимания событий, связанных с распадом Союза и образованием новых независимых государств, то поразительно быстрый и катастрофический крах советского общества останется совершенно непонятным.

Ибо крах государственности означал здесь с необходимостью и крах всего общества, ибо никакого общества вне системы государственности тут вообще не существовало.

Особое, скажем так, центральное, ключевое место в правильном понимании скоротечного разгрома коммунистической системы занимает адекватная оценка роли коммунистической партии в этой системе. Слово "партия" всегда вводило и до сего дня вводит в заблуждение западных исследователей, поскольку оно вызывает ассоциации с партиями западных стран. Между тем, феномен, который в Советском Союзе называли "партией", в реальности партией вовсе не являлся. Как известно, он состоял из

множества партийных организаций и независимого от них партийного аппарата.

Первые - были элементами социальной организации общества, имевшими исключительные полномочия для руководства всеми аспектами жизни трудовых коллективов, влияли чрезвычайно активно на всю атмосферу общественной жизни. Многие люди в Узбекистане, как и в других республиках, вступали в коммунистическую партию с корыстными и карьеристскими целями. Однако еще большая часть членов партии ни о какой карьере не думала, никаких преимуществ от своей партийности не имела. Членство в партии, выполняемое ими совершенно безвозмездно, громадная общественная работа составляли нередко главный общественный смысл их жизни.

Партийный же аппарат был частью системы государственности, причем частью особой. Во-первых, он был стержнем, остовом всей системы власти. Во-вторых, он был такой частью власти, которая управляла всей остальной властью, т.е. властью высшего порядка. Вся система власти и управления обществом находилась под контролем партийного аппарата, являлась фактически продолжением и разветвлением его. В обратном направлении она так или иначе сходилась в партийном аппарате и отражалась в нем.

Утверждения о том, что советское общество было обществом однопартийным абсурдно. Оно было обществом, по сути дела, беспартийным. Ликвидация монополии КПСС на власть, попытка трансформации КПСС в какую-то нормальную политическую партию - были разгромом всей советской государственности и ничем иным.

Бытующее на Западе мнение о том, что Президенту И. Каримову удалось преобразовать Коммунистическую партию в Народно-демократическую партию Узбекистана (НДПУ), ставшую ее преемницей, лишено смысла. Никакая партия не может, в силу приведенных выше причин, в условиях сегодняшнего Узбекистана быть преемницей, взять на себя роль бывшей Компартии - государственной суперструктуры. 220 тысяч человек из 700 тысяч бывших членов КПСС вошли в НДПУ, движимые, в основном, желанием способствовать ходу демократических и рыночных реформ. Какая уж тут преемственность.

Другое дело, что Президенту И. Каримову, бывшему Первому секретарю Компартии Узбекистана, и некоторым его сподвижникам по партии удалось взять на себя и выполнить миссию организованной творческой силы, не допустив, фигурально говоря, затопления стихией и разрушения всего цивилизованного пространства. А наоборот, начав продуманную, постепенную реформу прежней государственной системы. Кто может упрекнуть их в этом? Особенно сегодня.

Надо учитывать и то, что даже с учетом иррациональности, вносимой в политическое сознание узбеков советским имперским режимом, в нем все же в достаточно сильной мере присутствовало традиционное национальное начало уважения к власти. В Узбекистане всегда рассматривали первых секретарей ЦК Компартии как легитимных лидеров страны, хотя и

получивших власть не традиционным для этой страны способом. Поэтому, как уже говорилось, обвинение Ш. Рашидова и его окружения в различных преступлениях, исходившее из Москвы, было воспринято как обвинение в адрес всего узбекского народа. Легитимность партийных руководителей областного и районного ранга в народе тоже не вызывала сомнения.

Д. Карлайл считает, что "возможно, наиболее поразительным выражением стратегического курса Каримова, определенного им самим девизом "не построив новый дом, не разрушай старого" является реабилитация Рашидова. Эта кампания была начата летом 1992 года, а уже к концу 1992 года день рождения Рашидова праздновался вместо ноябрьской годовщины революции. Был восстановлен его памятник. Близлежащий проспект, ранее называвшийся Ленинским, получил имя Рашидова. Все это делалось не столько для того, чтобы воздать должное по справедливости человеку за его многолетнюю службу Узбекистану, главным было - и через эту акцию тоже - предотвратить распад государственности". (с. 176).

Не берусь подыскивать название революции, приведшей к крушению тоталитарной коммунистической системы в Советском Союзе в целом и в Узбекистане, в частности. "Бархатная" она была или какая-то иная - не знаю. Однако, как всякая другая революция, она должна была иметь определенные социальные последствия: какие-то социальные слои потеряли все или большую часть привилегий, а какие-то стали расти и укрепляться.

Немало серьезных исследователей на Западе и в самой России считают, что определенные выгоды от новой российской власти получила часть прежней государственной номенклатуры. Но основной выигрыш не у них, а у спекулянтов торгового капитала, быстро и сказочно богатеющих за счет обнищания населения. Этот-то капитал и создал благоприятнейшие возможности для сверхактивной деятельности мафии, организованной преступности.

Некоторые из наблюдателей идут еще дальше. Они пишут, например, следующее: "...мафия сегодня в посткоммунистических странах - это тесное объединение и переплетение предпринимателей, спекулянтов, финансистов и политиков, которые не соблюдают и не думают соблюдать невыгодные им законы. Вот чей сегодня строй".

То, что в Узбекистане все эти поистинне страшные явления не получили такого развития как в других постсоветских странах, что там общественный строй не находится в руках этих сил - сегодня уже очевидно для всех и в дальнем, и в ближнем зарубежье. Главная причина этого - постепенное реформирование государственной власти, а не обвальное.

Президент России Б. Ельцин, выступая 2 марта 1995 года на траурном митинге на похоронах убитого популярного тележурналиста В. Листьева, сказал, в частности, следующее: "В Узбекистане взяли и расстреляли 6 бандитских групп. Расстреляли органы внутренних дел. И положение сразу же начало улучшаться". В Ташкенте, насколько мне известно, дезавуировали это заявление Ельцина. Однако в любом случае это красноречивый факт

получивших власть не традиционным для этой страны способом. Поэтому, как уже говорилось, обвинение Ш. Рашидова и его окружения в различных преступлениях, исходившее из Москвы, было воспринято как обвинение в адрес всего узбекского народа. Легитимность партийных руководителей областного и районного ранга в народе тоже не вызвала сомнения.

Д. Карлайл считает, что "возможно, наиболее поразительным выражением стратегического курса Каримова, определенного им самим девизом "не построив новый дом, не разрушай старого" является реабилитация Рашидова. Эта кампания была начата летом 1992 года, а уже к концу 1992 года день рождения Рашидова праздновался вместо ноябрьской годовщины революции. Был восстановлен его памятник. Близлежащий проспект, ранее называвшийся Ленинским, получил имя Рашидова. Все это делалось не столько для того, чтобы воздать должное по справедливости человеку за его многолетнюю службу Узбекистану, главным было - и через эту акцию тоже - предотвратить распад государственности". (с. 176).

Не берусь подыскивать название революции, приведшей к крушению тоталитарной коммунистической системы в Советском Союзе в целом и в Узбекистане, в частности. "Бархатная" она была или какая-то иная - не знаю. Однако, как всякая другая революция, она должна была иметь определенные социальные последствия: какие-то социальные слои потеряли все или большую часть привилегий, а какие-то стали расти и укрепляться.

Немало серьезных исследователей на Западе и в самой России считают, что определенные выгоды от новой российской власти получила часть прежней государственной номенклатуры. Но основной выигрыш не у них, а у спекулянтов торгового капитала, быстро и сказочно богатеющих за счет обнищания населения. Этот-то капитал и создал благоприятнейшие возможности для сверхактивной деятельности мафии, организованной преступности.

Некоторые из наблюдателей идут еще дальше. Они пишут, например, следующее: "...мафия сегодня в посткоммунистических странах - это тесное объединение и переплетение предпринимателей, спекулянтов, финансистов и политиков, которые не соблюдают и не думают соблюдать невыгодные им законы. Вот чей сегодня строй".

То, что в Узбекистане все эти поистинне страшные явления не получили такого развития как в других постсоветских странах, что там общественный строй не находится в руках этих сил - сегодня уже очевидно для всех и в дальнем, и в ближнем зарубежье. Главная причина этого - постепенное реформирование государственной власти, а не обвальное.

Президент России Б. Ельцин, выступая 2 марта 1995 года на траурном митинге на похоронах убитого популярного тележурналиста В. Листьева, сказал, в частности, следующее: "В Узбекистане взяли и расстреляли 6 бандитских групп. Расстреляли органы внутренних дел. И положение сразу же начало улучшаться". В Ташкенте, насколько мне известно, дезавуировали это заявление Ельцина. Однако в любом случае это красноречивый факт

того, какой имидж имеет Узбекистан и насколько высок рейтинг его Президента в смысле борьбы с преступностью.

Итак, в Узбекистане были сохранены и включены в новые государственные структуры в центре и на местах (в областях, районах и городах) руководящие кадры и профессиональные функционеры бывшего партийного аппарата (за исключением особо одиозных, скомпрометировавших себя, коррумпированных фигур)). В результате была сохранена и разветвленная разнообразная сеть патерналистских и клиентарных отношений, отношений взаимозависимости, взаимодействия, поддержки, пронизывающие узбекское общество. Причем сохранены в достаточно большой мере под контролем Президента - умного, сильного, волевого лидера, могущего, когда это необходимо, во время сказать категорическое "нет".

Кто спорит - отношения эти нередко далеки от идеалов нравственной чистоты и совершенства. Президент И. Каримов, смею заверить читателя, понимает это лучше кого-либо другого на Западе или где-нибудь еще. Но попытаться разрушить их в одночасье - было бы не просто утопией. Это было бы трагедией для народа Узбекистана.

Альтернативой курсу И. Каримова на сохранение сильной государственной власти был бы, во всяком случае, российский вариант, о котором с такой болью и горечью написал недавно писатель Даниил Гранин. Вот фрагмент из его эссе на эту тему. "Еще пять лет назад поднимался разговор о схеме приоритетов национальной безопасности страны. Нищета здравоохранения вызвала наибольшие потери в стране. На втором месте шла загрязненность окружающей среды. Ныне на первое место вышли потери от криминальной обстановки. От них люди гибнут физически и страдают морально, страдают невыносимо, униженные своей беспомощностью и бессилием.

От нас скрывают, сколько человек ежедневно гибнет, сколько изувечено, сколько стали инвалидами. Больницы переполнены такими избитыми, лежат со сломанными челюстями, отбитыми внутренностями. Врачи могут кое-как восстановить здоровье, но психическая травма остается, разрушая достоинство, гражданское чувство. Я провел всю войну на переднем крае, ходил в бой, в разведку, воевал в танке, в блокаду шагал по улицам Петербурга под обстрелом и бомбежкой и не помню, чтобы ощущал такую унижительную боязнь как сейчас."

Альтернатива курсу президента Каримова могла бы быть еще хуже. Это - таджикский вариант, гражданская война.

К событиям в Таджикистане можно подходить с разных сторон, анализировать их на основе различных критериев. Взгляд под углом зрения, сохранения или утраты государственной властью ее позиций, ее, так сказать, саморазрушение тоже, по-видимому, не лишен интереса.

В конце 80-х - начале 90-х годов Первым секретарем ЦК КП Таджикистана был К. Махкамов, мягкий и уступчивый человек. Вторым секретарем ЦК КП был П. Лучинский, прибывший с большими полномочиями из Москвы. Не владея в необходимой степени ситуацией, сложившейся в партийном аппарате и государственных структурах, не понимая, по существу, таджикской

специфики, Лучинский совершил целую серию кадровых ошибок. Махкамов же в силу слабости своего характера противостоять ставленнику Центра не мог. В руководящих кругах республики нарушилось взаимопонимание, обострилась личная неприязнь, откровенно циничный характер приобрела борьба за высшие должностные посты. Традиционное противостояние Юга и Севера получило ряд сильных импульсов. Начался политический кризис.

В ноябре 1992 года Президентом Таджикистана был избран Рахмон Набиев, ранее, еще до Махкамова, бывший партийным лидером республики. Не имеющий ни сильного характера, ни знаний, ни организаторских способностей Набиев не смог приостановить распада государственного аппарата. О здоровом и разумном консерватизме, по примеру Узбекистана, в вопросах организации государственной власти, уже не могло быть и речи.

Набиевский принцип руководства: "чтобы овцы были целы и волки сыты" вылился в безудержную раздачу руководящих должностей, унижительное заигрывание с оппозицией. Именно под давлением оппозиции были предельно ослаблены силовые структуры власти: министерство внутренних дел и комитет национальной безопасности. На этом фоне трагические события на площади Шахидон приостановить уже было невозможно. Кровавая вахканалия безвластия охватила страну. 7 сентября 1992 года под угрозой оружия Набиев подписал заявление об отставке. Маховики гражданской войны продолжали набирать все большие обороты.

Исполнявший одно время обязанности Президента Таджикистана Акборшо Искандаров с горечью сказал: "В мировой политической лексикон вошел термин "таджикский вариант", как синоним слабости власти - с одной стороны, и первобытной дикости и политической жестокости исламской оппозиции с другой".

По этому поводу можно привести и другие убедительные примеры.

В первой половине июля 1992 года по поручению Президента Кыргызстана А. Акаева руководитель президентского аппарата и я были в служебной командировке в Грузии с целью изучения опыта создания и деятельности новых административных структур (префектур). Программа командировки была очень насыщенной. Состоялись встречи с тогдашним Президентом страны З. Гамсахурдия, премьер-министром Т. Сигуа, министром иностранных дел Г. Коштария, префектами Тбилиси, Кутаиси, Мцхеты, Гори, советниками Президента и сотрудниками его аппарата и, наконец, с главой Аджарского парламента А. Абашидзе.

Впечатление было, прямо скажем, ошеломляющее. К власти в Грузии пришли бывшие диссиденты, люди во многих случаях интеллигентные и образованные, но не имеющие ни малейшего представления об управлении, никаких навыков администрирования. Например, префектом в Мцхете стал профессор истории, специалист по иудейскому христианству. Милейший человек, он выглядел на новой должности настолько беспомощно, что сам о себе рассказывал нам различные анекдотические истории, бывшие с ним в действительности и выдуманные. Результаты деятельности новой власти не заставили себя долго ждать. Страна покатила в пропасть. И только

Аджария, во главе с Асланом Абашидзе, руководителем с большим опытом партийной и советской работы, сохранившим старый аппарат, прочно стояла на ногах. Оказавшись, фигурально говоря, островом порядка в море хаоса. Насколько мне известно, это и по сей день единственное место в Грузии, где сохранилась нормальная жизнь.

У меня много добрых знакомых в Чечне. Это люди, жившие во время ссылки в Кыргызстане, и их дети, теперь уже взрослые. Некоторые из них были моими студентами в Кыргызском университете. В числе их - ученые и юристы, учителя, врачи, агрономы, пенсионеры. В последние месяцы мне удалось связаться с некоторыми из них, обменяться письмами, поговорить по телефону. Они, и по их словам, большинство родных и близких убеждены в том, что если бы у руководства Чечней стоял опытный партократ Дуку Завгаев, Чечня имела бы такой же статус в составе России как Татарстан. И национальные притязания чеченцев были бы реализованы без жестокой и бессмысленной войны 1994-1995 годов. Мои корреспонденты ссылаются и на мнение сторонников Дудаева, считающих теперь, что Завгаев был отстранен от власти слишком рано.

Возражая против тезиса Президента И. Каримова "не построив новый дом - не разрушай старого", в смысле преемственности в структурах политической власти, его западные оппоненты приводят в пример соседний Кыргызстан, где, как они считают, прежний партийно-государственный аппарат устранен из политической жизни, демократические силы у государственного руля, страна успешно, хотя и не без труда, идет по пути общественного прогресса.

Все это далеко не так. В Кыргызстане все далеко не просто. Несмотря на все усилия Президента Аскара Акаева. Реальную власть на местах продолжают сохранять бывшие партийные и государственные руководители, в том числе, и самого высокого ранга. Их сила и авторитет обеспечиваются неформальными, неинституционализированными, но реально существующими хозяйственными и общественными ассоциациями: земляческими, семейными, родо-племенными (с известной степенью условности такого названия) кланами. Обладая сильной властью на местах, бывшая партократия уверенно противостоит демократическому управлению страной. Слабость государственной власти - одна из причин роста преступности в Кыргызстане, в том числе, организованной преступности. По мнению многих наблюдателей, официальная власть на местах нередко плотно соединяется с теневым бизнесом, образуя симбиоз, с которым очень трудно справиться.

Многочисленность местных лидеров и отсутствие в этой среде сегодня устраивающего всех их (или хотя бы большинство) реального претендента на пост главы государства создают в Кыргызстане причудливо сбалансированную устойчивость. Интеллигентный и деликатный Аскар Акаев, удачно представляющий страну на международной арене, пока, судя по всему, устраивает почти всех действительных творцов политической погоды.

Такое состояние государственной власти в Кыргызстане во многом обуславливает и его тяжелейшее экономическое положение. Несмотря на очень существенную финансовую поддержку со стороны Мирового банка,

Международного валютного фонда и других международных финансовых организаций, экономический кризис усиливается. Прогнозы на будущее достаточно пессимистичны.

Все это аргументы в пользу тех решений по поводу сохранения и реконструкции партийного и государственного аппарата, которые после "взрыва", разрушившего советскую империю, были приняты и реализованы в Узбекистане. Теперь Президенту И. Каримову предстоит доказать миру, что сильная власть может быть эффективным средством построения демократического общества, этапом на пути к обществу с частной собственностью и рынком.

Новые мотивы и цели.

В свое время Ф. Достоевский высказал очень точную мысль: "Без скольких-нибудь определенных желаний лучшего, никогда не может получиться никакой хорошей действительности. Даже можно уверенно сказать, что ничего не будет, кроме худшей действительности". Сказанное - иллюстрация мысли о том, что без пробуждения у значительной части общества новых мотивов к активной деятельности и новых жизненных целей, реформы в переходный период могут не получить необходимой социальной энергии. Как мобилизовать социальный потенциал общества?

Считается, что наиболее эффективной в этих условиях является предпринимательская мотивация, частный интерес. Речь идет о рыночном, жестко связанном с трудовыми условиями способе получения дохода, в основном на базе частной собственности и возможности использовать наемный труд.

Именно так формируется достаточно большой слой предпринимателей. Из него, в свою очередь, выделится элита: крупные предприниматели, менеджеры, специалисты, эксперты. Этот слой и должен выступить в качестве сильнейшего фактора, активизирующего экономическое развитие. Однако поймать эту "синюю птицу счастья" дело очень и очень не простое.

Обольщаться здесь не следует. Развитая, эффективная предпринимательская мотивация формируется очень не скоро. И не только в посткоммунистических государствах бывшего Советского Союза, но и в развивающихся странах вообще.

В большинстве развивающихся стран предпринимательская мотивация бывает малоэффективной из-за сильной зависимости и от иностранного капитала, и от местной государственной бюрократии, а также из-за склонности обращать свои накопления в имущество, а не в капитал, или сильной тенденции переводить валюту за рубеж.

Проблемы предпринимательства И. Каримов, как уже сказано, рассматривает в неразрывном единстве с кардинальным обновлением отношений собственности. И действует он в этом направлении последовательно и неуклонно.

Буквально с первых дней своей деятельности в качестве Президента Каримов принял ряд исключительно энергичных мер по развитию личных

Международного валютного фонда и других международных финансовых организаций, экономический кризис усиливается. Прогнозы на будущее достаточно пессимистичны.

Все это аргументы в пользу тех решений по поводу сохранения и реконструкции партийного и государственного аппарата, которые после "взрыва", разрушившего советскую империю, были приняты и реализованы в Узбекистане. Теперь Президенту И. Каримову предстоит доказать миру, что сильная власть может быть эффективным средством построения демократического общества, этапом на пути к обществу с частной собственностью и рынком.

Новые мотивы и цели.

В свое время Ф. Достоевский высказал очень точную мысль: "Без сколько-нибудь определенных желаний лучшего, никогда не может получиться никакой хорошей действительности. Даже можно уверенно сказать, что ничего не будет, кроме худшей действительности". Сказанное - иллюстрация мысли о том, что без пробуждения у значительной части общества новых мотивов к активной деятельности и новых жизненных целей, реформы в переходный период могут не получить необходимой социальной энергии. Как мобилизовать социальный потенциал общества?

Считается, что наиболее эффективной в этих условиях является предпринимательская мотивация, частный интерес. Речь идет о рыночном, жестко связанном с трудовыми условиями способе получения дохода, в основном на базе частной собственности и возможности использовать наемный труд.

Именно так формируется достаточно большой слой предпринимателей. Из него, в свою очередь, выделится элита: крупные предприниматели, менеджеры, специалисты, эксперты. Этот слой и должен выступить в качестве сильнейшего фактора, активизирующего экономическое развитие. Однако поймать эту "синюю птицу счастья" дело очень и очень не простое.

Обольщаться здесь не следует. Развитая, эффективная предпринимательская мотивация формируется очень не скоро. И не только в посткоммунистических государствах бывшего Советского Союза, но и в развивающихся странах вообще.

В большинстве развивающихся стран предпринимательская мотивация бывает малоэффективной из-за сильной зависимости и от иностранного капитала, и от местной государственной бюрократии, а также из-за склонности обращать свои накопления в имущество, а не в капитал, или сильной тенденции переводить валюту за рубеж.

Проблемы предпринимательства И. Каримов, как уже сказано, рассматривает в неразрывном единстве с кардинальным обновлением отношений собственности. И действует он в этом направлении последовательно и неуклонно.

Буквально с первых дней своей деятельности в качестве Президента Каримов принял ряд исключительно энергичных мер по развитию личных

подсобных хозяйств, в том числе и за счет сокращения площадей под посевы хлопчатника. В личное бессрочное пользование дехканам было передано около 720 тысяч га плодородных земельных угодий. Средний размер приусадебных земельных участков вырос почти в два раза. Это был сильнейший импульс для усиления предпринимательского духа в узбекской деревне. Так сказать, выстрел в десятку.

Исключительно важным шагом по формированию частного хозяйственного интереса стал Указ Президента Узбекистана от 21 января 1994 года "О мерах по дальнейшему углублению экономических реформ, обеспечению защиты частной собственности и развитию предпринимательства". Он предусматривал ряд достаточно весомых стимулов и гарантий для частного бизнеса. Московские средства массовой информации подали сообщения об этом Указе под таким заголовком: "Узбекским бизнесменам предоставлено больше свобод, чем российским".

В результате - значительно оживились процессы приватизации и разгосударствления, рост акционерных обществ, общенациональный характер получила задача развития малых и средних предприятий. На основе этого Указа правительством были приняты постановления, касающиеся сельского хозяйства, а также других отраслей экономики. В них, в частности, речь идет о ликвидации нерентабельных государственных хозяйств, о возрождении фермерского движения, о создании на земле класса хозяев.

5 января 1995 года - новый Указ Президента "Об инициировании и стимулировании частного предпринимательства", изданный в целях обеспечения широкого вовлечения населения республики в сферу предпринимательства. Еще одна мощная государственная акция по мобилизации социального потенциала реформ.

Указы от 21 января 1994 года и от 5 января 1995 года и соответствующие правительственные постановления относительно фермерства встретили во многих случаях на местах мощное сопротивление коррумпированной бюрократии. Мне пришлось беседовать с предпринимателями и в Ташкенте, и в Андижане, с сельскими бизнесменами в Кашкадарьинской области. Они говорили о том, с какой радостью и надеждой встретили эти государственные документы и как достаточно быстро у многих из них наступило разочарование. Эти люди считают, что нередко местная государственная администрация в лице хокимиятов или не заинтересована в развитии частной собственности и частного предпринимательства из-за боязни потерять реальную власть над людьми, или попросту хочет быстрее наживаться на реформах, занимаясь поборами. А для этого они предварительно создают различные препятствия, которые честному предпринимателю трудно преодолеть.

Президент Каримов хорошо понимает это. В докладе на первой сессии Олий Мажлиса он так и сказал: "Перед нами стоит преграда, которую иной раз трудно пробить и пушечным залпом. Эта преграда именуется бюрократией, коррупцией, местничеством, протекционизмом. Эта преграда возникла из-за отсутствия совести и честности, цель таких людей понятна: не

подсобных хозяйств, в том числе и за счет сокращения площадей под посевы хлопчатника. В личное бессрочное пользование дехканам было передано около 720 тысяч га плодородных земельных угодий. Средний размер приусадебных земельных участков вырос почти в два раза. Это был сильнейший импульс для усиления предпринимательского духа в узбекской деревне. Так сказать, выстрел в десятку.

Исключительно важным шагом по формированию частного хозяйственного интереса стал Указ Президента Узбекистана от 21 января 1994 года "О мерах по дальнейшему углублению экономических реформ, обеспечению защиты частной собственности и развитию предпринимательства". Он предусматривал ряд достаточно весомых стимулов и гарантий для частного бизнеса. Московские средства массовой информации подали сообщения об этом Указе под таким заголовком: "Узбекским бизнесменам предоставлено больше свобод, чем российским".

В результате - значительно оживились процессы приватизации и разгосударствления, рост акционерных обществ, общенациональный характер получила задача развития малых и средних предприятий. На основе этого Указа правительством были приняты постановления, касающиеся сельского хозяйства, а также других отраслей экономики. В них, в частности, речь идет о ликвидации нерентабельных государственных хозяйств, о возрождении фермерского движения, о создании на земле класса хозяев.

5 января 1995 года - новый Указ Президента "Об инициировании и стимулировании частного предпринимательства", изданный в целях обеспечения широкого вовлечения населения республики в сферу предпринимательства. Еще одна мощная государственная акция по мобилизации социального потенциала реформ.

Указы от 21 января 1994 года и от 5 января 1995 года и соответствующие правительственные постановления относительно фермерства встретили во многих случаях на местах мощное сопротивление коррумпированной бюрократии. Мне пришлось беседовать с предпринимателями и в Ташкенте, и в Андижане, с сельскими бизнесменами в Кашкадарьинской области. Они говорили о том, с какой радостью и надеждой встретили эти государственные документы и как достаточно быстро у многих из них наступило разочарование. Эти люди считают, что нередко местная государственная администрация в лице хокимиятов или не заинтересована в развитии частной собственности и частного предпринимательства из-за боязни потерять реальную власть над людьми, или попросту хочет быстрее наживаться на реформах, занимаясь поборами. А для этого они предварительно создают различные препятствия, которые честному предпринимателю трудно преодолеть.

Президент Каримов хорошо понимает это. В докладе на первой сессии Олий Мажлиса он так и сказал: "Перед нами стоит преграда, которую иной раз трудно пробить и пушечным залпом. Эта преграда именуется бюрократией, коррупцией, местничеством, протекционизмом. Эта преграда возникла из-за отсутствия совести и честности, цель таких людей понятна: не

потерять еще на протяжении пяти-десяти лет свое кресло, занимаемую должность, получать приличную зарплату и еще кое-что сверху".

Президент понимает все это и сколько у него есть сил борется с этим, осознавая, естественно, сколь трудна и длительна будет его брешь. Однако я убежден в том, что он не ослабит своих усилий, действуя без страха и упрека, пренебрегая, возможно, политическими выгодами и покоем. И борьба эта для него многократно тяжелее чем со всеми оппозиционерами вместе взятыми. Однако он имеет все основания для того, чтобы повторить бессмертную фразу, сказанную в разное время Мартином Лютером и Мансуром ал-Халаджем: "Я здесь стою и не могу иначе". Так хочется, чисто по-человечески, пожелать ему удачи и счастья в этом.

Предпринимателей во все времена отличали: высокий уровень притязаний, готовность к риску, полная ответственность за свою судьбу. Современные предприниматели в развитых странах отличаются, в большинстве своем, достаточно высокой политической, культурной и экономической компетентностью, развитым правовым сознанием.

Почти по всем этим компонентам узбекские предприниматели не уступят своим западным коллегам. За исключением правосознания. Здесь все еще, как говорится, нередко "полный беспредел": наплевательское отношение к законам, циничное игнорирование государственных интересов.

Правовое сознание узбекских предпринимателей формируется исключительно трудно, преобладают своекорыстные интересы, коварство, насилие, фаворитизм, коррупция. В значительной мере это объясняется теневым происхождением немалой части предпринимательства. Эта связь продолжает быть весьма опасной для общества из-за активного использования коррупции и насилия. Кроме того, "теневые нравы", приучая к сверхприбыли, не дают предпринимательскому движению стать по настоящему экономически эффективным, общественно значимым.

Трудно сказать, целесообразно ли использовать специфическую "теневую" форму первоначального частнопредпринимательского накопления для того, чтобы избежать решения тяжелой задачи такого накопления за счет разоренного народа, за счет рабочих и крестьян. За рубежом накоплен и такой опыт, когда теневая форма бизнеса становится все менее социально опасной потому, что разрушается ее связь с государственным и политическим аппаратом и усиливается приток в нее специалистов, интеллигенции.

Помимо пробуждения частного интереса, есть и другой путь мобилизации социального потенциала в переходный период, который в Узбекистане по настоящему пока не задействован. Это - возрождение и развитие коллективизма.

Большинство западных экономистов, социологов, психологов считает, что коллективный интерес, в отличие от частного, менее естественная и сильная форма экономической заинтересованности. Основные средства его мобилизации идут не изнутри, а извне. Это - воздействие политических организаций и средств массовой информации, националистическая,

популистская и социалистическая идеология, влияние харизматических лидеров и различных элит, прежде всего религиозных.

Однако это не всегда и не везде так. Многое здесь зависит от типа цивилизации. Многовековая история узбекского народа сформировала сложный тип мотивации хозяйственной, трудовой деятельности. Он не укладывается ни в классическую западную схему, основанную на индивидуализме, ни в японскую, пронизанную мотивацией "принадлежности", тесно связанную с психологией включенности в группу. В хозяйственно-трудовом сознании узбеков синтез, амальгама индивидуалистского и коллективистского.

Поэтому трудно объяснить - почему в стране спокойно относятся к нынешней, мягко говоря незавидной, роли различных видов кооперации, прежде всего и главным образом в деревне.

Уже цитированный выше М. Бунге, связывая успехи переходного периода во многих странах с развитием кооперации, писал: "Впечатляющий успех сети из примерно ста высокоспециализированных кооперативов в стране басков, в Испании показывает, что кооперативизм может хорошо функционировать и в капиталистической стране". По его мнению, кооперативизм стоит посередине, между эгоистическим индивидуализмом и примитивной общинностью.

А разве не впечатляет многолетний успех израильских кооперативов (кибуцев), решающих на высоком уровне хозяйственные вопросы в неразрывной взаимосвязи с социальными на основе социальной солидарности, или успехи кооперативного движения в Норвегии и Голландии.

Особое значение имеет и использование в этом деле культурных и национальных узбекских традиций добросовестности, трудолюбия и дисциплины.

Я понимаю, что уничижительное отношение к кооперации, нежелание утверждать ее даже в цивилизованных формах - результат тоталитаризма колхозного строя и массового надувательства жителей села со стороны потребительской кооперации. На бытовом уровне это понятно и объяснимо. Но, почему же молчат по этому поводу Президент, другие руководители республики, депутаты Олий Мажлиса?

Где как ни в Узбекистане могут получить оптимальное развитие кооперативы: производственные и снабженческие, по использованию сельскохозяйственной техники и сбытовые, кредитные и страховые, другие кооперативные формы крестьянской взаимопомощи.

Кооперация для Узбекистана, образно говоря, это Ниагара общественной крестьянской энегетики. Не только экономической и социальной, но и политической и идеологической.

Не знаю, возможно в моих рассуждениях присутствует чрезмерная увлеченность кооперативной темой и как следствие этого известная гиперболлизация, но я убежден, что проблема кооперации для Узбекистана - это проблема того: быть или не быть цивилизованному крестьянству в этой стране.

Отдельная, особая и сложная тема - проблема эффективного использования потенциала интеллигенции в переходном периоде. Вообще-то здесь возможны два пути активного включения интеллигенции в общественные процессы.

Первый, эффективный - соединение интеллектуального труда с частным предпринимательством и развитие свободных профессий. Второй, относительно неэффективный, связан с преимущественным включением интеллигенции в сферу политической и государственной деятельности, превращением ее в политическую и административную элиту функционеров, а также - в основную социальную силу оппозиции. В последнем случае речь идет, прежде всего, о неудачниках, о людях, потерпевших фиаско, крушение надежд.

Вообще, с проблемой национальной интеллигенции в значительной мере связаны многие социальные и политические проблемы переходного периода в Узбекистане.

Настроение и поведение национальной интеллигенции, ее нередко недоброжелательное отношение к реформам, объясняются условиями формирования этого социального слоя при коммунистическом режиме. По мнению некоторых видных представителей этой же интеллигенции, она в значительной части оказалась профессионально и идеологически неподготовленной к реформам, неспособной выполнять свою благородную миссию.

Любой путь мобилизации социального потенциала в условиях переходного периода эффективен только тогда, если создан социальный консенсус между различными социальными группами, между политическими партиями, движениями, между профсоюзами и предпринимателями, между ветвями государственной власти. Без политического компромисса самые отработанные механизмы экономического воздействия могут потерять всякий смысл.

Мировой опыт свидетельствует и о том, что нередко авторитарные режимы оказываются эффективными для мобилизации социального потенциала не только из-за своего сильного идеологического воздействия, но и потому, что обеспечивают принудительный компромисс, принудительный консенсус, без которого нельзя решать экономические задачи жизненной важности.

К теме компромисса Президент Узбекистана в последнее время обращается все чаще и чаще, подчеркивая не только в выступлениях, но и практическими шагами свой политический центризм и, если хотите, политический пацифизм. Вот, например, выдержки из его доклада на сессии Олий Мажлиса: "Главенствующим принципом государственной деятельности должен стать политический компромисс...". "В современных условиях наше государство должно все более становиться средством преодоления общественных противоречий... путем достижения общественного компромисса." "...Примирение превращается в средство разрешения конфликтов".

Теперь и на опыте Узбекистана становится все более очевидным, что в переходном периоде в "культуре гражданственности" должна преобладать не "мания" оппонирования власти, не идея разрушения и деструктивности, а культура доверия, способность к подчинению авторитетам, сдержанность,

Отдельная, особая и сложная тема - проблема эффективного использования потенциала интеллигенции в переходном периоде. Вообще-то здесь возможны два пути активного включения интеллигенции в общественные процессы.

Первый, эффективный - соединение интеллектуального труда с частным предпринимательством и развитие свободных профессий. Второй, относительно неэффективный, связан с преимущественным включением интеллигенции в сферу политической и государственной деятельности, превращением ее в политическую и административную элиту функционеров, а также - в основную социальную силу оппозиции. В последнем случае речь идет, прежде всего, о неудачниках, о людях, потерпевших фиаско, крушение надежд.

Вообще, с проблемой национальной интеллигенции в значительной мере связаны многие социальные и политические проблемы переходного периода в Узбекистане.

Настроение и поведение национальной интеллигенции, ее нередко недоброжелательное отношение к реформам, объясняются условиями формирования этого социального слоя при коммунистическом режиме. По мнению некоторых видных представителей этой же интеллигенции, она в значительной части оказалась профессионально и идеологически неподготовленной к реформам, неспособной выполнять свою благородную миссию.

Любой путь мобилизации социального потенциала в условиях переходного периода эффективен только тогда, если создан социальный консенсус между различными социальными группами, между политическими партиями, движениями, между профсоюзами и предпринимателями, между ветвями государственной власти. Без политического компромисса самые отработанные механизмы экономического воздействия могут потерять всякий смысл.

Мировой опыт свидетельствует и о том, что нередко авторитарные режимы оказываются эффективными для мобилизации социального потенциала не только из-за своего сильного идеологического воздействия, но и потому, что обеспечивают принудительный компромисс, принудительный консенсус, без которого нельзя решать экономические задачи жизненной важности.

К теме компромисса Президент Узбекистана в последнее время обращается все чаще и чаще, подчеркивая не только в выступлениях, но и практическими шагами свой политический центризм и, если хотите, политический пацифизм. Вот, например, выдержки из его доклада на сессии Олий Мажлиса: "Главенствующим принципом государственной деятельности должен стать политический компромисс...". "В современных условиях наше государство должно все более становиться средством преодоления общественных противоречий... путем достижения общественного компромисса." "...Примирение превращается в средство разрешения конфликтов".

Теперь и на опыте Узбекистана становится все более очевидным, что в переходном периоде в "культуре гражданственности" должна преобладать не "мания" оппонирования власти, не идея разрушения и деструктивности, а культура доверия, способность к подчинению авторитетам, сдержанность,

умеренность и самоконтроль, что не должно, естественно, мешать отстаивать свои интересы и добиваться их учета в установленных законом формах.

Крепкие дрожжи реформ.

Носителем наиболее эффективной системы импульсов к росту и развитию, одним из основных создателей в обществе системы соревнования является средний класс. Речь идет о социальных слоях, имеющих средние (естественно, в определенном диапазоне) доходы. Эти слои включают в себя и определенную часть предпринимателей, и квалифицированных работников наемного труда. Собственно говоря, постоянным источником экономической активности в переходный период является не средний класс сам по себе, а возможности трудом своим, энергией своей пробиться в него.

Проблема среднего класса - это в Узбекистане и острейшая политическая проблема. Разрушенный, доведенный до нищенского состояния средний класс, место которого занимают мелкие коммерсанты, - питательная среда крайнего экстремизма разного толка. Об этом свидетельствует опыт Германии и Италии двадцатых годов, опыт России девяностых, да и опыт самого Узбекистана и некоторых его соседей по ближнему и дальнему зарубежью.

Как формируется средний класс в современном обществе? Прежде всего на основе долговременной налоговой, инвестиционной и тому подобной государственной политики, направленной на то, чтобы путем "вертикальной мобильности" обеспечить долю тех, кто имеет средний доход.

В процессе создания среднего класса в переходном периоде обычно наблюдаются два принципиально различных этапа. На первом этапе неизбежно происходит усиление социальной дифференциации. Прежде всего за счет стихийных процессов в распределении и перераспределении социальных благ. Такие процессы, как известно, развиваются по библейскому "закону Матфея" - богатые становятся богаче, а бедные - беднее.

В переходный период это связано с неизбежными в условиях радикальных перестроек в экономике, отставанием социальной инфраструктуры, с ростом инфляции и безработицы. Часто возникает необходимость и в серьезных сокращениях социальных программ.

Кроме того экономическая реформа, как правило, направлена на активизацию предпринимательской деятельности, в сфере которой доходы всегда распределяются менее равномерно, чем в сфере наемного труда. Причем, концентрация доходов у наиболее богатых сильнее в странах с преимущественно частным предпринимательством, чем в странах со смешанной экономикой и большой ролью государства. В Узбекистане пока удается сдерживать тенденцию к созданию слоя мультимиллионеров.

Практически во всех странах СНГ процессы социального расслоения и массового обнищания не контролируются, а если и контролируются, то весьма неэффективно. Узбекистан составляет исключение.

Вновь обратимся к позиции Президента Узбекистана, заявившего: "Идею справедливости сегодня, когда происходит процесс социальной и имущественной поляризации общества можно свести к очень лаконичной

формуле: государство не должно допустить резкого расслоения общества на чрезмерно богатых и чрезмерно бедных. Необходимо принять законы, закрепляющие эффективную систему обеспечения разумного социального, имущественного равновесия в обществе. Факты чрезмерного увеличения разрыва между имущественным положением людей должны стать сигналом тревоги и привести в действие защитный механизм быстрого стабилизирующего регулирования".

Второй этап переходного периода предполагает снижение социального неравенства. Этому много причин. Главная из них - экономический рост. Большое значение имеет социальная политика государства и политический фактор в целом.

Весьма интересно то, что некоторые западные исследователи считают, что быстрый индустриальный рост в социалистических странах Восточной Европы после войны был, во многом, связан с активной социальной политикой, направленной на уменьшение неравенства доходов, расширение возможностей получить образование, на уменьшение различий в престиже физического и умственного труда, а также с тем, что осложнялась передача неравенства из поколения в поколение.

Другое дело, что эффект этот был кратковременным, поскольку по мере индустриализации и политической стабилизации не уменьшилось, аросло структурное неравенство, создавались и утверждались новые привилегии.

Если государство в Узбекистане сумеет хотя бы ограничить распределение социальных благ в зависимости от наличия или отсутствия у человека политической власти, если оно сможет ограничить наследование должностей и власти - оно решит одну из труднейших задач, стоящих на избранном этой страной пути к демократии. В проблеме среднего класса сфокусирован широкий комплекс проблем.

В период, так называемого, "застоя", кризиса советской тоталитарной системы, "наследование" привилегированного положения партийно-государственной элиты привело к тому, что в Узбекистане стал хуже работать даже традиционный для советского общества аппаратный социальный лифт. Свободная вертикальная мобильность все больше перемещалась в теневую и полутеневую экономическую сферу, создавался новый средний класс активных людей. Но в силу своей полулегально-нелегальной, а нередко и криминалистической специфики, он пополнялся опять-таки недостаточно профессионально подготовленными людьми, оставляя за бортом не худших, видимо, представителей и предпринимательства, и квалифицированных работников.

Опыт многих стран мира многократно доказано, что, если в ходе переходного периода не пробьет себе дорогу естественная и необходимая тенденция к расширению среднего класса, класса предпринимателей и квалифицированных работников, не будут сформированы достаточно широкие каналы "движения в средний класс" - возникает общество экономически неэффективное и социально нестабильное. И ничего тут, как говорится, не поделаешь.

Как правило, социальной причиной этого оказывается негибкое и недальновидное поведение политических, административных и экономических элит. Нерациональное поведение элит выражается не только в нарастающей коррупции, но и в нежелании делиться с народом, в том числе со средними слоями, своими все возрастающими доходами не только через налоги, но и путем широкой благотворительности. Отсюда - рост неравенства, постоянная (скрытая или открытая) политическая нестабильность, со своими вечными спутниками: массовыми протестами, беспорядками, стремлением отдельных сил неконституционным путем свергнуть законную власть и т. п.

Удастся ли Узбекистану избежать этого - покажет время. Очень хотелось бы, чтоб удалось.

“Все флаги в гости будут к нам”.

В августе этого года я летел на самолете узбекской авиакомпании “Узбекистон хаво йулари” из Франкфурта-на-Майне в Ташкент и с интересом просмотрел новый рекламный журнал этой авиакомпании. В журнале - карта пассажирских авиамаршрутов: Ташкент - Рига - Амстердам - Нью-Йорк, Ташкент - Москва, Ташкент - Манчестер, Ташкент - Афины, Ташкент - Стамбул, Ташкент - Тель-Авив, Ташкент - Джидда, Ташкент - Бахрейн, Ташкент - Карачи, Ташкент - Дели, Ташкент - Мали, Ташкент - Куала-Лумпур, Ташкент - Джакарта, Ташкент - Бангкок, Ташкент - Пекин, Ташкент - Сеул... . Впечатляет. В Ташкент и другие города страны движутся и движутся поезда и автомашины с грузами из дальних и ближних стран. И в обратном направлении тоже. Широко распахнуты ворота Узбекистана. Он открыт миру. Поэтому предпосланный этой части текста заголовок кажется мне вполне уместным. В условиях переходного периода развивающаяся страна, как правило, нуждается в помощи развитых стран. В некоторых случаях без такой помощи новое независимое государство, не имеющее необходимых ресурсов: природных, технических, человеческих, попросту обречено. В других - эта помощь сильно помогает выходу из экономического кризиса, облегчает реконструкцию экономики. Это очевидно.

Однако также очевидно и то, что чем сильнее внешняя зависимость, живущих на займах стран, тем сложнее в социальном смысле протекает у них переходный период.

Усиление социальной напряженности, без чего в любом случае немислим переходный период, усугубляется тем, что общество перестраивается выборочно, только там, где это выгодно помогающей стране или международной финансовой организации. Поэтому в стране, которой помогают, усиливается неравенство: между регионами, отраслями, а иногда и этническими группами и социальными слоями.

При чем государство-должник, как правило, не имеет возможности успешно блокировать возникшую из-за этого социальную нестабильность, компенсируя неравенство. И не только потому, что его финансовые и экономические ресурсы предельно ограничены. Дело ведь и в том, что международные организации-кредиторы (например, Международный валютный фонд) выдви-

гают в качестве прямых требований отказ от государственного регулирования доходов и цен.

Есть еще одно немаловажное обстоятельство, которое никак нельзя игнорировать - иностранный капитал, как правило, активно вступает в союз с местными государственными элитами, блокируя местных предпринимателей. Или, наоборот, тесно сотрудничает с определенными деловыми кругами страны против Президента, правительства, местной государственной администрации.

Примером этому может быть, в частности, Кыргызстан. Бывший парламент этой страны в течение последних двух лет буквально половину своего рабочего времени потратил на политические и околполитические разборки, связанные с иностранными инвестициями.

В дело была втянута оппозиционная пресса, щедро оплачиваемая отдельными местными финансовыми воротилами или неудовлетворенными чем-то зарубежными соискателями и инвесторами. Отправили в отставку на этой почве правительство, без устали критиковали Президента А. Акаева, обвиняя его во всех возможных смертных грехах, угрожая ему импичментом. Устроили облаву на широкий круг глав местной государственной администрации. В конце концов и парламент, практически, самораспустился. О какой мобилизации социального потенциала тут можно говорить, если эти беспощадные междоусобицы вокруг иностранных инвестиций, названные в народе "золотой лихорадкой", вообще поставили страну на грань политического взрыва.

Вывод таков - процесс внешнеэкономического взаимодействия, его последствия нуждаются в переходном периоде в целенаправленном и сильном государственном воздействии. Это аспект социально-экономический.

Геополитический аспект международного взаимодействия в условиях переходного периода связан с тем, что если внешнеэкономическое взаимодействие включает в себя возможность использования стратегических природных ресурсов - не исключены международные и, соответственно, внутренние политические конфликты. Иногда на карту ставится вообще и судьба политических лидеров и политических режимов.

Сегодня глобальный, мировой характер приобретает борьба за энергоресурсы Среднеазиатского региона. По словам заместителя министра энергетики США Билла Уайта (май 1995г.) "ежегодно мировой спрос на нефть растет на 1 миллиард баррелей в день, и откуда поступит эта новая нефть, будет в такой же степени зависеть от политики, как от геологии." В ходе острой энергетической конкуренции в Средней Азии и вокруг нее начинают складываться нефте-газо альянсы. В той или иной степени затрагиваются жизненно важные интересы России, Китая, Пакистана, Ирана, Афганистана, Индии.

В некоторых западных исследовательских центрах сложилось мнение, что сейчас в Средней Азии начинает разворачиваться острое соперничество между двумя блоками. С одной стороны, Россия, Иран, Туркмения,

Таджикистан, Индия и кабульский режим. С другой - Узбекистан, Пакистан, талибы и Дустум, за спиной у которых стоят США и Западная Европа. Казахстан и Кыргызстан пытаются лавировать между этими двумя альянсами. Китай, как всегда, выжидает ...

Не берусь судить об обоснованности этих предположений. Очевидно, что, если такая геологическая конфигурация и вырисовывается, то она не может не носить временного, тактического характера, так как соединяет потенциальных конкурентов. А вообще-то, разумеется, нельзя не признать, что энергетический фактор, вместе с драгоценными и редкоземельными металлами, сегодня ощутимо определяет геополитический климат в регионе, политику некоторых ведущих стран мира в Узбекистане.

Более того сила экономической выгоды, связанной с этими факторами, иногда подавляет в межгосударственных отношениях стран региона такие, казалось бы, непоколебимые приоритеты как принадлежность в одной религии, общность языка и исторического пути, общие этнические корни. Может быть только на время, но подавляет.

В конце сентября 1995 года Президент Туркменистана Сапармурад Ниязов отменил свой визит в Узбекистан. Событие неординарное, особенно если учесть, что это должен был быть первый официальный визит Ниязова в Ташкент и инициатива исходила от узбекской стороны. По мнению некоторых западных аналитиков, причина заключается в возникших между Ташкентом и Ашхабадом разногласиях по поводу принадлежности гидротехнических объектов и крупнейшего нефтегазового месторождения Кокдумалак (около 200 млн. тонн), находящихся на Туркмено-Узбекской границе.

И. Каримов, во всяком случае, делает все от него зависящее, чтобы во взаимоотношениях Узбекистана с международной средой наличествовали не только и даже не столько ситуационные решения (использование с наибольшей выгодой мировой энергетической ситуации, состояние мирового рынка драгоценных и редкоземельных металлов и т.д.), но и стратегия на отдаленную, на историческую перспективу, обусловленная непреходящими факторами.

Вначале об экономическом аспекте взаимодействия Узбекистана с миром. Точнее, о квинтэссенции этого взаимодействия - иностранных инвестициях. У Узбекистана широкий спектр интересов в отношении иностранных инвесторов. Они нужны ему: во-первых, как источник доходов бюджета; во-вторых, как источник капитала; в-третьих, как хозяйствующие субъекты с передачей управленческого опыта, технологий и т. д. С другой стороны, иностранных бизнесменов привлекает относительно меньшая, чем в других странах СНГ, степень риска. Крепче власть, больше порядка, больше финансовых гарантий.

Валовой внешнеторговый оборот республики в 1994 году составил 3 миллиарда 800 миллионов долларов США.

В настоящее время Узбекистан имеет экономические связи с фирмами и компаниями более 50 стран мира: Германии, США, Франции, Великобритании, Турции, Нидерландов, Австрии, Республики Корея, Китая,

Индонезии, Малайзии, Индии. В Узбекистане зарегистрировано около 2000 предприятий с участием иностранного капитала.

Узбекистан установил взаимоотношения почти с 80 иностранными банками. В Ташкенте работают представительства Всемирного Банка, Дойче Банка, Креди коммерсиаль де Франс.

Особенно интенсивно развиваются экономические отношения с деловыми кругами ФРГ. В Узбекистане более 25 представительств немецких фирм, среди них БАСФ, Хехст, Маннесманн, Даймлер-Бенц.

Если в 1994 году объем товарооборота между ФРГ и Узбекистаном составил 209,2 миллиона долларов США, то за 9 месяцев 1995 года этот объем уже превысил 226 миллионов долларов. При участии немецких инвесторов функционируют около 60 крупных совместных предприятий.

На приеме в честь Президента Узбекистана во время его визита в ФРГ в ноябре 1995 года Р. Герцог сказал: " Великий шелковый путь является одним из доказательств того, что уже в прошлые столетия между столь отдаленными странами как Узбекистан и Германия существовали связи."

В ответ на это И. Каримов заметил: "Я надеюсь, что расширение сотрудничества с Германией и другими европейскими странами в области воздушного сообщения позволит нам вновь оказаться на стыке путей, соединяющих Восток с Западом, - на этот раз представляющих собой не караванные тропы, а проложенные самыми современными авиалайнерами воздушные трассы."

Примечателен следующий фрагмент из выступления Президента Узбекистана на встрече с руководителями концерна "Даймлер-Бенц": " ... Через Германию мы хотим открыть для себя Европу. Ибо в образе Германии мы видим надежного партнера, умеющего твердо держать свое слово. Это в полной мере подтверждают и первые результаты нашей совместной деятельности. И вообще между узбекским и немецким народами много общего. Это, прежде всего, приверженность порядку и дисциплине, обязательность, открытость, умение сострадать и сопереживать. Столь замечательные общие качества, взаимное доверие создают хорошую почву для развития нашего сотрудничества."

Развитию внешнеэкономических отношений республики способствует соответствующая правовая база. В частности, закон "Об иностранных инвестициях и гарантиях деятельности иностранных инвесторов", устанавливающий для зарубежных предпринимателей в Узбекистане, в сущности, преференциальный правовой режим.

В соответствии с Указом Президента от 21 января 1994 года " О мерах по дальнейшему углублению экономических реформ, обеспечению защиты частной собственности и развитию предпринимательства" разрешена реализация иностранцам на конкурсной основе в частную собственность объектов торговли и сферы обслуживания, а также земельных участков, на которых они размещены.

Указ предусматривает освобождение совместных предприятий, специализирующихся на производстве товаров народного потребления, у которых

доля иностранного капитала в уставном фонде превышает 50 процентов, от уплаты налога с выручки в иностранной валюте.

Указом от 5 января 1995 года "Об инициировании и стимулировании частного предпринимательства", адресованном в том числе и иностранным инвесторам, установлено, что государственная регистрация частных предприятий производится в трехдневный срок. Частные предприятия по производству и переработке сельскохозяйственной продукции, выпуску товаров народного потребления, продукции производственно-технического назначения, строительных материалов, а также осуществляющих строительную деятельность, оказание ремонтно-строительных, бытовых и коммунальных услуг, освобождаются от уплаты налога на доход (прибыль) в первые два года с даты регистрации.

Установлено также, что налоговая база при исчислении налога на доход (прибыль) частных предприятий уменьшается на сумму, направляемую на расширение, реконструкцию, техническое оснащение производства.

Указом отменены действующие ограничения по численности работников, занятых по найму на частных предприятиях.

Хозяйственным судам разрешено принимать иски от частных предпринимателей без предварительной оплаты пошлины, с последующим ее взысканием в бесспорном порядке после вынесения судебного решения.

Сокращен список товаров, на которые распространялись ограничения по экспорту (с 26 до 11).

19 июля 1995 года Президент Узбекистана подписал еще один Указ на эту тему. Название его весьма характерно: "О дальнейшей либерализации внешнеэкономической деятельности". Суть документа: поэтапный переход от мер нетарифного к мерам тарифного регулирования внешней торговли страны.

Узбекистан сделал вклад в строительство новой железной дороги Тенджен - Серахс. Эта дорога станет составной частью Трансзиатской магистрали между Пекином и Стамбулом. Узбекистан выразил желание участвовать в реконструкции порта Октау на Каспийском побережье, строительстве автомобильной дороги Андижан - Ош - Эргештам - Кашгар, позволяющей непосредственно связаться с Китаем и Пакистаном, а также трассы Термез - Герат - Карачи с выходом к Индийскому океану.

Один из видных представителей немецкого истеблишмента Вилли Виммер после посещения Узбекистана по этому поводу написал: "Торговля и вообще взаимовыгодное сотрудничество между Узбекистаном, его сегодняшними соседями по региону и остальным миром получит новый мощный импульс, если в 1996 году будет закончен 300-километровый отрезок пути, являющийся составной частью железной дороги, великой железнодорожной магистрали Шанхай - Алматы - Ташкент - Иран - Турция - Аахен - Париж. И тогда, несомненно, по-новому, в новом виде явятся миру и цветущий Ташкент, и впечатляющий Самарканд, и великолепная Бухара". Красиво и точно сказано.

Я позволю себе остановиться еще на одном вопросе, связанном с социально-экономическим аспектом взаимоотношений Узбекистана с миром. Речь идет об экспорте трудовых ресурсов.

В Средней Азии в 70-х годах прирост населения в трудоспособном возрасте в два раза превысил прирост рабочих мест. В 80-х годах превышение достигло катастрофического уровня - более чем в три раза. В сельском хозяйстве Средней Азии по некоторым оценкам накоплено 35-40% избыточного труда.

Безработица и малоземелье, люмпенизация значительной части молодежи - прекрасные дрожжи для социальной нестабильности и этнических конфликтов, политических спекуляций, национализма, укрепления позиций консерватизма и традиционализма.

Проблемы перенаселенных районов не кончаются с уходом пришлого населения. Его выезд может на некоторое время ослабить демографический пресс, но не может изменить ситуацию координально. Поэтому рано или поздно начнется выезд коренного населения за пределы своей территории, при всем том, что узбеки исключительные "домоседы". Возможно, это одна из самых серьезных внешнеэкономических проблем, ожидающих Узбекистан в будущем.

Геополитический аспект международных связей Узбекистана, как уже сказано, весьма многообразен и сложен.

Прежде всего об отношениях с соседями по региону - бывшими советскими республиками. Картина здесь достаточно многоцветная. Немало факторов, работающих на естественное сближение, сотрудничество и дружбу новых независимых государств Средней Азии. Однако есть и сложные проблемы, разрешение которых требует взаимных уступок, доброй воли и немалого времени. Ни о какой конфедерации среднеазиатских государств, как это считает кое-кто на Западе, в обозримом будущем не может быть и речи.

Выступая на встрече глав тюркоязычных государств в Бишкеке 28 августа 1995 года Президент И. Каримов сказал: "... констатация непреложного факта об исторической, этнокультурной, духовной близости наших народов не должна заменяться попытками придать этому глубинному историческому феномену политический или, тем более, военно-политический оттенок". Речь, по мнению И. Каримова, должна идти об интенсификации торговых и других экономических отношений, о консолидации усилий для решения острых экологических проблем и вопросов гуманитарного характера.

Своеобразен взгляд на этот вопрос Д. Карлайла, который пишет: "Размышляя о перспективах среднеазиатского региона, следует учитывать прозрачность и даже хрупкость нынешних межгосударственных границ. Они проницаемы прежде всего потому, что разъедаются субнациональными (региональными) и транснациональными (идеями Туркестанского единства) феноменами. Идея Туркестанского единства - фактор, скорее, дестабилизирующий, чем стабилизирующий обстановку в регионе". (с.9).

Д. Карлайл весьма обстоятельно и со знанием дела обосновывает вывод об общем историческом прошлом народов Узбекистана и Таджикистана, об

Я позволю себе остановиться еще на одном вопросе, связанном с социально-экономическим аспектом взаимоотношений Узбекистана с миром. Речь идет об экспорте трудовых ресурсов.

В Средней Азии в 70-х годах прирост населения в трудоспособном возрасте в два раза превысил прирост рабочих мест. В 80-х годах превышение достигло катастрофического уровня - более чем в три раза. В сельском хозяйстве Средней Азии по некоторым оценкам накоплено 35-40% избыточного труда.

Безработица и малоземелье, люмпенизация значительной части молодежи - прекрасные дрожжи для социальной нестабильности и этнических конфликтов, политических спекуляций, национализма, укрепления позиций консерватизма и традиционализма.

Проблемы перенаселенных районов не кончаются с уходом пришлого населения. Его выезд может на некоторое время ослабить демографический пресс, но не может изменить ситуацию координально. Поэтому рано или поздно начнется выезд коренного населения за пределы своей территории, при всем том, что узбеки исключительные "домоседы". Возможно, это одна из самых серьезных внешнеэкономических проблем, ожидающих Узбекистан в будущем.

Геополитический аспект международных связей Узбекистана, как уже сказано, весьма многообразен и сложен.

Прежде всего об отношениях с соседями по региону - бывшими советскими республиками. Картина здесь достаточно многоцветная. Немало факторов, работающих на естественное сближение, сотрудничество и дружбу новых независимых государств Средней Азии. Однако есть и сложные проблемы, разрешение которых требует взаимных уступок, доброй воли и немалого времени. Ни о какой конфедерации среднеазиатских государств, как это считает кое-кто на Западе, в обозримом будущем не может быть и речи.

Выступая на встрече глав тюркоязычных государств в Бишкеке 28 августа 1995 года Президент И. Каримов сказал: "... констатация непреложного факта об исторической, этнокультурной, духовной близости наших народов не должна заменяться попытками придать этому глубинному историческому феномену политический или, тем более, военно-политический оттенок". Речь, по мнению И. Каримова, должна идти об интенсификации торговых и других экономических отношений, о консолидации усилий для решения острых экологических проблем и вопросов гуманитарного характера.

Своеобразен взгляд на этот вопрос Д. Карлайла, который пишет: "Размышляя о перспективах среднеазиатского региона, следует учитывать прозрачность и даже хрупкость нынешних межгосударственных границ. Они проницаемы прежде всего потому, что разъедаются субнациональными (региональными) и транснациональными (идеями Туркестанского единства) феноменами. Идея Туркестанского единства - фактор, скорее, дестабилизирующий, чем стабилизирующий обстановку в регионе". (с.9).

Д. Карлайл весьма обстоятельно и со знанием дела обосновывает вывод об общем историческом прошлом народов Узбекистана и Таджикистана, об

объективной необходимости их дальнейшего сближения как двух равноправных независимых государств. ("Таджики и узбеки", с.174-197).

Д. Карлайл также пишет: "Не следует недооценивать те трудности, с которыми придется справляться Каримову в подверженной взрывами Ферганской долине. Согласно бытующему мнению, Ташкент преувеличивает угрозу исламского фундаментализма. Может быть это и верно, но до какой-то степени. Однако ни в коей мере нельзя согласиться с тем, что страхи Каримова основаны на мираже. Фергана - не горшок, в котором продукты свариваются в однородную массу, а бурлящий казан экономических и этнических трений, готовый в любой момент выкипеть, с самыми ужасными последствиями для Узбекистана, Таджикистана и особенно для Кыргызстана.

Президенты Каримов и Акаев взаимно заинтересованы в том, чтобы обстановка в Ошской области оставалась стабильной. В отношении Оша Каримов продолжает играть роль государственного деятеля, который всеми силами стремится отвести еще одну трагедию, подобную той, которая внезапно разыгралась в июне 1990 года. Тогда он мудро отказался позволить узбекским сепаратистам осуществить их цели в отношении Оша. Вряд ли какой-либо другой узбекский лидер смог бы сделать это.

К сожалению, его роль в предотвращении кровавого этнического конфликта в Оше и во всей Ферганской долине не была отмечена на Западе, что крайне несправедливо. Каримов заслуживает аплодисментов. Как показывает история, стоящий на задних лапках популист, маскирующийся под демократа, часто сливается с национал-шовинизмом и ведет страну к войне. Ситуация в Югославии, Сербии и Боснии представляет резкий контраст тому, что удалось достичь Каримову в Оше, подчеркивает его прогрессивную роль как государственного деятеля". (с.188-189).

Д. Карлайл упомянул о разноречивости мнений по вопросу об угрозе исламского фундаментализма в Узбекистане и Средней Азии в целом. В частности, в опубликованных на Западе статьях одного из лидеров оппозиции М. Салиха утверждается, что Каримов разыгрывает исламскую карту, чтобы поддержать свой рейтинг в мировом сообществе.

Однако имеются и прямо противоположные суждения. В серьезных аналитических комментариях западных специалистов по поводу Конференции представителей духовенства исламских государств в столице Судана Хартуме в марте 1995 года, в которой приняли участие лидеры исламских террористических группировок - алжирских, тунисских, палестинских, египетских, иранских, ливанских, пакистанских, афганских - говорится совсем другое. В них высказывается, с большей или меньшей степенью определенности, мысль о том, что развитие экстремизма в исламском мире представляет серьезную опасность не только для западной цивилизации, но и для Средней Азии. В этой связи отмечается прогрессивность позиции Президента Узбекистана, заслуживающей безусловную поддержку Запада.

Президент Узбекистана стоит за сохранение СНГ. Он считает, что СНГ в настоящее время не имеет альтернативы и, несмотря на его слабые стороны, отвечает национально-государственным интересам всех его участников.

Идея создания разного рода новых объединений надгосударственного характера, типа так называемого Евразийского союза, Президентом Каримовым категорически отвергается. Он за развитие экономической интеграции, за платежный союз, за межгосударственный экономический комитет. Он также за сотрудничество в сфере культуры и духовной жизни. "Проблема в другом, - говорит И. Каримов, - в невыполнении решений руководящих органов СНГ. Более 500 различных важных решений остались на бумаге".

Естественно, что само по себе восстановление разрушенных распадом Советского Союза экономических связей было бы большим выигрышем для всех стран СНГ. Однако нельзя забывать того, что прежние хозяйственные связи функционировали по приказу, под жестким контролем единого всевластного центра. Кто сможет приказывать и контролировать сейчас? Механизмы же рыночного саморегулирования на уровне хозяйствующих субъектов заработают очень нескоро.

Все это еще и еще раз подтверждает правильность мысли И. Каримова об безусловной приоритетности развития двух- или трехсторонних экономических, политических, информационных отношений между новыми независимыми государствами.

Особое место в системе международных связей Узбекистана не могут не занимать его взаимоотношения с Россией. Здесь три основных фактора.

Во-первых, Президент Узбекистана хорошо понимает, что в ближайшие годы военные возможности России - важнейшее условие стабильности в регионе. Во-вторых, Узбекистану по-прежнему жизненно необходимы экономические связи с Россией. В обозримом будущем Россию как экономического партнера заменить, повидимому, сложно. В-третьих, народы Узбекистана и России в течение столетий жили в тесном соседстве и, несмотря на далекое от идиллии колониальное прошлое, между ними сохранились культурные связи. Оба народа заинтересованы в укреплении этих связей. Особенно с учетом того, что в Узбекистане проживает более полутора миллиона русских.

Афганистан. С этим соседом Узбекистану приходится, образно говоря, искать и находить "брод в огне". Сегодня, действительно, можно сказать, что Афганистан фактически распался на три части. Столица центральной части страны и четыре провинции на северо-востоке - территория, управляемая из Кабула Президентом Бурхануддином Раббани и Ахмадом Шах Масудом, одним из лидеров "Исламского общества Афганистана", считающимся фактическим правителем Кабула. Преобладающий этнос в этой части страны - таджики.

13 южных, юго-восточных и западных, в основном с пуштунским населением, контролируется Шурой (советом) движения "Талибан". Штаб-квартира в древней столице страны Кандагаре.

В северных провинций Афганистана, с большим удельным весом узбекского населения (составляющего по различным данным от 5 до 10 процентов населения всей страны), образовали некое квазигосударство со

своей политикой, столицей Мазари-Шарифом, администрацией, банком. И главное - со своими армейскими подразделениями, вооруженными современным стрелковым оружием, танками и даже самолетами. Это наиболее развитый регион Афганистана, имеющий крупные запасы нефти и газа.

На Западе не перестают муссировать вопрос о хороших отношениях лидера северных провинций Абдул Рашида Дустума, возглавляющего союз этнических меньшинств "Движение за национальный и исламский Афганистан", с Ташкентом.

Судя по тому, что на участке бывшей советско-афганской границы, контролируемой Дустумом, обеспечивается полное спокойствие и порядок, хотя в окрестностях Мазари-Шарифа проживает около 2 млн. афганских и таджикских беженцев, такое утверждение, в принципе, не лишено оснований. Однако, собственно говоря, какое обвинение в этой связи можно предъявить Ташкенту, от которого до Мазари-Шарифа, как говорится, "рукой подать". Сегодня в этом городе представительств иностранных государств больше чем в Кабуле. Дустум напрямую устанавливает и развивает отношения со многими странами мира. В частности, с Великобританией, проявляющей большой интерес к разработке на севере Афганистана нефтяных месторождений.

Крах СССР открыл перед Турцией уникальную возможность стать лидером для тюркоязычных стран на пространстве от берегов Греции до Китая. Поощряемая Западом Турция прилагает большие усилия, чтобы выстоять в борьбе за эту роль, стать для тюркоязычных государств образцом светской организации политической жизни.

Однако, как мне кажется, здесь не учитывается особый цивилизационный статус Узбекистана, включающий в себя элементы не только тюркской, но и арабской, а также других субцивилизаций и, разумеется, его достаточно большие экономические возможности. Узбекистан уже в ближайшем десятилетии способен, если и не претендовать на роль регионального лидера, то, во всяком случае, развиваться самостоятельно.

Очень заинтересован в среднеазиатском регионе и Иран. Установление связи между Ираном и государствами Средней Азии по железнодорожной магистрали Мешхед-Ашхабад сделает присутствие Ирана в регионе более реальным, чем сейчас.

По-видимому опасения Запада относительно навязывания уже сегодня Ираном всем среднеазиатским государствам иранского типа государственной организации преувеличены, во всяком случае по времени. Реализация такой цели требует колоссальных затрат, которые Иран сейчас не в состоянии нести. Хотя от постепенного внедрения в Среднюю Азию идей и практики исламского фундаментализма Иран вряд ли откажется.

Несомненно хотел бы играть важную роль в экономической и политической жизни Узбекистана и Пакистан. Однако это крайне затруднено из-за гражданской войны в Афганистане, что мешает использовать дорогу из Карачи в Гиндукуш (через туннель Саланг). В этой связи можно предположить

переориентацию афганской политики Пакистана в направлении примирения воюющих сторон.

Особое значение для Узбекистана имеют его отношения с Китаем. И сегодня, и особенно в перспективе, по-видимому, в ближайшей. Это хорошо понимают и в Узбекистане, и в Китае. Каждый шаг Президента Каримова в направлении развития отношений дружбы и сотрудничества с его великим азиатским соседом может иметь далеко идущие последствия для всей системы внешнеполитических связей Узбекистана.

Фактором, имеющим очень важное воздействие на характер политических и экономических связей Узбекистана и Китая, является Синьцзяно-Уйгурский район Китая (СУАР). Это провинция КНР с территорией 1,6 млн. кв. км и населением 16 млн. человек, большая часть которых уйгуры и представители других тюркоязычных этносов. Экономика района развивается быстрыми темпами. Объем промышленного производства ежегодно имеет прирост в 6%, растет урожайность сельскохозяйственных культур. Производство хлопка достигло 800 тыс. тонн, сахара - 35 тыс. тонн. В районе добывается 12 млн. тонн нефти в год.

Перспективным для Узбекистана можно считать сотрудничество с молодыми "тиграми" Восточной Азии, помимо выгод чисто рыночного ситуативного характера, эти страны весьма привлекательны для Узбекистана, находящегося в такой же фазе социально-экономического развития, как и они, как образец успешного прохождения и выхода из этой фазы.

Политические события в Узбекистане и в регионе вызывают сегодня повышенное внимание не только из-за опасений продвижения исламского фундаментализма, но и из-за возможной эскалации этнических конфликтов, которые могут иметь серьезные последствия для Европы.

В немецкой специальной литературе пишут, например, следующее: "Можно себе представить с какими проблемами беженцев может столкнуться Европа, если дело дойдет до открытого противостояния между казахами и русскими. Миллионы русских, в виду ограниченных возможностей России принять их, ринутся на Запад".

К Узбекистану проявляют повышенный интерес такие столпы западного мира как ФРГ и США. Однако, если для ФРГ Узбекистан, главным образом, выгодный экономический партнер, то интересы США носят иной характер. Американо-узбекские отношения весьма непросты. С одной стороны, как будто очевидно, что главные цели США в Узбекистане - не допустить политики дестабилизации, при которой возможно было бы усиление влияния здесь соседних государств, таких как Иран и, возможно, Китай. Присутствие Ирана в Узбекистане в США связывают с угрозами исламского фундаментализма и даже международного терроризма.

США способствовали принятию Узбекистана в СБСЕ не только для того, чтобы здесь внедрились принятые на Западе стандарты в области прав и свобод человека, реализовывалась западная модель плюралистической демократии, но, в значительной мере, для формирования единой системы безопасности. Эту цель в большей степени преследует реализуемая на

практике идея США о присоединении Узбекистана, в числе других среднеазиатских государств к НАТО в рамках договорных отношений "Партнерство ради мира".

С другой стороны, до последнего времени были очень сильны антикаримовские настроения в верхних эшелонах соответствующего истеблишмента США.

Взгляд на эту тему Д. Карлайла: "Главным разочарованием, которое испытал Узбекистан в отношениях с иностранными государствами после обретения независимости, было ухудшение его отношений с США. Причиной этому была проблема прав человека. Неудача визита Каримова в США в сентябре 1993 года еще больше обострила американо-узбекские отношения. Неспособность узбекской дипломатической миссии устроить встречу Каримова с Клинтоном привело к ее отзыву вслед за возвращением Каримова в Ташкент.

Впоследствии, зимой 1994-1995 года, отношения между Узбекистаном и Соединенными Штатами были поставлены на новую основу. Это произошло вскоре после того, как американцы встревожились по поводу российско-иранского сближения. Вашингтон стал более внимателен к Каримову и направил в Ташкент секретаря по делам обороны Перри исправлять положение".(187-188).

Президент Каримов о своей позиции по вопросу отношений между Узбекистаном и США высказался следующим образом (запись беседы): "Раньше я не обращал внимание на то, что обо мне пишут и говорят за рубежом. Меня это мало интересовало. Жизнь показала, что я недооценил значение имиджа, который создает на Западе пресса, создают средства массовой информации. В конечном счете это оборачивается против страны, затрудняет ее внешние связи. В частности, отношения между Узбекистаном и США.

Я озабочен этим потому, что считаю, что добрые отношения с Америкой должны быть одним из приоритетов нашей внешней политики. Убежден, что и Америке выгодны такие отношения. Нам нужна не благотворительность со стороны США, а их политическая и моральная поддержка. Еще раз хочу подчеркнуть, что такая поддержка объективно выгодна и самой Америке. Я говорил об этом Тэлботу, Коллинзу, Пэрри".

Президент Каримов считает, что отношения Узбекистана как с западными странами, так и восточными должны быть свободны от любой идеологизации.

Однако сегодня для его страны внешняя политика помимо традиционных функций играет и особую роль. Она является фактором переориентации общественного сознания. Сотрудничество со странами Запада как на государственном уровне, так и на предпринимательской ниве, и в гуманитарных сферах упрочивает ценности рыночно-демократического порядка.

Очевидно также, что интеграция Узбекистана в мировое демократическое сообщество не избавит его от жесткой конкуренции и необходимости постоянно отстаивать свои интересы. Отношения и с Западом, и с Востоком

должны строиться на принципах равноправия и неприемлимости двойных стандартов.

И еще, что очень важно, национальные интересы Узбекистана не могут механически отождествляться на длительную перспективу только исключительно с интересами государства, но должны отдавать приоритет реальным потребностям саморазвития гражданского общества, в частности, предпринимателям и их ассоциациям.

Через четыре года: Узбекистан сегодня.

Вначале некоторые данные самого общего характера. Территория Узбекистана - 447, 4 тыс. кв. км. Население - более 23 миллионов человек. Ежегодный прирост населения - около 600 тысяч человек. Узбеков - более 34%. Городское население - около 40%, сельское - около 60%.

Удельный вес населения в трудоспособном возрасте к общей численности населения - около 45%.

В составе Узбекистана: Республика Каракалпакстан, 12 областей, 156 районов, 123 города, наиболее крупными являются Ташкент, Андижан, Бухара, Джизак, Карши, Навои, Наманган, Самарканд, Термез, Гулистан, Фергана, Ургенч.

Природно-климатические условия: Узбекистан представляет собой сочетание равнин и горного рельефа. Это солнечная страна, по числу солнечных дней Узбекистан близок Калифорнии.

Минерально-сырьевые ресурсы: По запасам меди, серебра, золота, свинца, цинка, вольфрама, природного газа и некоторых других полезных ископаемых Узбекистан занимает одно из ведущих мест в мире.

Особого внимания заслуживают большие запасы золота. По добыче золота Узбекистан занимает второе место среди стран СНГ (после России) и первое, по количеству добываемого золота на душу населения. Годовая добыча золота составляет, примерно, 70 тонн в год.

Узбекистан - один из самых благоприятных регионов мира для выращивания хлопка, рисосеяния, овощеводства, виноградарства, бахчеводства. Узбекистан один из ведущих мировых экспортеров хлопка, его ежегодный урожай - не менее 4 миллионов тонн (примерно одна пятая мирового урожая), а фруктов и овощей - более 7 миллионов тонн.

В результате правильной стратегии переходного периода в этой стране был остановлен спад производства и обеспечен его выход на траекторию последующего подъема. Выделены "зоны прорыва" в промышленности и сельском хозяйстве, что позволило сдержать негативные тенденции в общественном производстве.

Наиболее объемный показатель состояния экономики - это уровень реального валового продукта. Если этот уровень взять за 100 процентов в 1990 году, то в 1994 году (по данным доктора экономических наук Анвара Зия) сложилась следующая картина:

должны строиться на принципах равноправия и неприемлимости двойных стандартов.

И еще, что очень важно, национальные интересы Узбекистана не могут механически отождествляться на длительную перспективу только исключительно с интересами государства, но должны отдавать приоритет реальным потребностям саморазвития гражданского общества, в частности, предпринимателям и их ассоциациям.

Через четыре года: Узбекистан сегодня.

Вначале некоторые данные самого общего характера. Территория Узбекистана - 447, 4 тыс. кв. км. Население - более 23 миллионов человек. Ежегодный прирост населения - около 600 тысяч человек. Узбеков - более 34. Городское население - около 40%, сельское - около 60%.

Удельный вес населения в трудоспособном возрасте к общей численности населения - около 45%.

В составе Узбекистана: Республика Каракалпакстан, 12 областей, 156 районов, 123 города, наиболее крупными являются Ташкент, Андижан, Бухара, Джизак, Карши, Навои, Наманган, Самарканд, Термез, Гулистан, Фергана, Ургенч.

Природно-климатические условия: Узбекистан представляет собой сочетание равнин и горного рельефа. Это солнечная страна, по числу солнечных дней Узбекистан близок Калифорнии.

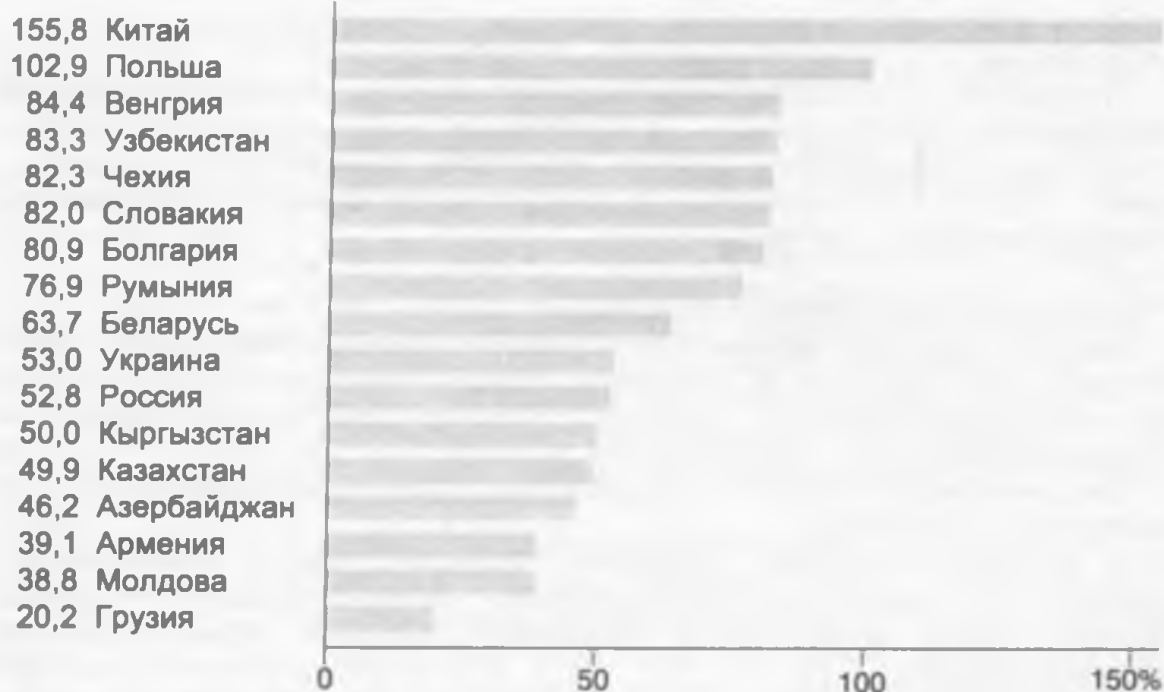
Минерально-сырьевые ресурсы: По запасам меди, серебра, золота, свинца, цинка, вольфрама, природного газа и некоторых других полезных ископаемых Узбекистан занимает одно из ведущих мест в мире.

Особого внимания заслуживают большие запасы золота. По добыче золота Узбекистан занимает второе место среди стран СНГ (после России) и первое, по количеству добываемого золота на душу населения. Годовая добыча золота составляет, примерно, 70 тонн в год.

Узбекистан - один из самых благоприятных регионов мира для выращивания хлопка, рисосеяния, овощеводства, виноградарства, бахчеводства. Узбекистан один из ведущих мировых экспортеров хлопка, его ежегодный урожай - не менее 4 миллионов тонн (примерно одна пятая мирового урожая), а фруктов и овощей - более 7 миллионов тонн.

В результате правильной стратегии переходного периода в этой стране был остановлен спад производства и обеспечен его выход на траекторию последующего подъема. Выделены "зоны прорыва" в промышленности и сельском хозяйстве, что позволило сдерживать негативные тенденции в общественном производстве.

Наиболее объемный показатель состояния экономики - это уровень реального валового продукта. Если этот уровень взять за 100 процентов в 1990 году, то в 1994 году (по данным доктора экономических наук Анвара Зия) сложилась следующая картина:

При этом необходимо отметить, что в Китае рост производства начался еще до 90-х годов, а Польша имела самый развитый частный сектор среди всех социалистических стран, особенно в сельском хозяйстве.

Важным фактором с точки зрения эффективности экономики является состояние в области энергосистемы, энергоресурсов. В 1994 году в процентах к 1990 году (взятому за 100) добыча газа в Узбекистане составила 115,7 (в России - 94,7; на Украине - 65,1; в Казахстане - 63,4; Туркменистане - 40,5;), а добыча нефти - 196,4 (на Украине - 79,2; в Казахстане - 78,7; Туркменистане - 71,9; России - 61,2).

За последние 3 года Узбекистан добился за счет роста производства сокращения объемов завозимой в страну нефти и нефтепродуктов в 6-7 раз, мяса и молочных продуктов в 2-3 раза, зерна и зернопродуктов в 2-3 раза.

Если в большинстве стран СНГ продолжается инвестиционный кризис, то в Узбекистане доля капиталовложений, особенно в интенсивно ведущееся строительство, неуклонно растет. Причем в общих объемах строительства значительную долю занимает жилье, что также является своего рода инвестициями в будущее.

В 1994 году количество негосударственных предприятий в Узбекистане достигло 46,9 тысяч или около 70% всех предприятий. Их доля в валовом внутреннем продукте составила около 50%.

Согласно программе на 1995 год намечается приватизация 1.796 объектов. В том числе: в промышленности - 94 объекта, строительстве, транспорте и связи - 96, агропромышленном комплексе - 442, социальной сфере - 414, по

местным программам - 750 объектов. При этом совокупная доля акций трудового коллектива и государства не должна превышать 49%.

"Даже тогда, когда мы переживали особенно трудные дни, начиная строить свое будущее, - мы не ходили с "протянутой рукой", ни у кого не выпрашивали подавание, а с самого начала верили в свои силы, в свой потенциал и опирались на них." В этих гордых словах, прозвучавших на третьей сессии Олий Мажлиса в докладе Президента Каримова, посвященном четвертой годовщине независимости Узбекистана, пафос уже свершенного, уже сделанного страной. На карте сегодняшнего Узбекистана можно видеть множество серьезных доказательств на этот счет, зримые свидетельства успешной работы отечественного и иностранного капиталов.

В Навоийской области введен в строй новый золотодобывающий комбинат и начало добычу золота из рудных отходов узбекско-американское совместное предприятие "Зарафшан-Ньюмонт". Осуществляется еще один крупный совместный проект по добыче золота - с фирмой "Лонро" из Великобритании.

В Хорезме начал действовать завод по производству грузовых автомобилей, строится Асакинский автомобильный завод. В Бухаре ведется строительство нефтеперерабатывающего завода, оснащенного новейшим оборудованием. В числе новостроек - крупные гидролизные заводы, введенные в эксплуатацию в Коканде и Андижане. В предверии пуска крупная турбина на Талимарджанской ГРЭС. Началось строительство еще трех объектов Кызыл-Кумского фосфоритного комбината, завода по производству соды в Кунграде и железнодорожной ветки Навои-Учкудук-Нукус.

Если в начале 1995 года уровень инфляции превышал 16 процентов в месяц, то в октябре он составлял всего лишь один процент.

А что же завтра? Какие хозяйственные вершины ждут восхождения? По мнению узбекских экономистов, необходимо существенно уменьшить долю перераспределения общественного продукта через государственные структуры. Доля государственного бюджета к валовому внутреннему продукту составила в первом квартале 1995 года по доходам 45, а по расходам - 49%. Это весьма значительно даже в сопоставлении с другими странами СНГ.

Основной резерв дальнейших преобразований в экономической жизни Узбекистана, как уже сказано, - широкое развитие частной собственности, предпринимательства, кооперативного движения. Словом, дальнейшая либерализация экономики и постепенный уход государства со сцены в роли непосредственного, директивного управляющего, при сохранении и даже совершенствовании опосредствованных, дистанционных методов воздействия на хозяйственные процессы.

Сегодня, а тем более завтра, Узбекистану уже под силу решение такой задачи как развитие производства, ориентированного на экспорт, ибо только это позволит стране интегрироваться в мировую экономическую систему, в сжатые сроки и наиболее эффективно решить ключевые задачи дальнейшей структурной перестройки и обновления экономики.

Стало печальной нормой - определять состояние любой посткоммунистической страны через слово "кризис". Однако слово "кризис" в отношении Узбекистана в том смысле, который в него традиционно вкладывается, вряд ли уместно. Другое дело, если этому слову придать значение, какое оно имело при рождении, а происходит оно от греческого слова "кринеин", что означает "судить и решать". Можно также напомнить, что китайское слово "кризис" состоит из двух иероглифов: первый из них означает "опасность", а второй - "возможность", "шанс", "выбор".

В таком понимании говорить о кризисе в Узбекистане можно. Эта страна, Президент которой вместе с коллегами напряженно, мучительно и последовательно ищет решения сложнейших задач общественной жизни, решения, которые позволят Узбекистану использовать свой исторический шанс и избежать опасности, выжить, встать на ноги, пойти в гору.

Как свидетельствуют социологические опросы, другие формы изучения общественного мнения, а также оценки различных экспертов, если в большинстве стран СНГ господствует в общественном сознании мотив разочарования, то в Узбекистане - все больше крепнет вера в прогрессивные преобразования, в то, что путь реформ в принципе верен. Эмоционально-психологическое состояние узбекского общества в значительной мере характеризуется чувством надежды, уверенности, и в меньшей - тревогой и страхом. У соседей Узбекистана, а также в большинстве регионов России, эти показатели имеют противоположную направленность.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ГОСУДАРСТВО ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА: ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

В докладе Президента И. Каримова, с которым он выступил на первой сессии Олий Мажлиса, итоги нескольких лет напряженнейшей и труднейшей работы по строительству национальной государственности в Узбекистане, размышления и аргументы, факты и выводы. Доклад обращен и к Олий Мажлису, к своему народу, и, что совершенно очевидно, к зарубежным странам тоже. Президенту очень важно, чтобы его там услышали и поняли. Особенно на Западе. Это, в известной мере, как говорится, "исповедь на заданную тему". На тему демократии. "Демократия - наш главный путь", "Демократизация экономических отношений - важное условие реформ" - основные разделы доклада.

В последних докладах и выступлениях Президента этот адресованный зарубежным слушателям и читателям сюжет стал звучать и сильнее и увереннее. Стало больше реальных оснований для этого. Вообще-же не лучшее дело оказываться по отношению к западному партнеру в положении младшего партнера. Там это называют "underdog". Сами они стараются в такое положение не попадать. В отношении с Западом здоровыми могут быть только отношения равенства. Тогда им и доказывать ничего не надо. Но это так, к слову.

Эра демократии: новая версия утопии.

Победившие революции не могут не привести самые трезвые головы в состояние восторга и ликования, как сейчас принято говорить, в состояние эйфории. Очень редко даже самым прагматичным лидерам удавалось избежать в подобные исторические мгновения иллюзий и утопических версий дальнейшего развития их стран. Наиболее распространенная из них: возможность энергичного, одномоментного прыжка из "царства тоталитарной государственно-социалистической необходимости" в "царство либерально-демократической свободы".

Почти во всех постсоветских государствах был, по моему убеждению, допущен утопический подход к разработке и принятию конституций. В Узбекистане - тоже. Это, в свою очередь, не могло не повлечь за собой довольно серьезные проблемы в политической жизни.

Действительно, в Конституции Республики Узбекистан, принятой 8 декабря 1992 года, есть почти все, что необходимо современным обществам с точки зрения их политико-правовой организации. В качестве принципов конституционного строя утверждены такие демократические ценности как суверенность личности, разделение властей, разнообразие форм собственности,

идеологическое многообразие, социальный, экономический и политический плюрализм, правительство, основанное на согласии управляемых, и многое другое. Устранены различного рода "советизмы", много лет бывшие иллюзорно-демократическим прикрытием тоталитарно-диктаторского режима.

Однако среди постулатов конституционализма есть один самый важный. Речь идет о реальности той или иной конституции. Хотя формально-юридически Конституция Узбекистана заняла свое достойное место в "конституционном поле" современности, хотя статьи ее, особенно о правах и свободах человека, наполнены содержанием самой высокой правовой и нравственной пробы, "живой" по целому ряду параметров ее назвать нельзя.

Она "скроена" и "сшита" по меркам, которые полностью соответствуют "габаритам" государств с развитой рыночной экономикой, с давними демократическими традициями, сильным гражданским обществом. Государство переходного периода в Узбекистане в его реальной ипостаси не совсем точно "вписывается" в гипотетическую модель, предложенную этой конституцией. Другой у этого государства человеческий материал, другая инфраструктура: экономическая, организационная, социокультурная.

Возможно, следовало принять конституционный акт переходного периода, как это сделано в Южно-Африканской Республике. Возможно, правильно было бы записать в Конституции Узбекистана о государстве переходного периода. Несколько снизить "официальную планку", чтобы не противопоставлять желаемое действительному. Нельзя не учитывать и то, что динамизм переходного периода не может в самое ближайшее время не привести к необходимости внесения в Конституцию Узбекистана серьезных изменений и дополнений. Например, относительно местного самоуправления.

В работе Д. Карлайла есть раздел, который называется: "Конституция Каримова". Там, в частности, написано следующее: "Конституция 1992 года не просто узаконила предпочтение Каримова к сильной Президентской власти и отразила его модель правления. В умах создателей Конституции присутствовала иностранная аудитория. Президент Узбекистана нуждался в том, чтобы увеличить свою легитимность путем распространения узбекской модели представительной демократии в глазах Соединенных Штатов и ООН". (с.172-173).

Цель, о которой пишет Д. Карлайл, естественно, присутствовала. Но я могу утверждать и то, что у Президента Каримова и его коллег не возникало сомнений относительно реальности и жизненности ряда важнейших конституционных положений. Я это знаю по опыту подготовки и принятия Конституции в Кыргызстане. А теперь в нее, как и в казахскую Конституцию, в ближайшее время будут внесены существеннейшие изменения, возвращающие этот документ из утопического в реалистическое состояние.

С демократией вообще все не так просто, как может показаться. Безудержная идеализация ее не менее вредна, чем отторжение. Она имеет свои слабости и способна переродиться в простую анархию или охлократию, то есть власть толпы. Как сказал один философ: "И Христос был распят по решению большинства". Сократа приговорили к смерти, без всяких на то

оснований, не где-нибудь, а в демократических Афинах и при том большинством голосов. И демократические институты способны, стоит только уснуть общественному разуму, породить чудовищ.

Выдающийся исследователь американской демократии Алексис де Токвиль так передавал свои впечатления от поступательного роста демократии в своей книге "О демократии в Америке", написанной в 30-х годах прошлого столетия: "Вся книга была написана под влиянием некоторого рода религиозного ужаса, произведенного в душе автора видом этой неудержимой революции, идущей ... через все препятствия, которая продвигается вперед среди производимого ею разрушения".

Да что де Токвиль. А разве мы сами не были буквально несколько лет тому назад свидетелями того, как националисты-экстремисты и религиозные фанатики под демократическими лозунгами вели толпы громить милицию, партийные комитеты, местные органы власти, поистине наводя ужас и страх в душах других людей.

Историей многократно доказано, что демократия невозможна без громадного общественного опыта, внутреннего воспитания, без соответствующей нравственной и духовной основы.

Демократия всегда выражала и выражает стремление человечества к свободе и самоуправлению. Естественно, что понятие формы и степени свободы, формы и степени самоуправления различны в разные времена и у разных народов. То, что приемлемо для одного народа на данный момент, неприемлемо для другого и в другое время.

Уже цитированный выше политолог с мировым именем С. Хантингтон убежден, что история демократии представляет собой не медленное и постоянное движение вперед, но сменяющие друг друга волны, которые независимо от воли конкретных государственных лидеров накатываются, отступают и вздымаются вновь. И в пределах этих волн у каждой страны может быть свой час.

Вспоминаются сказанные в начале века слова о том, что русская история еще не смогла муки, из которой можно испечь пирог русской демократии. Печально, но в конце века эти слова опять можно с полным основанием сказать в отношении России. И Узбекистана тоже. Хотя у меня нет никакого сомнения в том, что у Узбекистана и эта мука, и этот пирог будут иного качества, иного вкуса. Я попытался обосновать это выше на основе концепции цивилизационных типов.

Уже неоднократно говорилось о том, что реабилитация выпавших из общего цивилизационного развития человечества обществ, долгий и мучительный процесс. Хотелось бы добавить, что разные страны движутся в рамках этого процесса с разной скоростью. Счастье Узбекистана, что он сначала избежал наихудшего (кошмара гражданской войны), а затем, "медленно поспешая", набрал необходимую историческую скорость и, по существу, стал одним из очевидных лидеров в сообществе постсоветских государств. В том числе, на очень долгом пути к либеральной демократии.

И все же вновь и вновь встает вопрос: почему же так получилось? Почему уходящие от коммунизма страны бывшей советской империи при отсутствии частной собственности и всего того, определяющего стиль жизни, что связано с этой собственностью, оказались готовыми не к сильному авторитаризму, а к слабой весьма специфичной демократии?

Судя по всему, правы те, кто связывает это в значительной мере с попытками М. Горбачева социал-демократизировать партию, являющуюся структурной решеткой общества. Однако аппарат КПСС давно уже жил по своим мафиозным, точнее, партмафиозным правилам. Расставаться с этими правилами и предусмотренными ими привилегиями он, естественно, не хотел. Тогда Горбачев, по совету А. Яковлева, попытался использовать гласность. Примерно так, как Мао Цзэдун использовал хунвейбинов и цзяофаней. Он также, как и Мао, хотел расшатать партию и вынудить ее к обновлению. Однако у Горбачева не было интеллектуального превосходства над публицистами и тысячами тысяч других журналистов и газетчиков, получивших волю. Не было и огромного авторитета Мао. Система, как уже сказано, пошла в разнос.

Начался идейный хаос, открывший дорогу организационному развалу. Казавшаяся совершенно необходимой авторитарная власть, как объективно закономерный этап перехода от тоталитаризма к демократии, дискредитировалась и опошлялась в общественном мнении и общественном сознании практически всеми средствами массовой информации с удивительной энергией.

Страшные картины посткоммунистической демократии (развал экономики, рост преступности, вакханалия в свободной прессе, псевдопарламентаризм) потрясли многих борцов с коммунистическим режимом не только в бывшем Советском Союзе, но и в Восточной Европе. Один из активнейших и авторитетнейших в прошлом диссидентов-демократов, нынешний Президент Чехии Вацлав Гавел, произнес на июльском саммите СБСЕ 1992 года в Хельсинки сакраментальную фразу: "Призрак бродит по Европе, призрак посткоммунизма. И он еще более страшен, чем призрак коммунизма".

Начиная с 1992 года опросы общественного мнения, проводимые в России и других странах СНГ, свидетельствуют о непрерывно усиливающемся разочаровании в посткоммунистической демократии, неспособной обеспечить порядок и стабильность, а идеи "жесткой руки", идеи авторитарной власти становятся все более популярными.

В одном из опросов, проведенных российским фондом "Общественное мнение" еще в конце 1993 года, респондентам было предложено выбрать из большого числа политических деятелей прошлого и настоящего тех, кто наиболее близок к их идеалу. Пиночет с одним процентом голосов оказался на предпоследнем месте, оставив позади себя только Хусейна. Первые же два места, с большим отрывом от остальных, заняли Андропов и Тэтчер.

Судя по всему, эти данные не случайны. Они подтверждаются и другими опросами. Постсоветские страны нуждаются в сильном лидере и ждут его. Но они еще точно не знают: каким он должен быть. Отсюда колебания между

Президент И. КАРИМОВ с Президентом Российской Федерации
Б. Ельциным после подписания узбекско-российских документов

Президент И. КАРИМОВ с президентом Германии Романом Герцогом,
Бонн, 1995 г.

Президент И. КАРИМОВ с Премьером Госсовета КНР Ли Пэном

Президент И. КАРИМОВ с Премьер-министром Великобритании
Джоном Мейджором

Президент И. КАРИМОВ с вице-президентом Соединенных Штатов Америки А. Гором 25 октября 1995 г., Белый Дом, Вашингтон

Президент Ислам КАРИМОВ с министром иностранных дел Израиля Ш. Пересом

Президент И. КАРИМОВ
и Премьер-министр Турции
Т. Чиллер во время
посещения исторических
памятников на площади
Регистан, г. Самарканд

Президент И. КАРИМОВ
и Премьер-министр
Исламской Республики
Пакистан Б. Бхутто после
посещения мавзолея
Саманидов, г. Бухара

**Топливо-энергетический комплекс Узбекистана
развивается быстрыми темпами**

**Президент И. КАРИМОВ на открытии второй очереди
золотодобывающего завода в г. Учкудуке**

Сбор хлопка

Первые плоды экономических реформ — грузовые машины "Мерседес-Бенц" отныне выпускаются на узбекско-германском совместном предприятии в г. Дустлик Хорезмской области

Строительство автомобильного завода "УзДЭУ". в г. Асака

Нефтеперерабатывающий завод

Самолетостроение — одно из ведущих и наукоемких отраслей
народного хозяйства Узбекистана

Телебашня в г. Ургут

демократическим авторитаризмом "железной леди", жесткой рукой улучшавшей английский капитализм, и совсем не демократическим, но и не по-сталински диктаторским авторитаризмом одного из последних коммунистических генсеков, административными методами пытавшегося улучшить брежневский "развитой социализм".

Но если дело обстоит именно так, то это значит, что на сегодняшнем постсоветском пространстве общественные ожидания все больше поворачиваются лицом к тому политическому курсу, который проводит Президент Узбекистана Ислам Каримов, утверждающий при помощи сильной государственной власти и национальной идеи в своей стране рыночную экономику как основу преддемократии, а в будущем и демократию.

"А утопия одинаково вредна для среднеазиатских государств, для их народов, независимо от того - спонсируется ли она иностранными коммунистами или антикоммунистами, приходит ли она из Москвы или из Вашингтона". (Д. Карлайл, с.8).

Преддемократический авторитаризм или феодальная олигархия?

Оппоненты И. Каримова упорно говорят о том, что Узбекистан стоит перед альтернативой: или демократический политический режим, или тоталитарный. Это очевидное заблуждение. Такой альтернативы нет и в обозримом будущем быть не может. У Узбекистана, действительно, есть выбор, но иной. Или авторитарный режим с элементами демократии (хочется надеяться все возрастающими) или олигархическая государственность. В первом случае - это контролируемая государством (в определенных пределах) социально-рыночная экономика. Во-втором - всевластие коммерческих структур (в значительной мере теневых), связанных с региональной администрацией.

Помимо аргументов общего характера, приведенных выше, этот вывод подтверждается и дополнительными соображениями.

Полагаю, что нет серьезных оснований возражать тем, кто считает, что коммунистический тоталитарный режим был конструкцией характернейших черт древних обществ в материале XX века (вплоть до таких феноменов, как сакральное государство - партия с вождем-идеологом во главе или кара за изменение технологии сева, как за религиозное диссидентство, "антипартийную деятельность"). Американский посол в Москве А. Гарриман заметил, что в России построено общество не будущего, а далекого прошлого человечества и в этом - неизбежность его конца.

Социолог В. Вильчек пишет, что в общечеловеческой истории на смену тоталитарным общественным структурам приходили феодальные, с их относительным разделением духовной и светской власти, децентрализацией, определенной свободой производителей и олигархической государственностью, выполнявшей типично рэкети́рские функции. Такие современные феномены, как мафиозность (а в предельном своем выражении - идеологизированная и государственно организованная мафиозность) - это реконструкция феодального общества в контексте индустриальной эпохи.

Страна, в которой большинство населения не исполняет законы, а чиновничья бюрократия даже не утруждает себя заверениями в приверженности им, страна, где силовые структуры государства беспомощны в борьбе с преступностью, находится в состоянии запредельных социальных колебаний и неустойчивости.

"Кризисная преступность" переходного периода - это не просто рост тяжелых и организованных форм преступности, это полная беспомощность власти в борьбе с нею. В этих условиях насилие становится все более распространенным средством решения социальных проблем, разрешения социальных конфликтов, отстаивания групповых и индивидуальных интересов.

Если государственная власть не справляется с нестабильностью и не контролирует ситуацию, возникает социальный кризис, основные проявления которого - недоверие к институтам власти, полная потеря этими институтами своего авторитета, разгул преступности, насилия и, в конце концов, выход из-под влияния власти всей общественной системы.

Неуправляемая или очень слабо управляемая со стороны государства перестройка экономики на рыночный лад, осуществляемая в значительной мере под контролем теневой экономики и по ее правилам, оторванная от социальных программ - это тот же тоталитарный кошмар. Правда, не на государственной, а на антигосударственной основе. Однако суть его, природа его - те же: диктатура темных сил над обществом, над людьми, их душами и совестью.

И, наоборот, в отличавшихся жестким режимом, авторитарной властью странах, принадлежащих к разным цивилизационным типам, Испании и Южной Корее, Турции и Чили, были с наименьшими социальными потерями осуществлены преобразования в экономике, заработало рыночное хозяйство. На основе же демократической экономической основы - частной собственности и рынка - эти страны перешли к демократии в политической жизни, к демократическому государству.

Итак, примем за истину, даже, я бы сказал, за святую истину то, что кардинальные преобразования в обществе, находящемся в переходном периоде, без сильной власти, т.е. власти, способной вырабатывать твердые решения и с неукоснительной последовательностью проводить их в жизнь, преодолевая какие бы то ни были препятствия, кардинальные преобразования без такой власти осуществить невозможно. И когда применительно к подобной власти используют определение "авторитарная", это не должно смущать даже самых рьяных последователей демократии: всякая власть - если она действительно "власть", способная реально осуществить свое предназначение в этом мире, неизбежно включает в себя авторитарность, т.е. свойство императивности, односторонней обязательности.

Среднеазиатская действительность на своем специфическом материале подтверждает вывод о выборе между преддемократическим авторитаризмом и феодальной олигархией.

Традиционные социальные структуры, клановые, семейно-родственные и земляческие связи в политической жизни не сошли с политической сцены, но

даже усилились. По мнению многих западных исследователей, так называемый "таджикский синдром", это не только проявление религиозного экстремизма, но и "кровавая конкуренция субнациональных структур".

Поэтому сильная, созидаящая государственная власть нужна сегодня в Узбекистане и для выравнивания местных интересов, ослабления сепаратизма и партикуляризма отдельных регионов республики, гармонизации местных и общенациональных потребностей.

"Азиатское общество, - пишет известный публицист, специализирующийся на политических и социальных проблемах среднеазиатского региона Санобар Шерматова, - имеет ярко выраженную регионально-клановую структуру. Незнание азиатской специфики приводит к неправильной оценке политической ситуации. Скажем, европейские наблюдатели оценили бы факт избрания в новый парламент Кыргызии бывших коммунистических лидеров республики как свидетельство "полевения" обществу и угрозу реформам. А для любого кыргыза - это доказательство силы земляков и родственников коммунистического лидера. Будут ли они противодействовать реформам зависит от того, как сговорятся противоборствующие стороны". ("Московские новости", 1995, № 22).

Немецкий ученый Пауль Георг Гайс написал очень содержательную книгу, посвященную проблемам становления наций в Средней Азии. Он тоже, в принципе, сторонник мнения об опасности движения новых независимых государств этого региона к феодальной олигархии, к всевластию клановых и региональных элит. На основании исторических фактов, характеризующих социально-психологические и социально-структурные особенности среднеазиатских народов, Гайс делает вывод о том, что демократия в западном понимании в обозримом будущем в этих странах невозможна, что авторитарная власть здесь сегодня и завтра - наиболее прогрессивный политический режим. (Paul Georg Geiss, *Nationenwerdung in Mittelasien*, Peter Lang, 1994, S. 191-193).

Теперь самое, как мне кажется, время предоставить слово Д. Карлайлу. Ниже - фрагмент его книги, относящийся к политическому режиму в новом Узбекистане.

"Использование опыта западной истории в качестве призмы, через которую нужно рассматривать Узбекистан эпохи Каримова, серьезная ошибка. Конечно, западную практику не следует абсолютно игнорировать. Однако правда, которую, к глубокому сожалению, игнорируют западные политические и академические круги, в том, что уместность наших рекомендаций и заключений на данном этапе среднеазиатской истории неблагоразумна и, во всяком случае, преждевременна. Применение западной демократической модели, соответствующих стандартных суждений об ее необходимости в Средней Азии может оказаться опасным, если не катастрофическим, не приводящим ни к демократии, ни к прогрессу.

В ближайшей перспективе навязчивая идея найти местных демократов, которых можно было бы поддерживать, а также навязать нашу избирательную практику и многопартийную политическую систему, может привести не к развитию, а к ускоренной дезинтеграции, не к правовому государству, а к хаосу.

даже усилились. По мнению многих западных исследователей, так называемый "таджикский синдром", это не только проявление религиозного экстремизма, но и "кровавая конкуренция субнациональных структур".

Поэтому сильная, созидаящая государственная власть нужна сегодня в Узбекистане и для выравнивания местных интересов, ослабления сепаратизма и партикуляризма отдельных регионов республики, гармонизации местных и общенациональных потребностей.

"Азиатское общество, - пишет известный публицист, специализирующийся на политических и социальных проблемах среднеазиатского региона Санобар Шерматова, - имеет ярко выраженную регионально-клановую структуру. Незнание азиатской специфики приводит к неправильной оценке политической ситуации. Скажем, европейские наблюдатели оценили бы факт избрания в новый парламент Кыргызии бывших коммунистических лидеров республики как свидетельство "полевения" обществу и угрозу реформам. А для любого кыргыза - это доказательство силы земляков и родственников коммунистического лидера. Будут ли они противодействовать реформам зависит от того, как сговорятся противоборствующие стороны". ("Московские новости", 1995, № 22).

Немецкий ученый Пауль Георг Гайс написал очень содержательную книгу, посвященную проблемам становления наций в Средней Азии. Он тоже, в принципе, сторонник мнения об опасности движения новых независимых государств этого региона к феодальной олигархии, к всевластию клановых и региональных элит. На основании исторических фактов, характеризующих социально-психологические и социально-структурные особенности среднеазиатских народов, Гайс делает вывод о том, что демократия в западном понимании в обозримом будущем в этих странах невозможна, что авторитарная власть здесь сегодня и завтра - наиболее прогрессивный политический режим. (Paul Georg Geiss, *Nationenwerdung in Mittelasien*, Peter Lang, 1994, S. 191-193).

Теперь самое, как мне кажется, время предоставить слово Д. Карлайлу. Ниже - фрагмент его книги, относящийся к политическому режиму в новом Узбекистане.

"Использование опыта западной истории в качестве призмы, через которую нужно рассматривать Узбекистан эпохи Каримова, серьезная ошибка. Конечно, западную практику не следует абсолютно игнорировать. Однако правда, которую, к глубокому сожалению, игнорируют западные политические и академические круги, в том, что уместность наших рекомендаций и заключений на данном этапе среднеазиатской истории неблагоразумна и, во всяком случае, преждевремена. Применение западной демократической модели, соответствующих стандартных суждений об ее необходимости в Средней Азии может оказаться опасным, если не катастрофическим, не приводящим ни к демократии, ни к прогрессу.

В ближайшей перспективе навязчивая идея найти местных демократов, которых можно было бы поддерживать, а также навязать нашу избирательную практику и многопартийную политическую систему, может привести не к развитию, а к ускоренной дезинтеграции, не к правовому государству, а к хаосу.

Неизбежная, возможно, и горькая для нас правда состоит в том, что в настоящее время нет замены авторитарному порядку, нет альтернативы авторитарному правлению в Средней Азии. Последние тенденции в этом направлении в Казахстане и, что более удивительно, в Кыргызстане, где демократические ожидания были на высшем уровне, подчеркивают эту правду. Тенденция к авторитаризму в Москве, Алматы и Бишкеке в большей степени наводит на мысль, что сильно очерненный нами авторитарный подход Президента Узбекистана Каримова не был заблуждением, а предупреждал будущее. Теперь этот подход осуществляется в других государствах региона.

Выбор Каримова не был основан на личной прихоти, на свойствах его личности, как утверждают некоторые его критики в США. Он не был даже только лишь защитной реакцией на проблемы, грозящие дестабилизацией общественного порядка и анархией. Это был ответ на комплексные условия, это был ответ систематического типа, имеющий корни в недрах национальной культуры, основанный на опыте времени.

Главным является не то, что кто-то хочет или не хочет установить авторитаризм. Это пройденный этап. Реальным и острым вопросом в Средней Азии является вопрос: в чьих руках будет власть? Какие местные силы возьмут верх? Возобладает ли местный регионализм или центральная власть? Или они будут в гармонии? И еще один вопрос: куда будет направляться переходный процесс? Какие цели будет реализовывать режим?" (с.4-8).

Между тоталитаризмом и либеральной демократией.

Рассуждения и выводы, приведенные в первых двух частях этой главы, утверждают в мысли об объективности процессов и явлений в государственной жизни сегодняшнего Узбекистана. Речь идет о политическом режиме, сохраняющем в большей или меньшей мере отдельные свойства государственного социализма и постепенно набирающего свойства либеральной демократии.

Ниже приводится соответствующая схема, составленная профессором Валери Банс (из Корнельского университета в США) при содействии профессора Марии Ксанади, учитывающая и мои данные.

Государственный социализм

Широкие гражданские права, записанные в законе, но не осуществляемые на практике

а) презумпция виновности

б) расширительное толкование преступлений против государства

в) ограниченные возможности восстановления в правах граждан судебной властью

г) ограничения гражданских прав: голоса, выражения своих взглядов, выезда из страны, объединения в организации и группы

Переходный период в Узбекистане

Широкие гражданские права предусмотрены законом, но на практике реализуются не все права и не всеми гражданами

а) принцип презумпции невиновности, однако осуществляемый на практике не во всех случаях

б) ограниченное толкование преступлений против государства

в) ограниченные возможности восстановления в правах граждан судебной властью

г) действуют личные права: голоса, выезда из страны, объединения в организации и группы, выражения своих взглядов (последнее под контролем государства)

Либеральная демократия

Широкие гражданские права, предусмотренные законом и осуществляемые на практике

а) презумпция невиновности

б) ограниченное толкование преступлений против государства

в) точные процедуры и широкие возможности восстановления в правах, прежде всего и главным образом, судом

г) личные права: голоса, публикаций, выезда из страны, объединения в организации и группы

д) регулярные, но не свободные выборы

Неинституционализированное соревнование за государственные должности

а) безальтернативные выборы

б) выборность лишь применительно к малозначительным должностям

Непредставительная власть

а) политическая ответственность перед коммунистическими партийными функционерами

д) регулярные и, в основном, свободные выборы

Как институционализированное, так и неинституционализированное соревнование за государственные должности

а) выборность на отдельные значительные политические должности

б) выборы, как правило, на альтернативной основе и реже с учетом интересов политических партий

Представительная власть с известными ограничениями

а) политическая ответственность перед электоратом осуществляется эпизодически

д) регулярные свободные выборы

Институционализированное соревнование за государственные должности

а) многопартийная система и выборы на альтернативной основе

б) выборы применительно к самым важным политическим должностям

Представительная власть

а) политическая ответственность перед электоратом

б) представительные институты существуют, но маловластны в назначении должностных лиц, определении бюджета, государственной политики

в) закулисный процесс принятия решений важнейшими политическими институтами

Управляют кадры

Бюрократия контролируется партийными функционерами

а) практически отсутствуют ограничения, налагаемые правилами или процедурами

б) взаимоисключаемая юрисдикция различных ведомств

в) неясность критериев оценки проделанной работы

б) представительные органы достаточно властны в назначении должностных лиц, определении бюджета и в определенной мере и государственной политики

в) гласность обсуждения (голосования) не исключает личных решений важных государственных вопросов

Управляют кадры и в ограниченной мере закон

Бюрократия слабо контролируется избираемыми и недостаточно назначаемыми должностными лицами

а) отсутствуют или нередко игнорируются ограничения, налагаемые правилами или процедурами

б) совершенствуется юрисдикция различных ведомств

в) сохраняется неясность критериев проделанной работы

б) представительные институты принимают основные решения (назначения, формирование бюджета, определение государственной политики)

в) гласность обсуждения (голосование по наиболее важным вопросам)

Управляет закон

Бюрократия контролируется избираемыми должностными лицами

а) ограничения, налагаемые правилами или процедурами

б) четко очерченная юрисдикция различных ведомств

в) ясные критерии оценки проделанной работы

г) партийный аппарат контролирует отбор и перемещение кадров

д) приверженность бюрократии законам на словах, уклонение от них на практике

е) ответственность перед избираемыми должностными лицами и, в конечном счете, перед партийными функционерами

Сосредоточение экономических ресурсов в руках государства

а) государственная собственность на средства производства

г) отбор и перемещение кадров в большей мере на основе неформальных связей, личной преданности, в меньшей - в соответствии с их заслугами

д) сохраняется приверженность бюрократии законам на словах и уклонение от них на практике

е) конечная ответственность как перед избираемыми, так и назначаемыми должностными лицами

Рассредоточенность экономических ресурсов между государственными структурами, и, в известной мере, структурами гражданского общества, а также теневой экономики

а) заметное снижение экономической роли государственной собственности и повышение роли частной собственности, в том числе, в ее "теневом" варианте (особенно в сфере обращения)

г) отбор и перемещение кадров в соответствии с их заслугами

д) приверженность бюрократии законам

е) конечная ответственность перед избираемыми должностными лицами

Рассредоточенность экономических ресурсов между государственными структурами и структурами гражданского общества

а) развитие и частной, и государственной форм собственности

б)	партийно-государственный аппарат берет на себя ответственность за производство товаров и услуг, определение цен, размещает трудовые ресурсы и капиталовложения	б)
в)	главенство плановых органов	в)
г)	изоляция от мировой экономики	г)
д)	политическая власть как главный критерий покупательной способности	д)
е)	высокая степень корреляции между распределением политической власти и распределением благосостояния	е)

сохранение ответственности государственного аппарата за производство и распределение при неразвитом рынке товаров и услуг	б) рынок - главный фактор распределения ресурсов труда, капитала и ценообразования (при некоторой роли государства)
усиление роли потребителя и резкое ослабление роли плановых органов	в) главенство потребителя
преодоление изоляции от мировой экономики, но еще не интегрированность в нее	г) интеграция в мировую экономику
уровень доходов (в том числе нелегальных) и политическая власть - главные критерии благосостояния	д) уровень дохода и благосостояния - определяющий фактор покупательной способности
сохраняющаяся высокая корреляция между распределением политической власти и распределением благосостояния	е) умеренная корреляция между распределением политической власти и распределением благосостояния

Из приведенной схемы видно, что реальная государственная жизнь в Узбекистане уже сейчас содержит немало элементов, свойственных демократически организованной государственной власти. Это регулярные и в основном свободные выборы, выборность на самые высокие государственные должности, осуществляемая на альтернативной основе, политическая ответственность выборных должностных лиц перед электоратом, институционализация соревнования за государственные должности, совершенствование юрисдикции различных ведомств, установление четких процедур их деятельности, ограничительное толкование преступлений против государства.

Словом, есть все основания охарактеризовать государственную жизнь страны, как преддемократическую. И это несомненный успех всего лишь четырех лет реформ. Большого достигнуть было и невозможно при отсутствии укоренившейся частной собственности, сильного среднего класса, системы развитых производственных интересов и их конкуренции, реальных структур гражданского общества, при значительном консерватизме сознания управляющих и управляемых.

Из наиболее типичных черт авторитаризма в политическом режиме Узбекистана можно выделить следующие:

- наделение Президента широким кругом властных полномочий как главы государства и главы исполнительной власти;
- практическое отсутствие сильных контрольных полномочий парламента;
- сохранение государственного распределения материальных ресурсов;
- ужесточение борьбы с преступностью;
- цензуру и ограничение свободы печати;
- возможность ограничения деятельности политических организаций;
- запрещение массовых акций протеста и т.п. радикальных средств политической борьбы.

Как воспринимать, как оценивать узбекистанский авторитаризм с позиции социального прогресса?

Свое мнение я уже высказал. Разумеется, значительно больший интерес должно иметь для читателя суждение по этому поводу такого авторитетного политика, тонкого и компетентного наблюдателя как Президент ФРГ, Роман Герцог. Вот оно:

"В силу разного рода причин, исторического, цивилизационного, политического характера власть в Узбекистане осуществляется, главным образом, на основе авторитета, а не на основе законом определенных полномочий. Однако в этой связи я хотел бы сказать также и то, что мы пока еще не имеем достаточных понятий о культуре узбекского народа, не знаем как она проявляется в повседневной жизни, почему этот народ так горд ею. Познав это, мы, как мне кажется, получим инструмент развития взаимных симпатий. Лучше поймем эту страну и ее Президента."

Дополняя эту оценку, Р. Герцог говорит: "Узбекистан сделал принципиальный выбор в пользу демократии и плюрализма. Мы уверены, что путь

Узбекистана - это правильный путь. Мы с большой симпатией следим за пока еще осторожными шагами власти в этом направлении".
(Focus, 17-1995, Правда востока 18.11.1995).

Власть авторитета и авторитет власти.

Государственные решения в Узбекистане в соответствии с Конституцией этой страны принимаются Президентом как главой государства, Президентом как главой правительства и исполнительной власти в целом, Президентом совместно с парламентом, парламентом, правительством. Практически ни одно значительное решение на государственном уровне не принимается без ведома Президента.

Такое положение обеспечивает согласованность государственных решений, их последовательность. Однако, чего уж тут греха таить, сковывает инициативу отдельных лиц в высшем эшелоне государственного аппарата. Что тут сказать? Так или иначе этот вопрос затрагивается в различных частях этой книги. Здесь хотелось бы еще раз сослаться на Федерального Президента Романа Герцога, который согласившись с тем, что власть в Узбекистане осуществляется, в основном, на базе авторитета, а не четко очерченных полномочий, объяснил это как традициями культуры (в том числе и политической), так и сегодняшней политической обстановкой. (Впрочем, выше об этом уже сказано достаточно много).

Реализуются государственные решения, главным образом, местной государственной администрацией, возглавляемой хокимами.

К ведению последних Конституция Узбекистана относит очень многое: обеспечение законности, правопорядка и безопасности граждан, вопросы экономического, социального и культурного развития территорий, формирование и исполнение местного бюджета, установление местных налогов и сборов, формирование внебюджетных фондов, руководство местным коммунальным хозяйством, охрана окружающей среды и многое другое.

Знаю о работе хокимиятов не по наслышке, бывал на местах и берусь утверждать, что это, действительно, становой хребет государства. Коротко хотел бы рассказать об одном хокимияте - ургутском. Хотел бы рассказать о нем прежде всего потому, что был там не один, а с Д. Карлайлом.

Ургут - районный центр, находится в 40 км от Самарканда. Город, по узбекским понятиям, не большой и не маленький, население - около 40 тысяч человек. Как управляется он? Да, в общем, как и раньше. Бывший секретарь райкома партии, не ургутского, а другого, сейчас здесь хоким. Он формально никого не назначает, никого не снимает, но любое назначение или снятие с должности решается непосредственно им или с его согласия. Он решает все вопросы хозяйственной жизни на основе своего авторитета. И когда я спрашивал у людей: "Что будет если Вы не выполните распоряжения хокима?". Собеседники мои удивлялись: как это они не выполняют распоряжение хокима. Они даже не задумывались о такой возможности. Хокима зовут Ульмаз Мухаммад Мурад, ему 53 года. Молодой, подтянутый, он мне показался сначала злым и неразговорчивым, но

вдруг стал с охотой рассказывать анекдоты об Ургуте и ургутцах. Обстановкой он владеет великолепно, живет этим городом и районом, знает их совершенно досконально и такой же, как Президент Каримов, трудоголик. Труд от восхода до захода солнца - для него норма, образ жизни. Он в этом находит, видимо, большую радость.

Хоким сказал, что до прихода к власти Президента Каримова Ургут был самым беспокойным местом в Узбекистане. Здесь всегда была сильна оппозиция и власти в Самарканде, и власти в Ташкенте. Причем сопротивлялись ургутцы без всякого страха, даже в самые свирепые времена. В этой связи он рассказал анекдот: "Рональд Рейган каждый день начинал с того, что выяснял у своего помощника: как дела в Ургуте, спокойно ли там? И получив ответ, что в Ургуте все спокойно, говорил: "Ну, тогда давайте перейдем к вопросам мировой политики, о стабильности в мире можно не беспокоиться".

Все наши собеседники говорили, что несколько лет назад в Ургуте было очень тяжело жить. Был громадный колхоз, в котором нельзя было организовать работу в виду его перенаполненности трудовыми ресурсами. Животноводство было развито слабо. Полеводство - сезонное. Люди не знали, чем себя занять. Ургутцы обращались к каждому главе узбекского государства, но те не могли решить их вопросов. Наконец, обратились к Каримову и по его указанию колхоз был упразднен. Четыре года назад землю разделили между крестьянами, и ургутцы стали жить заметно лучше. Кстати говоря, одно село называли Исламабад, в честь Каримова. По-моему, это единственный случай, когда в его честь называли что-либо. Каримов, отвергающий славословие в свой адрес, в этом конкретном случае почему-то не возражал.

По предложению хокима Ургута мы были во многих домах, которые посещали по собственному выбору. Дома, в основном, двухэтажные, очень приличные дома, и люди живут там очень состоятельно. В каждом доме, где мы были, налицо признаки состоятельности. Не только продукты, но и мебель, одежда, наконец, радушие, которое обычно идет не только от полноты чувств, но и от полноты достатка.

После издания Указа от 21 января 1994 года местные бизнесмены начали демонстрировать великолепную инициативу, предприимчивость, компетентность в ведении коммерческих дел. Создаются частные предприятия, банки. В городе уже обосновались английская, итальянская, французская фирмы.

Налицо первые признаки новой, бесспорно лучшей, жизни.

"В какой мере здесь заслуга хокима?" - спрашивали мы. И во всех случаях получали ответ: "Без него, да и без сильной власти, ничего бы не было. Теперь же особенно порядок необходим, кто к нам иначе приедет".

Свидетель всему этому, повторяю, авторитетный и независимый американский профессор.

И. Каримов последовательно и неуклонно проводит линию на укрепление органов охраны правопорядка. Им удалось не допустить в Узбекистане

такого разгула преступности как в других странах СНГ, о чем я уже писал. По поручению Президента сейчас готовится законопроект, призванный создать правовую основу для деятельности этих органов. В законе будет установлено: кто имеет право в них работать, какими качествами он должен обладать, условия должностного роста и ответственности. Президент обеспокоен тем, чтобы не допустить проникновения в эти органы людей, нечистых наруку, взяточников, людей без совести и чести.

Речь, разумеется, идет не о том, чтобы власть в Узбекистане держалась, как говорится, на штыках. Однако применение вооруженной силы, и даже армии, внутри страны в тех крайних случаях, когда возникает реальная угроза стабильности в государстве, является, между прочим, нормой для демократических стран.

США в последнее десятилетие несколько раз вводили войска в города для подавления расовых беспорядков, причем жертвы иногда исчислялись десятками.

Великобритания уже 25 лет держит войска в Северной Ирландии, которые контролируют улицы, защищая граждан от террористов. В 1968 году Президент де Голль ввел французские войска, расквартированные в Германии, для подавления студенческих беспорядков в Париже. И это государства с наиболее развитой демократией.

Страны, более близкие к Узбекистану по уровню развития политических институтов, такие как Турция, Индия, Филиппины, постоянно используют армию для борьбы с сепаратистами и для сохранения национальной целостности.

Это не мешает им считаться демократическими, входить в различные международные организации и получать иностранную помощь.

Парламентаризм: первые шаги.

Вспоминается май 1989 года, начало работы Съезда народных депутатов бывшего Советского Союза. Дух свободы царствовал тогда во Дворце Съездов. Острая, нелюбимая критика, оглушительные разоблачения всех и вся. Острые дискуссии, энергичная полемика, полная свобода выражения мыслей - все это вместо казенщины и ужасной скуки сессий прежнего коммунистического Верховного Совета. Казалось, вот она демократия, вот ее центр. Именно отсюда, думалось, пойдут волны демократизации по всей стране. Такая же, в основном, реакция была в 1990 году на начало работы парламента Узбекистана. А что же теперь с парламентом?

Иллюзии относительно того, что парламент - главное вместилище демократии имеют долгую историю. Биография парламентаризма - это и правление демагогов-писистратидов в Афинах, вырождение сената в Риме и печальной памяти национальный Конвент Великой французской революции. Я не говорю уже о более новых и совсем свежих примерах из жизни посткоммунистических России или Кыргызстана. Все это наглядно показывает, что представительные учреждения способны трансформироваться

в нечто совсем не демократическое. Стоит им только отойти от своей главной функции - законотворческой и бюджетной и стать политическим коллективным монополистом национальной идеи. Во всяком случае практика показала, что идеализация парламента, как основы демократии, не менее опасна, чем культ отдельной личности.

Быть противником идеализации парламента, выступать против его фетишизации, вовсе не означает отрицания того, что парламент - бесспорно демократическое учреждение, что у него большие потенциальные возможности, которые могут быть реализованы при одном неременном условии: парламент не должен выходить за рамки, отведенные ему Конституцией.

Что касается споров о парламентской или президентской республике, о различном статусе и функциях парламента, то они представляются попросту бессмысленными в отрыве от конкретного социального контекста.

Прежде всего следует, по-видимому, разобраться в том, о чем идет речь.

Различаются два основных вида представительных органов государственной власти: парламент и конгресс. Названия вообще-то условные, но за ними, за каждым из этих названий, вековой опыт двух крупнейших демократических государств мира - Великобритании и США.

В британской системе исполнительная власть - правительство, премьер-министр, и законодательная власть - парламент - связаны между собой и контролируются одной и той же партией. Парламент, по существу, выступает ареной, на которой обнародуются и отрабатываются различные политические варианты в ходе дискуссии. Он представляет собой форум, на котором правительство демонстрирует свою власть. Или иначе. Власть осуществляется не парламентом, а через парламент. Но это - при наличии организованной политической оппозиции в парламенте в лице проигравшей на выборах партии.

Совсем иной представляется роль политических партий в США. Хотя каждый член Конгресса принадлежит к одной из двух основных партий, эти партии отнюдь не обладают той степенью монолитности, которая характерна для британских парламентских партий.

Конгресс США в системе разделения властей противостоит сильной исполнительной власти, возглавляемой Президентом и, в основном, сориентирован на выработку и принятие законов.

Конечно же, в любом своем виде законодательная власть, контролируя и легитимизируя правительство, не может доминировать над ним. Это постулат демократии.

Если говорить об Олий Мажлисе во взаимосвязи с названными системами законодательной власти, то он, безусловно, ближе к конгрессу, что, в принципе, вытекает из закономерностей общественной жизни. А поскольку это так, то и президентская республика для Узбекистана - не плод умозрительных выводов, а такая же общественная необходимость.

Олий Мажлис был избран в три тура - 25 декабря 1994 года, 8 и 22 января 1995 года, что бесспорно свидетельствует в пользу свободных, не

контролируемых выборов. На 250 депутатских мест претендовали 634 кандидата от блока местного самоуправления и от двух политических партий: Народно-демократической (НДПУ) и "Ватан таракиети" (условно представляющие социал-демократическое и либерально-демократическое направления). Очевидную победу одержал блок местного самоуправления - 167 депутатских мест. У Народно-демократической партии Узбекистана - 69 мест, у "Ватан таракиети" - 14.

87 депутатов - главы областных и районных государственных администраций, 59 возглавляют государственные и полугосударственные хозяйственные предприятия и организации, 104 депутата - деятели культуры, работники науки и образования, а также частные предприниматели.

Результаты выборов в Олий Мажлис вызвали на Западе достаточно резкие критические отклики. Обвинительный пафос в том, что нарушено "святая святых" демократии - разделение властей, что парламент оказался в руках представителей государственного истеблишмента - политического и хозяйственного.

Что по этому поводу можно сказать?

Идеей разделения властей на Западе восторгаются уже более 200 лет как панацеей от любых антидемократических эксцессов. Судя по всему, эти восторги несколько преувеличены. Но если даже признать разделение властей абсолютной ценностью цивилизации, необходимо определиться в некоторых конкретных и важных для понимания этого принципа вопросах.

Во-первых, особое значение, каноническое для всех государств и времен, имеет независимость судебной власти от других властей, более того - ее известный демократический приоритет над другими властями в ракурсе отношений "человек - общество", "гражданин - государство". С законодательной и исполнительной властями как проявлением дифференциации государственной власти, как проявлением политического плюрализма не так уж все очевидно. Центр тяжести этой дифференциации и плюрализма в некоторых государствах в силу разного рода объективных причин бывает сдвинут в сторону. Например, в Англии, как уже говорилось, полюсами в большей мере являются правящая и оппозиционная партии, а в Узбекистане - центральная государственная власть и местное самоуправление.

Во-вторых, суть разделения властей не в том, что одни и те же люди не могут входить в состав законодательной и исполнительной власти. В одних странах такой запрет есть, в других его нет. Скажем, в ФРГ члены федерального правительства часто являются одновременно с этим депутатами Бундестага. Однако я никогда не встречал констатаций о нарушении в ФРГ принципа разделения властей.

Суть этой идеи в другом. Каждой из функций государства: законодательной (легислативной), исполнительной (эксеккутивной) и судебной (юдикативной) соответствует свой вид власти. Ни один из видов власти не может в демократическом государстве выполнять функцию другого.

контролируемых выборов. На 250 депутатских мест претендовали 634 кандидата от блока местного самоуправления и от двух политических партий: Народно-демократической (НДПУ) и "Ватан таракиети" (условно представляющие социал-демократическое и либерально-демократическое направления). Очевидную победу одержал блок местного самоуправления - 167 депутатских мест. У Народно-демократической партии Узбекистана - 69 мест, у "Ватан таракиети" - 14.

87 депутатов - главы областных и районных государственных администраций, 59 возглавляют государственные и полугосударственные хозяйственные предприятия и организации, 104 депутата - деятели культуры, работники науки и образования, а также частные предприниматели.

Результаты выборов в Олий Мажлис вызвали на Западе достаточно резкие критические отклики. Обвинительный пафос в том, что нарушено "святая святых" демократии - разделение властей, что парламент оказался в руках представителей государственного истеблишмента - политического и хозяйственного.

Что по этому поводу можно сказать?

Идеей разделения властей на Западе восторгаются уже более 200 лет как панацеей от любых антидемократических эксцессов. Судя по всему, эти восторги несколько преувеличены. Но если даже признать разделение властей абсолютной ценностью цивилизации, необходимо определиться в некоторых конкретных и важных для понимания этого принципа вопросах.

Во-первых, особое значение, каноническое для всех государств и времен, имеет независимость судебной власти от других властей, более того - ее известный демократический приоритет над другими властями в ракурсе отношений "человек - общество", "гражданин - государство". С законодательной и исполнительной властями как проявлением дифференциации государственной власти, как проявлением политического плюрализма не так уж все очевидно. Центр тяжести этой дифференциации и плюрализма в некоторых государствах в силу разного рода объективных причин бывает сдвинут в сторону. Например, в Англии, как уже говорилось, полюсами в большей мере являются правящая и оппозиционная партии, а в Узбекистане - центральная государственная власть и местное самоуправление.

Во-вторых, суть разделения властей не в том, что одни и те же люди не могут входить в состав законодательной и исполнительной власти. В одних странах такой запрет есть, в других его нет. Скажем, в ФРГ члены федерального правительства часто являются одновременно с этим депутатами Бундестага. Однако я никогда не встречал констатаций о нарушении в ФРГ принципа разделения властей.

Суть этой идеи в другом. Каждой из функций государства: законодательной (легислативной), исполнительной (эззекутивной) и судебной (юдикативной) соответствует свой вид власти. Ни один из видов власти не может в демократическом государстве выполнять функцию другого.

И еще о разделении властей. Практика свидетельствует, что ни в одном из постсоветских и в большинстве восточноевропейских посткоммунистических государств пока не удалось утвердить политическую систему, основанную на полном равенстве исполнительной и законодательной властей. Механизм "сдержек и противовесов" оборачивается соперничеством и агрессивным двоевластием, способным перерасти в "холодную" (Казахстан, Кыргызстан, Украина) или "горячую" (Россия) войну.

Оказалось, что для этого, чтобы удержать стабильность и обеспечить нормальное функционирование государства в переходном периоде, нужен механизм, при котором такое опасное соперничество не возникало в силу преимуществ в полномочиях исполнительной власти во главе с президентом. При этом, естественно, существует вполне реальная опасность неограниченной власти Президента-диктатора.

Однако опыт ряда государств (например, Мексики или Турции 30-50 годов) и опыт того же Узбекистана подтверждают принципиальную возможность удержания некоторой средней линии. В Узбекистане, в рамках этой средней линии, элементы авторитарного порядка, выражающиеся в преобладании Президентской вертикали, сосуществуют с достаточно реальными элементами властных функций Олий Мажлиса. И действует конституционный принцип разделения властей, к полному осуществлению которого общество подойдет, надо надеяться, в процессе укрепления государственности и развития политической культуры.

Вернемся к выборам в Узбекистане. Участие в парламентских выборах наряду с политическими партиями в качестве самостоятельной силы местного самоуправления - это проявление исторических культурных традиций узбекского общества. Кстати, к слову говоря, учет национальных демократических традиций при формировании и деятельности национальных ассамблей в Кении или Ботсване на Западе вызывает самую положительную реакцию. А ведь в этих странах отступлений от стандартов западного парламентаризма куда больше.

Если даже признать, что депутаты Олий Мажлиса от представительных органов и образуют некое единство, то ведь оно сложилось не помимо, а в ходе электорального процесса, оно отражает поэтому политическую волю народа и его составляют люди, объединенные не только и даже не столько корпоративными интересами, а интересами общенародными.

А разве, строго говоря, таких блоков, сформированных правда на другой процедурной основе, нет в Конгрессе США или в английском парламенте?

Говорят и пишут о том, что оппозиционные партии "Бирлик" и "Эрк" были отстранены от выборов, а участвовавшие в них "Ватан тараккиети" и НДПУ контролируются Президентом.

Об оппозиционных партиях разговор особый. Что же касается партийной организации политической жизни в Узбекистане вообще, то по этому поводу можно сказать следующее.

В условиях потребительского общества политические партии не могут нормально выражать какие-либо социальные интересы, за ними нет каких-

либо реальных влиятельных социальных сил. И не может быть, поскольку в обществе нет развитой системы производительных интересов. Откуда же возьмется авторитет и самостоятельность у политических партий?

Аналогичным образом обстоит дело и в России, и во всех других странах СНГ. Не так давно были опубликованы данные опроса общественного мнения, проведенные Международным институтом маркетинговых и социальных исследований. Тема опроса: "Кому доверяют россияне?" Партии в каталоге доверия стоят только на 12-ом месте и собрали всего лишь один процент голосов.

Крайне неубедительная роль партий в политическом процессе присуща не только переходному периоду. Недавно мне пришлось знакомиться с материалами, характеризующими положение дел с политическими партиями во Франции. В этих материалах говорилось о том, что более половины французов скорее не доверяют, чем доверяют политическим партиям. Большое количество людей не близко к какой-либо партии. Политический плюрализм Французской Республики все более включает в себя различные ассоциации предпринимателей, рабочих, фермеров, что представляется весьма интересным и поучительным и для Узбекистана.

За политическими партиями в новых независимых государствах на всем постсоветском пространстве, как уже многократно сказано и многократно доказано практикой, нет сколько-нибудь существенных социальных сил. Известный российский политический деятель Г. Явлинский, соглашаясь с такой констатацией, вместе с тем говорит: "Да, за политическими партиями России сегодня нет никого или почти никого. Все они практически представляют сами себя. Однако нельзя сбрасывать со счета то, что наш капитал - это политическое слово и политическое дело, которые разные у разных партий".

Полагаю, что и этот капитал, особое политическое слово и особое политическое дело, в значительной мере химеричен. Свидетельство этому - практика прибалтийских государств, более вестернизированных, чем страны СНГ. В частности, Литвы. С 1993 года находится у власти Президент А. Бразаускас и Демократическая партия труда, выросшая из компартии Литвы, руководителем которой ранее был Бразаускас.

В период правления Бразаускаса и бывших коммунистов продолжалось расслоение общества на богатых и бедных. Не так давно литовская печать опубликовала цифры легальных доходов вильнюсских банкиров. Речь идет о сотнях тысяч долларов в год. И в то же время большинство населения еле сводит концы с концами, а в благотворительных столовых не хватает мест, и очередь за талонами в эти столовые - на месяцы вперед. Вопрос в том: насколько объективен темп расслоения, продиктованный переходом страны к рыночной экономике? В этой связи можно считать полностью неправдавшимися опасения некоторых противников "бывших коммунистов" Литвы, что, мол, они с приходом к власти могут попытаться повернуть в сторону от рыночной экономики. Этого не только не произошло, но и наоборот, Демократическая партия труда показала себя приверженцем

рыночной экономики, а по оценкам некоторых политологов, она, на самом деле, является партией не левого, а правого толка. И ее политика мало чем отличается от политики правой оппозиции.

Все более утверждаюсь в мысли о том, что на данном этапе в Узбекистане и других новых независимых государствах на авансцену политической жизни должны выходить такие субъекты гражданского общества, как кооперативное движение, организации рабочих, предпринимателей и крестьян, национальных меньшинств.

У меня лично не вызывает сомнения очевидная прогрессивность того, что в Узбекистане пытаются, и небезуспешно, связать процесс повышения роли политических партий в деятельности Олий Мажлиса и вообще в общественной жизни страны (участие в выборах, создание партийных фракций в парламенте) с общественными потребностями, с состоянием политического сознания, с раскладом социальных сил. Думается, что Президент И. Каримов под влиянием западной критики даже допускает здесь несвойственное ему "опережающее отражение действительности".

Мне хотелось бы пригласить любого, кто имеет намерение составить правдивую картину о политической жизни в Узбекистане, сравнить выборы в Олий Мажлис с выборами в Верховный Совет республики 1990 года. Разве нет заметного прогресса именно с позиции демократизации выборов? И одновременно весьма поучительно было бы взглянуть на положение дел в других странах СНГ.

Скажем, посмотреть как прошли 5 и 19 февраля 1995 года выборы в двухпалатный Жогорку Кенеш (парламент Кыргызстана). Казалось бы, все демократические требования были в этой стране соблюдены - существовали оппозиционные политические партии, которые имели полную свободу выражения своих программ в предвыборной борьбе, достаточно свободно действовала пресса. Ну и что в результате? Имеются сотни и тысячи свидетельств подкупа избирателей и деньгами, и товарами - продовольственными и промышленными. Кыргызско-американская правозащитная организация зарегистрировала факты беззастенчивого манипулирования мнением и волей избирателей из числа наиболее нуждающихся групп населения (в бедственном же положении находится большая часть народа республики). В результате среди парламентариев немало представителей "деловой элиты", на которых заведены уголовные дела за разного рода преступные махинации, немало активных деятелей теневого бизнеса.

Вот возможность еще для одного сравнения - Казахстан. Выборы в Верховный Совет здесь состоялись в марте 1994 года. Прошли они, по свидетельству наблюдателей СБСЕ и ряда общественных организаций республики, с грубыми нарушениями Закона о выборах и демократических принципов, сложившихся в мировой практике при проведении избирательных кампаний.

Приводились, в частности, такие факты. В целях манипулирования головами избирателей крайне неравномерно формировались избирательные

округа. Центральная избирательная комиссия направила на места закрытое письмо, предписывающее считать голосами, поданными "за", все фамилии, не вычеркнутые в избирательных бюллетенях (вместо того, чтобы признать такие бюллетени недействительными). В результате в Абылайхановском округе, где к урнам пришли 58567 человек, за различных кандидатов оказалось подано ... 84384 голоса (?). Естественно, что такая методика подсчета не могла не повлиять и на общие результаты выборов. Были и совсем вопиющие случаи. Победителем по одному из избирательных округов в Алматы был назван заместитель главы районной администрации, хотя предварительные итоги по участкам свидетельствовали о том, что с большим отрывом лидирует независимый кандидат в депутаты.

После подведения итогов выборов Президент Н. Назарбаев категорически отверг претензии по поводу их незаконности и недемократичности. Вроможно, он был неверно информирован, а может быть повлияло то, что часть депутатов была избрана по, так называемому, "президентскому списку" и в целом парламент казался вполне лояльным Президенту. Однако на деле получилось совсем иное. Парламент вошел в противостояние с Президентом. И бомба взорвалась через год после выборов. Конституционный суд признал антиконституционными нормативные документы Центризбиркома и проведенные в соответствии с требованиями этих документов выборы. Парламент Казахстана был распущен.

И еще пример для сравнения - Украина, о которой в последнее время достаточно много пишут немецкие газеты. О том, что там написано, можно судить уже по названиям статей. Вот одно из них: "Трюки украинской номенклатуры".

Действующий ныне Закон о выборах в парламент Украины, принятый коммунистическим большинством прошлого парламента, исключительно затрудняет выражение в этом законодательном органе общественных интересов при посредстве политических партий. Так, для того, чтобы выдвинуть кандидата от трудового коллектива, необходимо простое большинство, независимо от численности коллектива (будь это даже парикмахерская с тремя работниками). Для номинации же партийных кандидатов условия неизмеримо более строгие: документированное представительство на предвыборном собрании от двух третей членов партии в избирательном округе. Это, а также возможность выдвинуть неограниченное количество, так называемых, независимых кандидатов в каждом избирательном округе при требовании участия не менее половины избирателей при повторных выборах (требование, отсутствующее в Англии, США, других демократических странах) привели к следующим результатам: 45 избирательных округов вообще не имеют своих представителей в парламенте, а из 405 его членов только 177 выдвинуты политическими партиями.

Вот теперь и судите: где, в какой стране более демократично избран парламент? Хулы или похвалы заслуживает узбекский вариант парламентаризма?

Мнение на этот счет Президента ФРГ Р. Герцога весьма определено: "В Узбекистане свободно избранный парламент. Выборы в него проходили под контролем независимых и авторитетных наблюдателей, в том числе и при немецком участии".

А вот, что пишет Д. Карлайл: "Выборы в Олий Мажлис, состоявшиеся в декабре 1994 года, были шагом в правильном направлении. Появление на парламентской сцене нескольких партий, хотя и очень ориентированных на режим, также шаг вперед. Весьма ободряет призыв Каримова к вновь избранному парламенту, чтобы он начал думать и действовать независимо и не всегда оглядываясь на Президента, ожидая его указаний. Если это всерьез отражает отношение Каримова, тогда это наиболее обнадеживающее свидетельство того, что есть возможность появления нормальной парламентской политики". (с.191).

Правовая реформа: законы и люди.

За время после провозглашения государственной независимости в Узбекистане принято около 200 законов, направленных на формирование и развитие демократического общества, рыночных отношений.

Президентом И. Каримовым на первой сессии Олий Мажлиса заявлена обширная программа дальнейшей законопроектной деятельности. В числе законов, которые должны быть приняты:

- 1) Гражданский кодекс;
- 2) Трудовой кодекс;
- 3) Земельный кодекс;
- 4) Налоговый кодекс;
- 5) Закон о малых и средних предприятиях, их государственной поддержке,
- 6) Закон о статусе государственных служащих;
- 7) Закон об образовании;
- 8) Закон о культуре;

И еще добрый десяток важнейших законов, регулирующих различные стороны общественной жизни.

Все это очень серьезно, даже по меркам самой развитой демократической страны.

Создание надлежащей правовой инфраструктуры рыночной экономики стало одной из важных задач политического курса Президента И. Каримова. По его мысли, такая инфраструктура даст толчок энтузиазму предпринимателей и придаст уверенность инвесторам, прежде всего и главным образом иностранным.

Хозяйственное законодательство, действительно, обладает немалыми экономическими функциями. Это и поддержание баланса между стремлением к личной выгоде и интересами всего общества, и обеспечение партнерского взаимодействия хозяйствующих субъектов, и многое другое. Экономические реформы не могут развиваться и быть успешными без соответствующих изменений в правовой сфере. Однако преобразование на

Мнение на этот счет Президента ФРГ Р. Герцога весьма определено: "В Узбекистане свободно избран парламент. Выборы в него проходили под контролем независимых и авторитетных наблюдателей, в том числе и при немецком участии".

А вот, что пишет Д. Карлайл: "Выборы в Олий Мажлис, состоявшиеся в декабре 1994 года, были шагом в правильном направлении. Появление на парламентской сцене нескольких партий, хотя и очень ориентированных на режим, также шаг вперед. Весьма ободряет призыв Каримова к вновь избранному парламенту, чтобы он начал думать и действовать независимо и не всегда оглядываясь на Президента, ожидая его указаний. Если это всерьез отражает отношение Каримова, тогда это наиболее обнадеживающее свидетельство того, что есть возможность появления нормальной парламентской политики". (с.191).

Правовая реформа: законы и люди.

За время после провозглашения государственной независимости в Узбекистане принято около 200 законов, направленных на формирование и развитие демократического общества, рыночных отношений.

Президентом И. Каримовым на первой сессии Олий Мажлиса заявлена обширная программа дальнейшей законопроектной деятельности. В числе законов, которые должны быть приняты:

- 1) Гражданский кодекс;
- 2) Трудовой кодекс;
- 3) Земельный кодекс;
- 4) Налоговый кодекс;
- 5) Закон о малых и средних предприятиях, их государственной поддержке,
- 6) Закон о статусе государственных служащих;
- 7) Закон об образовании;
- 8) Закон о культуре;

И еще добрый десяток важнейших законов, регулирующих различные стороны общественной жизни.

Все это очень серьезно, даже по меркам самой развитой демократической страны.

Создание надлежащей правовой инфраструктуры рыночной экономики стало одной из важных задач политического курса Президента И. Каримова. По его мысли, такая инфраструктура даст толчок энтузиазму предпринимателей и придаст уверенность инвесторам, прежде всего и главным образом иностранным.

Хозяйственное законодательство, действительно, обладает немалыми экономическими функциями. Это и поддержание баланса между стремлением к личной выгоде и интересами всего общества, и обеспечение партнерского взаимодействия хозяйствующих субъектов, и многое другое. Экономические реформы не могут развиваться и быть успешными без соответствующих изменений в правовой сфере. Однако преобразование на

основе юридических законов экономической системы в силу различных причин не готовой к этим преобразованиям, естественно, не возможно.

Другое дело, что экономическая политика должна разрабатываться согласованно или совместно экономистами и юристами. В ФРГ, например, юристы составляют значительную часть служащих федерального министерства экономики. В Узбекистане пока экономические проекты создаются практически без участия юристов. И, разумеется, до преобразования этих проектов в законы, а затем и в процессе преобразования испытывают очень незначительное влияние со стороны права (таково, например, законодательство об иностранных инвестициях).

Важнейшей стороной правовой реформы в Узбекистане должно быть обеспечение синхронности законодательных реформ с созданием надлежащих правоприменительных институтов: достаточно многочисленного корпуса юристов хозяйственно-правовой специализации, юридических аудиторских фирм, высококвалифицированных хозяйственных судов и третейских арбитражей и т.д. Не секрет, что многие из узбекских законов "первого поколения", принятых после провозглашения государственной независимости, именно по этой причине (из-за отсутствия надлежащих правоприменительных институтов) или не работают или работают слабо. Между тем очевидно, что законодательство, которое не исполняется, не только бесполезно, но и вредно, поскольку подрывает доверие к праву, сдерживает развитие правовой культуры.

Страны Восточной Европы уже столкнулись с этой проблемой и очень крепко. В Венгрии, Польше, Чехии имеется практически все законодательство, необходимое для перехода к рыночной экономике. Однако реформа правоприменительных институтов значительно отстает от реформ законодательства, что отрицательно сказывается на его эффективности. Даже в Восточной Германии, где в один прием было введено в действие западногерманское законодательство, сложности в применении законодательства остаются основным препятствием на пути возрождения экономики.

Понять смысл и перспективы правовых реформ в Узбекистане, логику этих реформ нельзя вне связи с такой категорией как "национальная правовая система". Национальная правовая система впитывает в себя особенности экономического, политического, исторического и национального развития страны, существующие в ней общественно-политические традиции, специфику культурной и нравственной жизни общества, национального быта, правовых традиций и мышления. Словом, все цивилизационные особенности. Это во многом определяет фактическую роль и ценность данной правовой системы, ее положение в общей структуре общественного регулирования.

Еще раз хотелось бы подчеркнуть, что правовая система страны не может быть представлена как простая сумма действующих в данное время законов, других юридических документов. Это именно система со своей сложной инфраструктурой, решающее место в которой занимают суды: общие, хозяйственные, конституционный.

В Узбекистане многие ученые-правоведы и юристы-практики, с которыми мне довелось побеседовать, считают, что мусульманское право, сложившееся еще в эпоху средневековья, принадлежит прошлому их страны и, во всяком случае, не имеет будущего. Такая категоричность не кажется мне достаточно обоснованной. Социальное явление, именуемое мусульманским правом, представляет собой синтез юридических, собственно религиозных, морально-философских элементов. И в этом своем качестве в Узбекистане, как мусульманской стране, оно является мощной идеологической силой.

Можно принять законы, которые воспроизведут самые модные западные концепции, можно в большей или меньшей мере отбросить правовые нормы, соответствующие ортодоксальному исламу, отказаться от основных понятий мусульманского права. И все же оно будет жить. Надо реформировать все общество в целом, а не только законы, надо полностью отказаться от мусульманской цивилизации в целом, чтобы ликвидировать мусульманские юридические традиции.

Даже Турция, которая, как уже отмечалось выше, многие годы упорно старается стать светским государством, сегодня уже не пытается отбросить всё, связанное с мусульманским правом.

Поэтому не могу согласиться с теми, кто считает, что "вестернизация" современного узбекского общества делает невозможным какое-то возрождение судов казиев (скажем, для решения в порядке третейского судопроизводства имущественных споров между гражданами). Узбекская культура еще долго будет расколотой культурой в том смысле, что в столице, условно говоря, в элитарной среде, и в глубинке, в маленьких городах и кишлаках, в обозримой перспективе будут укоренены не только единые национальные установки и ценности, но и различные, даже резко различные.

И снова о махалля.

Из всех институтов демократии в любом государстве мира самую древнюю историю и самую богатую и славную историю имеет самоорганизация людей на первичном уровне их бытия - местное самоуправление. Социально-экономическая и политическая значимость местного самоуправления, его высокая демократическая ценность утвердились в общественном сознании и общественной практике повсюду.

Местные сообщества являются тем единственным объединением, которое в полной мере отвечает самой природе человека, ибо повсюду, где бы не собирались вместе люди - местные сообщества, общины возникают сами собой. Монархия или республика создается человеком, а местное сообщество, кажется, прямо выходит из рук божьих.

Возьмем Узбекистан, его местные сообщества, его поселения и города. Тысячелетия стоят они на земле: Самарканд и Коканд, Бухара и Хорезм. За время их существования сменяли друг друга эпохи и государства, десятки раз менялась административно-территориальное деление, а города эти, как поселения людей, как местные сообщества, неизменны, неподвласт-

ны времени, неподвластны и самым сильным, самым жестоким правителям.

В одном из трудов, посвященным истории местного самоуправления, я прочитал такие слова: "Именно в местном сообществе заключена сила свободных народов. Местные сообщества играют для установления демократии ту же роль, что и начальные школы для науки. Они открывают народу путь к свободе и учат его пользоваться этой свободой. Без местного самоуправления нация может избрать парламент, сформировать свободное правительство, однако истинного духа свобод она так и не приобретет."

Приверженность к местному самоуправлению, к самоорганизации жизни в махалля были сформированы у узбеков всей их многовековой историей. Любой член махалля привязан к ней не только потому, что здесь родился. Он видит в местном сообществе свободную, сильную корпорацию, частью которой он является, которая не оставит его наедине со своими бедами, которая заслуживает того, чтобы приложить усилия для управления ею, чтобы отдать ей, когда это потребуется, свой труд и свои средства.

Дело, конечно, вкуса, но я давно с большой симпатией и уважением отношусь к поэту Е. Евтушенко. В январе 1990 года нежданно-негаданно мы оказались в одной гостинице в Тбилиси. Меня представили ему общие знакомые. В разговоре он спросил: Какие из его последних стихов мне понравились? "Плач по коммунальной квартире", - ответил я, - идея человеческого братства, которой они посвящены". "Правда, - сказал я откровенно, - в поэтическом плане мне понравилось и я запомнил всего лишь несколько строк". Он рассмеялся и сказал: "Вы очень добры. Мне в этих стихах понравилась всего одна строчка". Потом добавил: "В Грузии я отдыхаю душой. Здесь всегда за столом места всем хватает. Как бы бедно не жили люди. В России мы утрачиваем такую душевность".

Я хотел бы выразить свое глубокое уважение узбекскому народу, сохранившему по сей день в своих махалля, говоря словами поэта, чувство "золотого соседства", "незримые общие счетчики слез и радостей", где по-прежнему "о чужом несчастье телеграмма прожигает всем соседям руки" и где от века место за столом находилось каждому человеку.

Не менее важно и общегосударственное значение местных сообществ. Именно местные сообщества - это та сеть общественных структур, которая наиболее естественным образом соединяет человека с государством, которая способна верно выразить общественные интересы и общественную волю. Это то социальное пространство, где политические акции могут быть реально поддержаны или также реально отвергнуты. В странах с развитой демократией, и мне пришлось быть свидетелем этому, нередко случается так, что те, кто стоит у руля государственной власти на всех ее уровнях, сожалеют о тех или иных слабостях в деятельности местных сообществ, связывая с этими слабостями различные недостатки общественного порядка, гражданственности, патриотизма.

В рамках местного сообщества могут быть выражены достаточно полно специфические национальные интересы представителей разных этносов,

живущих в Узбекистане, и вместе с тем сохраняться и развиваться специфические национальные традиции и обычаи.

Государственная власть, ее центральные и местные органы, должны, как это принято в большинстве стран мира, контролировать лишь законность действий территориальных коллективов, но не целесообразность их решений. С того момента как местное самоуправление приняло законное решение, государственная администрация не должна мешать исполнять это решение, какова бы ни была его обоснованность и разумность с точки зрения интересов государства.

По-видимому, следует наделить суды в Узбекистане, скажем, областные и Верховный, компетенцией по рассмотрению споров, которые могут возникать между государством и местным самоуправлением.

Многие боятся, что усиление власти местного самоуправления, если это будет проведено в достаточно широких рамках, поставит под угрозу и государственную дисциплину, и стабильность в государстве. Опыт многих стран на различных континентах, имеющих различные цивилизационные особенности, показывает, что, напротив, сильный регионализм, особенно на уровне территориальных коллективов, во взаимодействии с сильной центральной властью - идеальный вариант организации общественной жизни в переходный период.

Многообещающие перспективы таит в себе сотрудничество территориальных коллективов в совместном решении таких вопросов как строительство школ, больниц, дорог, других бытовых объектов, а также предприятий.

Убежден, что какой бы ни была власть в Узбекистане, она не может не считаться с этим особым национальным демократическим укладом. И все же энергичные шаги Президента И. Каримова по укреплению общественного статуса махалля не могут не вызывать уважительного отношения и одобрения в самых широких кругах узбекской общественности, в самых разных социальных слоях.

"Если махалля будет занимать подобающее место в нашем обществе, если в махалля будет мир и спокойствие - у нас на все хватит сил". Вот девиз Президента, который он реализует и в своих повседневных практических шагах, и в своих программных Указах. Эти Указы (от 12 сентября 1992 года, от 23 августа 1994 года) предоставили махалля исключительные возможности и полномочия по осуществлению таких гуманистических идей, как оказание социальной помощи нуждающимся, социальное равенство, обеспечение условий жизни, не унижающих человеческое достоинство.

Легитимность власти: сегодня и завтра.

Итак, есть все основания для вывода о том, что Узбекистан идет по пути демократизации государственной жизни. Медленно, с остановками, но именно в этом направлении. Но какова же легитимность этой власти? Поддерживается ли она народом, верит ли он в эту власть? Признают ли граждане эту власть как законную, решения которой должны выполняться всеми?

Вообще легитимность режима в определяющей степени зависит от его экономической эффективности. (И в принципе вряд ли оправдано говорить о легитимности политической системы, взятой изолированно от системы социально-экономической). Примеров тому в истории великое множество.

Падение демократии в Чили в 1973 году объясняется в значительной степени экономическим кризисом в сочетании с высоким уровнем инфляции, составившим 756% в год. В последние годы существования Веймарской Республики в Германии кривая роста безработицы и роста числа сторонников крайне правых партий находилась в прямой взаимосвязи.

И напротив, экономический успех предоставляет политическому режиму возможность безусловной легитимации. Правители Тайваня, Южной Кореи, Сингапура, благодаря своим экономическим достижениям настолько повысили уровень легитимности, что получили возможность провести относительно свободные выборы. Но наиболее замечательные примеры являют собой Германия и Япония, где демократия была дарована оккупационными властями и утверждалась в атмосфере скептицизма и сомнений. "Экономическое чудо" вознесло эти режимы из состояния полного отсутствия легитимности и национального унижения до уровня самых передовых в ряду легитимных плюралистических демократий.

Стратегия и тактика Президента Каримова, обеспечившие стабильность в стране, гражданский мир и межнациональное согласие, экономические успехи, очевидные перспективы лучшей жизни для каждого гражданина республики, безусловно определили легитимность Президента, причем в очень высокой степени.

Президент И. Каримов напрямую связывает успех реформ с тем, что в стране есть социальные слои, заинтересованные в этих реформах и поэтому поддерживающие Президента и его политику.

Судя по всему, в республике сейчас сложились четыре основные группы общественных интересов. Во-первых, государственная бюрократия, старая и новая, во-вторых, старые экономические элиты, в первую очередь, директора промышленных и сельскохозяйственных предприятий, председатели колхозов (с новыми или старыми названиями этих хозяйственных структур распределительной экономики), в-третьих, новая экономическая элита, прежде всего, предприниматели, и, наконец, в-четвертых, это городские рабочие, крестьяне (не предприниматели), интеллигенция, другие массовые слои населения.

Каждый из этих социальных слоев в большинстве своем, действительно, на стороне Президента, его курса, за проводимые реформы (разве что за исключением интеллигенции, о которой выше уже шла речь).

Я сказал "в большинстве своем на стороне Президента" не случайно. Есть, насколько мне известно, в каждой из названных групп и недовольные им. Их меньшинство, но они есть. И было бы по меньшей мере странно, если бы их не было. Никогда и ни в одной из стран, демократических или демократизирующихся, глава государства не имел стопроцентного, едино-

душного признания. Такое единодушие является унижительной и смешной привилегией тоталитарных режимов.

Если с легитимностью Президента сегодня в Узбекистане никаких проблем нет, то о легитимности государственной власти в целом этого, к сожалению, я бы не сказал. По моим наблюдениям, государственный аппарат, прежде всего и главным образом административный аппарат, необходимым доверием и уважением не пользуется.

Президент откровенно сокрушается по поводу сильного дефицита компетентных управленцев, говорит о том, что нередко не может даже принять решения о создании тех или иных государственных структур, так как невозможно найти людей, которые смогли бы руководить этими структурами со знанием дела.

Однако я думаю, что некомпетентность здесь не главная беда. В государственном аппарате столицы и на местах немало отъявленных бюрократов, приносящих громадный вред престижу новой власти, которую они олицетворяют и для своих граждан, и для иностранцев. Думаю, что немало чиновников, которые еще более меркантильны и неуважительны по отношению к людям, чем их коммунистические предшественники. По своему опыту скажу, что общаться с ними потруднее.

В среде чиновников достаточно высокого ранга немало тех, кто уязвлен в каких-то своих персональных интересах и ожиданиях, есть и те, кого авторитет Президента даже раздражает. Мне кажется, что и некоторые политические "проколы" продиктованы скорее не отсутствием компетентности, а своеобразным своекорыстием.

Я позволю себе рассказать об одном случае, который кажется достаточно поучительным. В свое время мне пришлось встретиться с ветераном войны, воевавшим, в частности, и под Новороссийском. В то время он был политработником и постоянно общался с Л. Брежневым, как своим непосредственным начальником. В конце семидесятых годов этого человека по вздорному обвинению исключили из партии и сняли с работы в одном из провинциальных русских городков, где он тогда жил. Не решив ничего на месте, он, проявив недюжинные усилия, добился приема у Брежнева.

Брежнев принял его с большой теплотой, выразил ему свои дружеские чувства и тут же поручил срочно разобраться с жалобой и сделать все необходимое для восстановления справедливости. Однако последовали очередные отписки и в его деле ничего не изменилось. Он по-прежнему был без работы, унижен и оскорблен. С большим трудом этому человеку удалось встретиться со вторым секретарем горкома партии по месту своего жительства, который без обиняков сказал ему: "Вы наивный человек. Еще раз к Брежневу Вы не попадете, а если бы это неким фантастическим образом и случилось, Брежнев разгневется не на своих аппаратчиков, а на Вас, посчитает Вас сутягой, который ставит его в неловкое положение. Те, кто с Вами общается, эту технологию знают очень хорошо. Поэтому советую Вам смириться".

Сам видел соответствующие документы, поэтому достоверность этой истории у меня не вызывает сомнения. Вспомнил я ее, когда после одной из

встреч с Президентом Каримовым, пытался во время очередного посещения Узбекистана и позже, уже находясь во Франкфурте, собрать необходимые для этой книги материалы. С кем бы ни встречался, к кому бы ни обращался, я встречал скрытое или открытое нежелание сотрудничать со мной, некоторые чиновники вообще отказывались вступать в контакт, разговаривать по телефону и т.п. Словом, действовала, в принципе, та же многократно отработанная технология.

Пишу об этом не для того, чтобы излить свою обиду, цель моя в другом. Во-первых, если Президент прочитает эти строки, возможно он воспримет эту информацию, она послужит ему на пользу. Не такой он человек, для которого, говоря словами великого поэта, "возвышающий обман дороже тьмы низких истин". И, во-вторых, хотелось бы сказать западному читателю, что Президент Узбекистана и понятия не имеет о многих из тех безобразий, которые западная пресса так или иначе связывает с его именем.

И как прав был один из мыслителей прошлого столетия, который сказал: "Если бы даже существовали такие порядки и принципы, чтобы безошибочно устроить общество, то с неготовой, с невыделанной к этому администрацией никакие правила не удержатся и не осуществляются".

Вспоминаю беседу Президента Кыргызстана А. Акаева с Дэвидом Рокфеллером, на которой мне довелось присутствовать в качестве советника Президента. Это было 21 октября 1991 года во время первого визита Акаева в США в офисе Рокфеллера в Нью-Йорке. Он спросил Акаева: "Какие реформы предполагаются в Кыргызстане?" Выслушав исполненный оптимизмом рассказ Акаева о переходе республики к рыночной экономике, Рокфеллер, подумав немного, сказал: "Мистер Президент, с тем аппаратом, который остался у Вас от прежней коммунистической власти, Вам не следует рассчитывать на быстрый успех реформ". Потом корректно добавил: "Впрочем, я не открыл Вам здесь нового. Вы, наверное, думаете также". Насколько я помню, Акаев тогда уклонился от ответа.

В последнее время по инициативе Президента на руководящую работу выдвинут ряд молодых и, вместе с тем, профессионально хорошо подготовленных специалистов. С некоторыми из них, в частности, с интеллигентным директором института стратегических и региональных исследований при Президенте, доктором юридических наук, депутатом Олий Мажлиса Мир-Акбаром Рахманкуловым мне удалось встретиться. Это, действительно, новая когорта политиков, "замешанных" как на своей отечественной, так и на западной культуре, приверженных по своей политической природе идеям и принципам демократии. Хотелось бы надеяться, что эта новая свежая кровь окажется совместимой с той, что течет в организме государственной власти сейчас, что она не будет отторгнута этим организмом. И тогда процесс обновления аппарата примет необратимый характер.

По мнению Д. Карлайла, "в окружении Каримова есть либеральные личности, фигуры западной ориентации. Они испытывают беспокойство по поводу того, что предвещает день завтрашний.

встреч с Президентом Каримовым, пытался во время очередного посещения Узбекистана и позже, уже находясь во Франкфурте, собрать необходимые для этой книги материалы. С кем бы ни встречался, к кому бы ни обращался, я встречал скрытое или открытое нежелание сотрудничать со мной, некоторые чиновники вообще отказывались вступать в контакт, разговаривать по телефону и т.п. Словом, действовала, в принципе, та же многократно отработанная технология.

Пишу об этом не для того, чтобы излить свою обиду, цель моя в другом. Во-первых, если Президент прочитает эти строки, возможно он воспримет эту информацию, она послужит ему на пользу. Не такой он человек, для которого, говоря словами великого поэта, "возвышающий обман дороже тьмы низких истин". И, во-вторых, хотелось бы сказать западному читателю, что Президент Узбекистана и понятия не имеет о многих из тех безобразий, которые западная пресса так или иначе связывает с его именем.

И как прав был один из мыслителей прошлого столетия, который сказал: "Если бы даже существовали такие порядки и принципы, чтобы безошибочно устроить общество, то с неготовой, с невыделанной к этому администрацией никакие правила не удержатся и не осуществляются".

Вспоминаю беседу Президента Кыргызстана А. Акаева с Дэвидом Рокфеллером, на которой мне довелось присутствовать в качестве советника Президента. Это было 21 октября 1991 года во время первого визита Акаева в США в офисе Рокфеллера в Нью-Йорке. Он спросил Акаева: "Какие реформы предполагаются в Кыргызстане?" Выслушав исполненный оптимизмом рассказ Акаева о переходе республики к рыночной экономике, Рокфеллер, подумав немного, сказал: "Мистер Президент, с тем аппаратом, который остался у Вас от прежней коммунистической власти, Вам не следует рассчитывать на быстрый успех реформ". Потом корректно добавил: "Впрочем, я не открыл Вам здесь нового. Вы, наверное, думаете такое". Насколько я помню, Акаев тогда уклонился от ответа.

В последнее время по инициативе Президента на руководящую работу выдвинут ряд молодых и, вместе с тем, профессионально хорошо подготовленных специалистов. С некоторыми из них, в частности, с интеллигентным директором института стратегических и региональных исследований при Президенте, доктором юридических наук, депутатом Олий Мажлиса Мир-Акбаром Рахманкуловым мне удалось встретиться. Это, действительно, новая когорта политиков, "замешанных" как на своей отечественной, так и на западной культуре, приверженных по своей политической природе идеям и принципам демократии. Хотелось бы надеяться, что эта новая свежая кровь окажется совместимой с той, что течет в организме государственной власти сейчас, что она не будет отторгнута этим организмом. И тогда процесс обновления аппарата примет необратимый характер.

По мнению Д. Карлайла, "в окружении Каримова есть либеральные личности, фигуры западной ориентации. Они испытывают беспокойство по поводу того, что предвещает день завтрашний.

Новый университет в Ташкенте, открывшийся в январе 1993 года, должен готовить дипломатов, журналистов и менеджеров по западному образцу. Там внедряются международные стандарты обучения. Трудно поверить, что западные учебники и учителя, обмен преподавателями и студентами не внесут вклада в создание нового поколения лидеров, действительно приверженных демократии, а также экономическим моделям Запада". (с.191-192).

Д. Карлайл считает, что в ближайшем будущем укрепление государственной власти в Узбекистане связано с тем, будет ли поддерживать курс Президента И. Каримова молодежь, пойдет ли она за ним с "весельем и отвагой". Д. Карлайл полагает целесообразным разработку специальной общегосударственной программы молодежной политики в республике, нацеленной в первую очередь на сферу управления.

Очевидно, однако, что как бы ни старался Президент ускорить процесс "облагораживания" управленческого стиля в Узбекистане - займет это не мало времени. Здесь и сила традиций, и, что уж тут говорить, издержки посттоталитарного авторитаризма. Может быть, все-таки стоит использовать в этом деле прессу, другие средства массовой информации. Управляемая гласность и здоровая сатира, как свидетельствует не столь уж далекий опыт, совсем не помешали бы. И, естественно, суд, судебная власть. Не только как инструмент борьбы с коррупцией, но и с бюрократизмом. Возможность судебной защиты от произвола чиновников должна стать реальностью.

Что делать еще в этом направлении? Это, как говорят немцы, "хороший вопрос" (в смысле - трудный). "Разгадки точной я не знаю, но вообще, вероятно, это знак грозящих государству потрясений". К словам этим, сказанным много лет назад, в иной стране, но по аналогичному поводу, добавить нечего не могу. Дай то Бог, чтобы я ошибся.

Начавшиеся в Узбекистане изменения в отношениях собственности не могли не вызвать заметных подвижек в позициях элитных групп. В большей степени среди работников государственного аппарата, директоров промышленных предприятий, предпринимателей, в меньшей - среди руководителей колхозов и совхозов, фермеров в связи с затуханием аграрной и земельной реформ. Более того, усилилась поляризация между отдельными группами элит и внутри них.

Наметившееся ослабление роли государства в сфере непосредственного управления экономикой и либерализация хозяйственной деятельности поставили достаточно остро проблему замены интегрирующей политической силы, какой до сего времени остается государственный аппарат, и проблему поиска новых принципов сотрудничества элит.

Объективно новый этап реформ стал уже невыгоден для определенного круга чиновников как в центральных, так и в региональных структурах власти (с позиции их корпоративных интересов). И, наоборот, изменение содержания и характера реформ, объективно же отвечает интересам и нарождающегося слоя предпринимателей, быстро осваивающего освобож-

дающиеся или не занятые ранее экономические ниши, и директорского корпуса, стремящегося освободиться от опеки чиновников.

Вопрос, который можно вынести за скобки этих и других проблем политической жизни сегодняшнего Узбекистана, заключается прежде всего в следующем: способен ли Президент Каримов решить их, опираясь только на аппарат управления, на региональные власти, как это было в предыдущие годы?

Позволяет ли нынешнее состояние узбекского общества, уровень его развития и зрелости включить в осуществление политического курса Президента не только его администрацию, не только парламент и местное самоуправление, но и такие институты гражданского общества как кооперативное движение, независимые профсоюзы, молодежные организации? От ответа на этот вопрос зависит легитимность власти в Узбекистане завтра.

ГЛАВА ПЯТАЯ

РАСШИРЯЮЩЕЕСЯ ПРОСТРАНСТВО СВОБОДЫ

Audiatur et altera pars.

Начну с давно известной и всё же нередко забываемой истины.

Уровень общественного прогресса любой страны определяется суммой свобод, которые имеют его граждане. А темпы общественного прогресса - степенью использования этих свобод. Права и свободы человека, их защита - единственный реальный показатель цивилизованности существующего строя.

Сейчас на всем постсоветском пространстве права и свободы человека стали обязательным лозунгом, прокладывающим путь к власти, лозунгом, призванным обеспечить признание и помощь мирового сообщества. Спекуляции на эту тему и со стороны власти, и еще больше со стороны оппозиции в большинстве посткоммунистических стран уже набрали оскомину.

Вместе с тем во всех этих странах в общественном мнении не произошло разрыва с пренебрежением к правам человека, не определился перелом к осознанию их незыблемости, святости, неотъемлемости. В общественной жизни в этих странах нет не только приоритета прав человека, что записано в их Конституциях, но и, зачастую, элементарного уважения к ним. Составляет ли Узбекистан исключение?

Брифинг 25 августа 1995 года, посвященный четырехлетней годовщине независимости Узбекистана. Западный журналист поднял вопрос о правах человека в Узбекистане. Каримов ответил: "Вы крепко опоздали с этим вопросом. На полгода или на год. Такой проблемы уже нет. И это засвидетельствовано авторитетными американскими наблюдателями. К их мнению в этом вопросе мы относимся с достаточным уважением".

Думаю все же, что дело обстоит не совсем так. Проблемы здесь есть. И не одна. Хотя и успехи налицо. Точнее даже так: очевидна тенденция к расширению пространства свободы. И этот факт действительно признан миром. Значение подобной трансформации в оценках человеческого измерения общественной жизни Узбекистана можно понять, если вспомнить, что еще год назад эта страна была одной из самых критикуемых именно в этом плане.

Очень много резкой критики шло со стороны "Хельсинки Вотч".

Эта организация известна во всем мире своими докладами о нарушении прав человека в различных странах СНГ. Доклады по регионам в определенные периоды времени издаются отдельными книжками и рассылаются в

международные организации, способные оказать политическое, экономическое и даже военное влияние. Отсюда ясно, что это действительно важная, действительно влиятельная организация, которая проводит ответственную работу, требующую высокой точности, скрупулезности и непредвзятости.

Доклады "Хельсинки Вотч" - работы почти академические, но некоторые из них страдают существенными недостатками и в отношении достоверности приводимых фактов, и в отношении выводов. Так, например, очень серьезные возражения в Нагорном Карабахе вызвал доклад "Хельсинки Вотч", посвященный седьмой годовщине карабахской войны. Возражения были и по фактам, и в отношении того, что случаи нарушений, которые, конечно, имеют место, в полном объеме отождествляются с государственной политикой.

В 1993 году "Хельсинки Вотч" опубликовала доклад "Права человека в Узбекистане". В докладе факты и рекомендации. У меня нет оснований возражать против изложенных в докладе фактов. Может быть и не во всех случаях, но нарушения прав человека, судя по всему, действительно имели место. Однако, как и в докладе по Нагорному Карабаху, нет оснований относить всех их в ранг государственной политики. Уверен, что о многих из них Президент Узбекистана или не знал вообще, или узнал после случившегося.

За отдельные из этих нарушений, по-видимому, должны нести ответственность должностные лица государственной администрации.

Думаю, что можно было бы избежать отдельных фактов репрессий в отношении лиц, связанных с оппозицией, о которых пишет не только "Хельсинки Вотч", но и немецкая, и другая зарубежная печать. Лично я не сомневаюсь, что этими людьми действительно были нарушены законы и имелись основания для привлечения их к уголовной ответственности. Однако благородная сдержанность властей (разумеется, в законе предусмотренных формах) принесла бы значительно больше пользы для укрепления их авторитета и внутри страны и вне ее.

Если факты, приведенные в докладе "Хельсинки Вотч", заставляют задуматься и поразмышлять, то выводы доклада, к сожалению, свидетельствуют о его, мягко говоря, недостаточно глубоком понимании положения дел в стране. Приведу только два примера.

На стр. 18 доклада написано следующее: "Резкое наступление на альтернативные политические структуры привело к тому, что на президентских выборах 1991 года Исламу Каримову противостоял только один кандидат Мухаммад Салих". И это в то время, когда ни в Кыргызстане, ни в Казахстане, ни в Туркменистане никаких альтернативных кандидатов при выборе президента вообще не было.

Или такая рекомендация на стр.72: "Образовать независимую рабочую группу для тщательного расследования столкновений, происшедших между правоохранительными органами и демонстрантами в Коканде в июне 1989 года, в Паркенте в марте 1990 года, в Намангане в декабре 1990 года и в Ташкенте в январе 1992 года. Широко обнародовать заключительные

Коран (Мусхафи Усмани), переписанный еще при халифе Усмани
 четырнадцать веков тому назад, бережно хранится в сейфе
 мечети Тилля Шайх

Коран, мечеть Тилля Шайх

Совершение намаза в мечети

Медресе Баракхан, архитектурный памятник XVI в.,
где сейчас находится Духовное управление
мусульман Мавероуннахра, г. Ташкент

Свято-Успенский Кафедральный
собор, г. Ташкент

Богослужение в евангелистско-лютеранской кирхе

Свято-Успенский Кафедральный
собор, г. Ташкент

Богослужение в евангелистско-лютеранской кирхе

Праздник куци (суккот)

"Бармицва" — тринадцатилетие мальчика

Сегодня в Ташкенте создается много таких искусственных озер

Аквапарк — лучший подарок
детям независимого
Узбекистана

Празднование Дня независимости на площади Мустакиллик
столицы Узбекистана

Празднование Дня независимости на площади Мустакиллик
столицы Узбекистана

Празднование Дня независимости на площади Мустакиллик
столицы Узбекистана

Празднование Дня независимости на площади Мустакиллик
столицы Узбекистана

Прилавки узбекского базара в любое время года полны свежих фруктов и овощей

Доппи (тюбетейка) — национальный головной убор

Прилавки узбекского базара в любое время года полны свежих фруктов и овощей

Доппи (тюбетейка) — национальный головной убор

Празднование Навруза
на площади Дружбы Народов,
г. Ташкент

Празднование Навруза на площади Дружбы Народов,
г. Ташкент

И
с
г
с
м
н
ш
п
у
с
к
п
о
л
з
н
у
с
н
д
н
ч
о
п
ч
б
ф
к
с
ч
К
с
н
р
и
и

Празднование Навруза
на площади Дружбы Народов,
г. Ташкент

Празднование Навруза на площади Дружбы Народов,
г. Ташкент

выводы этой рабочей группы и предать суду ответственных за нарушения, обеспечив, чтобы судебные процессы были справедливыми, открытыми и полностью соответствовали международным нормам".

Между тем очевидно, что подобного рода тщательные расследования и судебные процессы событий, происшедших четыре-пять лет тому назад, могут взорвать и скорее всего взорвут существующую стабильность и надолго нарушат гражданский мир в стране.

Словом, благородная сдержанность и возвышенность оценок не помешала бы и критикам из правозащитных организаций.

Можно привести и критические высказывания частных лиц.

Один американский общественный деятель в своем выступлении в прошлом году на одном из симпозиумов ученых-политологов сказал, что Узбекистан "закрытая страна". В подтверждение этого тезиса он привел следующий факт. В служебной командировке в США был заведующий кафедрой одного из узбекских университетов, с которым он познакомился и подружился. Узбекский гость обещал пригласить его в Узбекистан и свое обещание выполнил. Пришло приглашение за подписью то-ли ректора, то-ли проректора. Получив приглашение, он, не утруждая себя хлопотами, связанными с получением визы, вылетел в Ташкент. Однако там ему, несмотря на просьбы встречающего его в аэропорту друга, визовый вопрос решить не удалось, и он ни с чем вернулся домой.

Мне самому пришлось пройти через тернии различных служб в Ташкентском аэропорту. Проблемы, конечно, есть. Отношение и к иностранцам, и к неиностранцам могло бы быть получше, уважительнее к их личностному достоинству. Мало приятны для человеческого достоинства и контакты с некоторыми должностными лицами государственного аппарата.

В подобных случаях, как говорится, "за державу обидно", за то, что чиновники "сеют зубы дракона", вызывают у людей чувства раздражения и озлобления. О человеческом такте и тонкости веду я речь, об от века присущих узбекам благородстве и культуре человеческого общения. Думаю, что руководство страны не может безучастно наблюдать как затухает хотя бы одна охранительная свеча народной узбекской нравственности.

И все же нельзя не видеть за деревьями леса. За этими неприятными фактами ту поистинне громадную даже по историческим масштабам работу, которую проводят Президент Узбекистана и его коллеги для того, чтобы сдвинуть с места тяжелый воз проблем, связанных с правами и свободами человека.

Какие свободы дарованы Создателем?

В США уже ряд лет действует весьма авторитетная организация "Дом свободы" (Freedom House). Главная задача этой неправительственной организации - определять степень свободы в том или ином государстве. Здесь разработана шкала критериев, которые позволяют отнести в зависимости от их реализации то или иное государство к рангу свободных, полусвободных или несвободных вообще.

выводы этой рабочей группы и предать суду ответственных за нарушения, обеспечив, чтобы судебные процессы были справедливыми, открытыми и полностью соответствовали международным нормам".

Между тем очевидно, что подобного рода тщательные расследования и судебные процессы событий, происшедших четыре-пять лет тому назад, могут взорвать и скорее всего взорвут существующую стабильность и надолго нарушат гражданский мир в стране.

Словом, благородная сдержанность и возвышенность оценок не помешала бы и критикам из правозащитных организаций.

Можно привести и критические высказывания частных лиц.

Один американский общественный деятель в своем выступлении в прошлом году на одном из симпозиумов ученых-политологов сказал, что Узбекистан "закрытая страна". В подтверждение этого тезиса он привел следующий факт. В служебной командировке в США был заведующий кафедрой одного из узбекских университетов, с которым он познакомился и подружился. Узбекский гость обещал пригласить его в Узбекистан и свое обещание выполнил. Пришло приглашение за подписью то-ли ректора, то-ли проректора. Получив приглашение, он, не утруждая себя хлопотами, связанными с получением визы, вылетел в Ташкент. Однако там ему, несмотря на просьбы встречающего его в аэропорту друга, визовый вопрос решить не удалось, и он ни с чем вернулся домой.

Мне самому пришлось пройти через тернии различных служб в Ташкентском аэропорту. Проблемы, конечно, есть. Отношение и к иностранцам, и к неиностранцам могло бы быть лучше, уважительнее к их личностному достоинству. Мало приятны для человеческого достоинства и контакты с некоторыми должностными лицами государственного аппарата.

В подобных случаях, как говорится, "за державу обидно", за то, что чиновники "сеют зубы дракона", вызывают у людей чувства раздражения и озлобления. О человеческом такте и тонкости веду я речь, об от века присущих узбекам благородстве и культуре человеческого общения. Думаю, что руководство страны не может безучастно наблюдать как затухает хотя бы одна охранительная свеча народной узбекской нравственности.

И все же нельзя не видеть за деревьями леса. За этими неприятными фактами ту поистинне громадную даже по историческим масштабам работу, которую проводят Президент Узбекистана и его коллеги для того, чтобы сдвинуть с места тяжелый воз проблем, связанных с правами и свободами человека.

Какие свободы дарованы Создателем?

В США уже ряд лет действует весьма авторитетная организация "Дом свободы" (Freedom House). Главная задача этой неправительственной организации - определять степень свободы в том или ином государстве. Здесь разработана шкала критериев, которые позволяют отнести в зависимости от их реализации то или иное государство к рангу свободных, полусвободных или несвободных вообще.

Из бывших советских республик только Литва уже несколько лет подряд относится к разряду свободных государств. Позитивно, в частности, оценена ее способность провести референдум о форме правления и свободные выборы. Эстония и Латвия переместились из разряда свободных в полусвободные из-за избирательных законов и законов о гражданстве, нарушающих права русского и иного русскоязычного населения. Славянские республики - Россия, Украина, Белоруссия - также в разряде полусвободных.

Из государств Центральной Азии наилучший показатель у Кыргызстана. Причем, если политические права граждан республики оценены не слишком лестно, то степень гражданских свобод, здесь, судя по экспертизе, весьма высока. Эксперты ставят Кыргызстан по этому показателю в один ряд с Германией, Японией, Грецией, Чили. Отмечается персональный вклад Президента Акаева в проведение "шелковой демократической революции".

Казахстанский рейтинг падает из-за того, что "правлящий режим не торопится отказаться от авторитаризма, боясь непредсказуемых последствий, прежде всего, протестов русского населения Республики". Низкий рейтинг у Узбекистана. Туркмения, вообще, поставлена на один уровень с диктатурами Либерии, Экваториальной Гвинеи и со средневековыми монархиями Катара и Бутана.

Не хотел бы касаться других государств, но в отношении Узбекистана здесь налицо известная дезинформация мирового общественного мнения. Я не говорю сейчас даже об известных сомнениях в достоверности собранных данных, об их репрезентативности. Я о другом. Не могу взять в толк: как можно применять одни и те же критерии без какой-либо модификации, в отношении Узбекистана и, допустим, Нидерландов или Швеции, как можно отрываться в оценке общего уровня свободы в той или иной стране от состояния экономической и политической стабильности, наличия или отсутствия сильных социальных программ, как можно не учитывать конкретную культуру и социально-психологическую среду.

Выше уже говорилось о "чилийской модели", о том, что принципы и подходы, изложенные в Декларации военного правительства Чили от 11 марта 1974 года, это, в сути своей, принципы и подходы переходного периода от тоталитарного государства, от анархической охлократии к либеральной демократии, разработанные при активном участии американских советников.

"Человек, - записано в Декларации, - обладает естественными правами, проистекающими из его природы, имеющими своим источником Создателя. Государство не только обязано признавать эти права, но и регламентировать их осуществление. При этом, однако, не могут игнорироваться традиции и мировоззрение подавляющего большинства народа, его прочная связь с определенной религией, формы его цивилизованности".

Постулируется то, что свобода, как форма жизни, возможна только в неразрывной связи с развитой экономикой и социальным прогрессом, как их следствие. Уповать на то, что утверждение свободы в общественной жизни

Из бывших советских республик только Литва уже несколько лет подряд относится к разряду свободных государств. Позитивно, в частности, оценена ее способность провести референдум о форме правления и свободные выборы. Эстония и Латвия переместились из разряда свободных в полусвободные из-за избирательных законов и законов о гражданстве, нарушающих права русского и иного русскоязычного населения. Славянские республики - Россия, Украина, Белоруссия - также в разряде полусвободных.

Из государств Центральной Азии наилучший показатель у Кыргызстана. Причем, если политические права граждан республики оценены не слишком лестно, то степень гражданских свобод, здесь, судя по экспертизе, весьма высока. Эксперты ставят Кыргызстан по этому показателю в один ряд с Германией, Японией, Грецией, Чили. Отмечается персональный вклад Президента Акаева в проведение "шелковой демократической революции".

Казахстанский рейтинг падает из-за того, что "правлящий режим не торопится отказаться от авторитаризма, боясь непредсказуемых последствий, прежде всего, протестов русского населения Республики". Низкий рейтинг у Узбекистана. Туркмения, вообще, поставлена на один уровень с диктатурами Либерии, Экваториальной Гвинеи и со средневековыми монархиями Катара и Бутана.

Не хотел бы касаться других государств, но в отношении Узбекистана здесь налицо известная дезинформация мирового общественного мнения. Я не говорю сейчас даже об известных сомнениях в достоверности собранных данных, об их репрезентативности. Я о другом. Не могу взять в толк: как можно применять одни и те же критерии без какой-либо модификации, в отношении Узбекистана и, допустим, Нидерландов или Швеции, как можно отрываться в оценке общего уровня свободы в той или иной стране от состояния экономической и политической стабильности, наличия или отсутствия сильных социальных программ, как можно не учитывать конкретную культуру и социально-психологическую среду.

Выше уже говорилось о "чилийской модели", о том, что принципы и подходы, изложенные в Декларации военного правительства Чили от 11 марта 1974 года, это, в сути своей, принципы и подходы переходного периода от тоталитарного государства, от анархической охлократии к либеральной демократии, разработанные при активном участии американских советников.

"Человек, - записано в Декларации, - обладает естественными правами, проистекающими из его природы, имеющими своим источником Создателя. Государство не только обязано признавать эти права, но и регламентировать их осуществление. При этом, однако, не могут игнорироваться традиции и мировоззрение подавляющего большинства народа, его прочная связь с определенной религией, формы его цивилизованности".

Постулируется то, что свобода, как форма жизни, возможна только в неразрывной связи с развитой экономикой и социальным прогрессом, как их следствие. Уповать на то, что утверждение свободы в общественной жизни

страны может быть достигнуто в ближайшем будущем было бы исторической утопией. К достижению этой великой цели можно и нужно продвигаться по мере создания для этого необходимых условий.

Разумные мысли, которые почему-то на Западе, также "Freedom House", применяют весьма избирательно. Для Чили - пожалуйста. Для Узбекистана - ни в коем случае. По-прежнему отношение к теме прав и свобод человека как к идеологическому оружию "холодной войны". *Осуждение: критика действий говоря, помогло Западу эту задачу выиграть.*

Между тем представляется очевидным, что права человека в развитом демократическом обществе, в условиях утвердившихся ценностей и институтов либеральной демократии не могут не играть иной роли, чем в обществах переходного типа, в обществах, где сильны элементы авторитарного порядка, и еще сохранились традиции и нравы прежней тоталитарной системы.

В свободном демократическом обществе с развитой экономикой и социальной сферой права человека могут быть и зачастую являются самостоятельным и высокозначимым "блоком", в принципе независимым от иных демократических учреждений: президентской власти, парламента и др., получающим максимальную поддержку и защиту со стороны закона и суда. Более того, здесь права человека становятся исходным пунктом, точкой отсчета, камертоном при построении всей системы государственности.

В системе социальных координат переходного общества, где уровень реального демократизма объективно не может быть еще высок, категория прав человека может выполнять функции известной опоры в демократических процессах, функции ценностно-ориентационного характера и для решения конкретных экономических, социальных и политических проблем дня сегодняшнего и для выработки правильной перспективы развития.

Истинные приверженцы демократических идей часто цитируют Франклина Делано Рузвельта, его речь "О четырех свободах". Вот эта широко известная цитата: "В будущем, которое мы стремимся освободить от тревог и опасений, перед нами открывается мир, построенный на основе четырех неотъемлемых свобод человека. Первая из них - свобода слова, где бы-то ни было на свете. Вторая - свобода религиозных культов везде и всюду на свете. Третья - свобода от нужды, которая согласно принятым во всем мире понятиям, означает взаимопонимание в сфере экономических отношений, обеспечивающее для каждого государства мирную зажиточную жизнь его граждан. Четвертая свобода - это свобода от страха, которая, говоря теми же словами, означает сокращение во всем мире вооружений в такой степени, в такой полной мере, что ни одно государство не будет в состоянии совершить акт агрессии против любого своего соседа нигде на свете".

Мое уважение к Ф. Д. Рузвельту, его мудрости и авторитету очень высоко. Однако полагаю, что не во все времена и не для всех народов предложенная иерархия свободы верна. В каждое конкретное время и в каждой конкретной стране мера реальной важности той или иной свободы

страны может быть достигнуто в ближайшее время было бы исторической утопией. К достижению этой великой цели можно и нужно продвигаться по мере создания для этого необходимых условий.

Разумные мысли, которые почему-то на Западе, также "Freedom House", применяют весьма избирательно. Для Чили - пожалуйста. Для Узбекистана - ни в коем случае. По-прежнему отношение к теме прав и свобод человека как к идеологическому оружию "холодной войны". Оружью, которое, кстати говоря, помогло Западу эту войну выиграть.

Между тем представляется очевидным, что права человека в развитом демократическом обществе, в условиях утвердившихся ценностей и институтов либеральной демократии не могут не играть иной роли, чем в обществах переходного типа, в обществах, где сильны элементы авторитарного порядка, и еще сохранились традиции и нравы прежней тоталитарной системы.

В свободном демократическом обществе с развитой экономикой и социальной сферой права человека могут быть и зачастую являются самостоятельным и высокозначимым "блоком", в принципе независимым от иных демократических учреждений: президентской власти, парламента и др., получающим максимальную поддержку и защиту со стороны закона и суда. Более того, здесь права человека становятся исходным пунктом, точкой отсчета, камертоном при построении всей системы государственности.

В системе социальных координат переходного общества, где уровень реального демократизма объективно не может быть еще высок, категория прав человека может выполнять функции известной опоры в демократических процессах, функции ценностно-ориентационного характера и для решения конкретных экономических, социальных и политических проблем дня сегодняшнего и для выработки правильной перспективы развития.

Истинные приверженцы демократических идей часто цитируют Франклина Делано Рузвельта, его речь "О четырех свободах". Вот эта широко известная цитата: "В будущем, которое мы стремимся освободить от тревог и опасений, перед нами открывается мир, построенный на основе четырех неотъемлемых свобод человека. Первая из них - свобода слова, где бы-то ни было на свете. Вторая - свобода религиозных культов везде и всюду на свете. Третья - свобода от нужды, которая согласно принятым во всем мире понятиям, означает взаимопонимание в сфере экономических отношений, обеспечивающее для каждого государства мирную зажиточную жизнь его граждан. Четвертая свобода - это свобода от страха, которая, говоря теми же словами, означает сокращение во всем мире вооружений в такой степени, в такой полной мере, что ни одно государство не будет в состоянии совершить акт агрессии против любого своего соседа нигде на свете".

Мое уважение к Ф. Д. Рузвельту, его мудрости и авторитету очень высоко. Однако полагаю, что не во все времена и не для всех народов предложенная иерархия свободы верна. В каждое конкретное время и в каждой конкретной стране мера реальной важности той или иной свободы

страны может быть достигнуто в ближайшее время было бы исторической утопией. К достижению этой великой цели можно и нужно продвигаться по мере создания для этого необходимых условий.

Разумные мысли, которые почему-то на Западе, также "Freedom House", применяют весьма избирательно. Для Чили - пожалуйста. Для Узбекистана - ни в коем случае. По-прежнему отношение к теме прав и свобод человека как к идеологическому оружию "холодной войны". Оружью, которое, кстати говоря, помогло Западу эту войну выиграть.

Между тем представляется очевидным, что права человека в развитом демократическом обществе, в условиях утвердившихся ценностей и институтов либеральной демократии не могут не играть иной роли, чем в обществах переходного типа, в обществах, где сильны элементы авторитарного порядка, и еще сохранились традиции и нравы прежней тоталитарной системы.

В свободном демократическом обществе с развитой экономикой и социальной сферой права человека могут быть и зачастую являются самостоятельным и высокозначимым "блоком", в принципе независимым от иных демократических учреждений: президентской власти, парламента и др., получающим максимальную поддержку и защиту со стороны закона и суда. Более того, здесь права человека становятся исходным пунктом, точкой отсчета, камертоном при построении всей системы государственности.

В системе социальных координат переходного общества, где уровень реального демократизма объективно не может быть еще высок, категория прав человека может выполнять функции известной опоры в демократических процессах, функции ценностно-ориентационного характера и для решения конкретных экономических, социальных и политических проблем дня сегодняшнего и для выработки правильной перспективы развития.

Истинные приверженцы демократических идей часто цитируют Франклина Делано Рузвельта, его речь "О четырех свободах". Вот эта широко известная цитата: "В будущем, которое мы стремимся освободить от тревог и опасений, перед нами открывается мир, построенный на основе четырех неотъемлемых свобод человека. Первая из них - свобода слова, где бы-то ни было на свете. Вторая - свобода религиозных культов везде и всюду на свете. Третья - свобода от нужды, которая согласно принятым во всем мире понятиям, означает взаимопонимание в сфере экономических отношений, обеспечивающее для каждого государства мирную зажиточную жизнь его граждан. Четвертая свобода - это свобода от страха, которая, говоря теми же словами, означает сокращение во всем мире вооружений в такой степени, в такой полной мере, что ни одно государство не будет в состоянии совершить акт агрессии против любого своего соседа нигде на свете".

Мое уважение к Ф. Д. Рузвельту, его мудрости и авторитету очень высоко. Однако полагаю, что не во все времена и не для всех народов предложенная иерархия свободы верна. В каждое конкретное время и в каждой конкретной стране мера реальной важности той или иной свободы

различна. В условиях продолжающегося экономического кризиса, высокого уровня преступности, угрозы извне на первый план не может не выступить обязанность государства бороться с коррупцией, ограждать покой граждан. А не открывать все двери и окна своего государственного дома для действий, дестабилизирующих обстановку в стране, как бы их ни называть. Думаю, что, например, сегодня для таджика из приграничного с Афганистаном кишлака, или у жителя Сараево, на первом месте не свобода слова. Им надо выжить. Выжить, в буквальном смысле слова, надо и голодающим Эфиопии и многим тысячам стариков и детей в различных странах СНГ, которые сегодня живут за чертой бедности. Точнее, далеко за чертой бедности. Им сейчас, в общем, тоже не до политических дискуссий.

Свобода от страха и свобода от нужды во многих странах сейчас должна получить несколько иную интерпретацию. Для человека все более важной становится безопасность в собственном доме, на улицах своего города.

Жизненная важность этих свобод очевидна. Но, когда та же "Freedom House" категорически утверждает, что только названные права являются Богом данными и поэтому естественными - это, не может не вызвать возражения. Вообще, вряд-ли кому-то из людей дано свыше право определять волю Создателя.

В ряде изданий "Freedom House" написано, буквально, следующее: "За последнее время ощущается тенденция, особенно среди международных организаций, расширять список основных прав человека. К фундаментальным свободам слова и равенства перед судом они добавляют право на труд, на образование, на собственную культуру, на национальность и даже на адекватный уровень жизни.

Все это, несомненно, ценные качества, но когда подобные льготы распространяются и воспринимаются как права, они тем самым обесценивают основные гражданские и человеческие права. Более того, они затмевают различия между правами, которыми обладают все люди, и целями, к которым следует стремиться отдельным личностям, организациям и правительствам. Превращая каждое стремление человека в право, правительство рискует усилить цинизм". ("Что такое демократия", Вашингтон, 1992, на русском языке, стр. 11-12).

Ну почему же цинизм?

Разве не справедливо все больше говорят о праве человека родиться, не будучи обремененным внешним долгом. Сегодня в некоторых странах Латинской Америки и Карибского бассейна на новорожденного, только что появившегося на свет, уже приходится от 2,5 до 5 тысяч долларов долга иностранному государству, сделанного местным правительством.

И все большую остроту получает проблема каждого человека на пропитание, на пищу, достаточную для поддержания нормальной жизни. Это является логическим продолжением права человека на жизнь, зафиксированного в статье 6 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года.

различна. В условиях продолжающегося экономического кризиса, высокого уровня преступности, угрозы извне на первый план не может не выступить обязанность государства бороться с коррупцией, ограждать покой граждан. А не открывать все двери и окна своего государственного дома для действий, дестабилизирующих обстановку в стране, как бы их ни называть. Думаю, что, например, сегодня для таджика из приграничного с Афганистаном кишлака, или у жителя Сараево, на первом месте не свобода слова. Им надо выжить. Выжить, в буквальном смысле слова, надо и голодающим Эфиопии и многим тысячам стариков и детей в различных странах СНГ, которые сегодня живут за чертой бедности. Точнее, далеко за чертой бедности. Им сейчас, в общем, тоже не до политических дискуссий.

Свобода от страха и свобода от нужды во многих странах сейчас должна получить несколько иную интерпретацию. Для человека все более важной становится безопасность в собственном доме, на улицах своего города.

Жизненная важность этих свобод очевидна. Но, когда та же "Freedom House" категорически утверждает, что только названные права являются Богом данными и поэтому естественными - это, не может не вызвать возражения. Вообще, вряд-ли кому-то из людей дано свыше право определять волю Создателя.

В ряде изданий "Freedom House" написано, буквально, следующее: "За последнее время ощущается тенденция, особенно среди международных организаций, расширять список основных прав человека. К фундаментальным свободам слова и равенства перед судом они добавляют право на труд, на образование, на собственную культуру, на национальность и даже на адекватный уровень жизни.

Все это, несомненно, ценные качества, но когда подобные льготы распространяются и воспринимаются как права, они тем самым обесценивают основные гражданские и человеческие права. Более того, они затмевают различия между правами, которыми обладают все люди, и целями, к которым следует стремиться отдельным личностям, организациям и правительствам. Превращая каждое стремление человека в право, правительство рискует усилить цинизм". ("Что такое демократия", Вашингтон, 1992, на русском языке, стр. 11-12).

Ну почему же цинизм?

Разве не справедливо все больше говорят о праве человека родиться, не будучи обремененным внешним долгом. Сегодня в некоторых странах Латинской Америки и Карибского бассейна на новорожденного, только что появившегося на свет, уже приходится от 2,5 до 5 тысяч долларов долга иностранному государству, сделанного местным правительством.

И все большую остроту получает проблема каждого человека на пропитание, на пищу, достаточную для поддержания нормальной жизни. Это является логическим продолжением права человека на жизнь, зафиксированного в статье 6 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года.

Да и на Западе, после его победы в холодной войне с коммунизмом, идеи фундаментальных естественных прав не звучат с такой набатной силой. Они как-то незаметно отходят на второй план. Средства массовой информации уделяют этому все меньше внимания. "Что вы хотите: свободы или равенства?" - обращаются политические деятели и политические комментаторы с телевизионных экранов, со страниц газет и журналов, на встречах с электоратом. И все чаще слышат в ответ: равенства.

(И это при том, что, скажем, в Германии, как свидетельствуют опросы общественного мнения, более 2/3 населения осуждают любые формы тоталитаризма).

Так отвечают тысячи людей, обремененных повседневными многочисленными заботами в самых благополучных странах Запада. Для них самые важные ценности бытия: гарантированная работа по профессии, отвечающее необходимым стандартам жилье, доступное медицинское обслуживание и доступное же образование всех уровней и направлений, личная защищенность. В общем это как раз то, за что борется президент И. Каримов, чему отдает он свой ум и сердце.

Каково бы ни было происхождение понятия "права человека", значение и применение его стало и религиозным, и светским, оно относится и к верующим (христианам и мусульманам, буддистам и иудеям), и к неверующим.

Важно, чтобы не только в обыденном сознании, но и в идеологии своей люди утвердились в той мысли, что известные права и свободы даруются человеку не государством, что даны они ему свыше, с рождением его, с появлением на земле, и даны они всем независимо от религиозных убеждений, от того - какого бога и какую веру носит человек в своем сердце. Я думаю, что это удивительный феномен человеческой жизни, над которым, пожалуй, надо задумываться чаще.

А поскольку именно это главное - я готов вести разговор о правах и свободах человека в Узбекистане в рамках и последовательности, принятых на Западе.

Свобода на оппозицию власти.

Эта свобода, в сущности, есть выражение более глубокого принципа демократической организации общества - плюрализма мнений. В действительности же в переходный период в новых независимых государствах оппозиция власти являет себя миру выразителем всего чего угодно, но, как правило, только не плюрализма. Грешным делом, какое-то время я связывал это с посткоммунизмом. Однако есть исторические материалы, доказывающие, что все это старо как мир, что цивилизованная оппозиция - удел по настоящему демократических стран.

В сентябре 1995 года я побывал в Израиле и в меру своих возможностей попытался понять и оценить процессы, проходящие в политической жизни этой страны. Сделать это было не просто прежде всего потому, что нормальное восприятие деформировалось той безграничной яростью и

Да и на Западе, после его победы в холодной войне с коммунизмом, идеи фундаментальных естественных прав не звучат с такой набатной силой. Они как-то незаметно отходят на второй план. Средства массовой информации уделяют этому все меньше внимания. "Что вы хотите: свободы или равенства?" - обращаются политические деятели и политические комментаторы с телевизионных экранов, со страниц газет и журналов, на встречах с электоратом. И все чаще слышат в ответ: равенства.

(И это при том, что, скажем, в Германии, как свидетельствуют опросы общественного мнения, более 2/3 населения осуждают любые формы тоталитаризма).

Так отвечают тысячи людей, обремененных повседневными многочисленными заботами в самых благополучных странах Запада. Для них самые важные ценности бытия: гарантированная работа по профессии, отвечающее необходимым стандартам жилье, доступное медицинское обслуживание и доступное же образование всех уровней и направлений, личная защищенность. В общем это как раз то, за что борется президент И. Каримов, чему отдает он свой ум и сердце.

Каково бы ни было происхождение понятия "права человека", значение и применение его стало и религиозным, и светским, оно относится и к верующим (христианам и мусульманам, буддистам и иудеям), и к неверующим.

Важно, чтобы не только в обыденном сознании, но и в идеологии своей люди утвердились в той мысли, что известные права и свободы даруются человеку не государством, что даны они ему свыше, с рождением его, с появлением на земле, и даны они всем независимо от религиозных убеждений, от того - какого бога и какую веру носит человек в своем сердце. Я думаю, что это удивительный феномен человеческой жизни, над которым, пожалуй, надо задумываться чаще.

А поскольку именно это главное - я готов вести разговор о правах и свободах человека в Узбекистане в рамках и последовательности, принятых на Западе.

Свобода на оппозицию власти.

Эта свобода, в сущности, есть выражение более глубокого принципа демократической организации общества - плюрализма мнений. В действительности же в переходный период в новых независимых государствах оппозиция власти являет себя миру выразителем всего чего угодно, но, как правило, только не плюрализма. Грешным делом, какое-то время я связывал это с посткоммунизмом. Однако есть исторические материалы, доказывающие, что все это старо как мир, что цивилизованная оппозиция - удел по настоящему демократических стран.

В сентябре 1995 года я побывал в Израиле и в меру своих возможностей попытался понять и оценить процессы, проходящие в политической жизни этой страны. Сделать это было не просто прежде всего потому, что нормальное восприятие деформировалось той безграничной яростью и

злостью, с которой оппозиция, оппозиционная пресса вели кампанию против И. Рабина и Ш. Переса, против осуществляемых этими политическими деятелями миротворческих усилий, получивших признание и самую высокую оценку мирового сообщества.

Правительство в этой ситуации находило силы избегать противостояний и делать свое дело. Однако мне, как и многим людям, с которыми довелось беседовать, казалось, что такая психологическая обработка общественности может материализоваться в чем-то страшном, в каком-то диком асоциальном акте со стороны религиозных фанатиков и экстремистов. Если не убийство Рабина, то иной случай иного насилия был, в сущности, предрешен.

Вот зловещий результат оторванной от реальной жизни фетишизации права на оппозицию, права на свободу оппозиционного слова, осуществляемой многими западными демократическими центрами. Тоже своего рода фанатичное утопическое проповедничество. Для меня лично достаточно вероятной представляется возможность израильского сценария развития событий в любой из средне-азиатских стран при отсутствии каких-либо правовых ограничений злоупотреблений политической свободы.

Французский историк Г. Буассье написал прекрасную книгу "Оппозиция при римских цезарях". Эта книга была издана на русском языке в 1915 году в Петрограде. В ней исключительно ярко показано, что оппозиция, которая достаточно энергично вела себя и в те времена, как правило, выражала не общественные интересы, даже не интересы своих родов, а свои собственные эгоистические политические амбиции, манипулируя более или менее удачно и умело общественными настроениями, инициируя мятежи и перевороты.

Естественно, что за долгие годы своей политической истории человечество выработало известные принципы "сдержек" и "противовесов" не только в отношении власти, но и оппозиции. Речь идет, прежде всего, о концепции "лояльной оппозиции".

Стороны в демократическом обществе разделяют приверженность к его основным ценностям. Политические соперники не обязательно должны любить друг друга, но они должны терпимо относиться друг к другу и признавать, что каждый играет законную и важную роль. Более того, основные правила общества, законы общества должны обязывать и правительство, и оппозицию к терпимости, гражданскому духу общественных дебатов.

Когда выборы закончены, проигравшие должны принять решение избирателей. Это постулат демократии, представляющийся очень верным и справедливым. Если правящая партия, правящая фракция, правящая группа проигрывает - она мирным путем передает власть. Кто бы ни выиграл - обе стороны дают согласие сотрудничать в решении общих проблем общества. Оппозиция, представленная одной или несколькими партиями, а также существующая вне партий, может продолжать участвовать в общест-

злостью, с которым оппозиция, оппозиционная пресса вели кампанию против И. Рабина и Ш. Переса, против осуществляемых этими политическими деятелями миротворческих усилий, получивших признание и самую высокую оценку мирового сообщества.

Правительство в этой ситуации находило силы избегать противостояний и делать свое дело. Однако мне, как и многим людям, с которыми довелось беседовать, казалось, что такая психологическая обработка общественности может материализоваться в чем-то страшном, в каком-то диком асоциальном акте со стороны религиозных фанатиков и экстремистов. Если не убийство Рабина, то иной случай иного насилия был, в сущности, предрешен.

Вот эвентуальный результат оторванной от реальной жизни фетишизации права на оппозицию, права на свободу оппозиционного слова, осуществляемой многими западными демократическими центрами. Тоже своего рода фанатичное утопическое проповедничество. Для меня лично достаточно вероятной представляется возможность израильского сценария развития событий в любой из средне-азиатских стран при отсутствии каких-либо правовых ограничений злоупотреблений политической свободы.

Французский историк Г. Буассье написал прекрасную книгу "Оппозиция при римских цезарях". Эта книга была издана на русском языке в 1915 году в Петрограде. В ней исключительно ярко показано, что оппозиция, которая достаточно энергично вела себя и в те времена, как правило, выражала не общественные интересы, даже не интересы своих родов, а свои собственные эгоистические политические амбиции, манипулируя более или менее удачно и умело общественными настроениями, инициируя мятежи и перевороты.

Естественно, что за долгие годы своей политической истории человечество выработало известные принципы "сдержек" и "противовесов" не только в отношении власти, но и оппозиции. Речь идет, прежде всего, о концепции "лояльной оппозиции".

Стороны в демократическом обществе разделяют приверженность к его основным ценностям. Политические соперники не обязательно должны любить друг друга, но они должны терпимо относиться друг к другу и признавать, что каждый играет законную и важную роль. Более того, основные правила общества, законы общества должны обязывать и правительство, и оппозицию к терпимости, гражданскому духу общественных дебатов.

Когда выборы закончены, проигравшие должны принять решение избирателей. Это постулат демократии, представляющийся очень верным и справедливым. Если правящая партия, правящая фракция, правящая группа проигрывает - она мирным путем передает власть. Кто бы ни выиграл - обе стороны дают согласие сотрудничать в решении общих проблем общества. Оппозиция, представленная одной или несколькими партиями, а также существующая вне партий, может продолжать участвовать в общест-

венной жизни, отдавая себе отчет в том, что ее роль важна и нужна при условиях лояльности. Представители оппозиции должны быть лояльны не по отношению к специфическим политическим курсам правительства, но по отношению к фундаментальной законности государства, к самому демократическому процессу и воле избирателей.

Между тем демократические ценности в новых независимых государствах оппозиция нарушает ничуть не меньше чем власть. Терпимостью и гражданским духом общественных дебатов оппозиция пренебрегает, не задумываясь. Политика вообще по природе своей дело эгоистичное и даже подчас циничное. Однако есть ценности, которые сегодня в новых независимых государствах не могут быть поставлены под сомнение. Прежде всего, это стабильность в стране. Только при этом условии можно декларировать приоритет прав человека над правами государства. Оппозиция в Узбекистане, впрочем, как и в Кыргызстане, других странах СНГ не только игнорирует эти ценности, но зарабатывает капитал, политический и финансовый, угрожая разрушить стабильность, взорвать спокойствие граждан.

От безответственности свободы
Темнеют страхом небеса
Дрожит земля, бунтуют воды
Кричат безрукие леса

Сильные слова недавно ушедшего из жизни одного из самых известных российских поэтов фронтового поколения Михаила Дудина. Перед смертью он сказал о сегодняшней демократии в России: "Не свобода обманула нас, а наша безответственность в использовании свободы, наша свобода в любой момент у власти власть забрать".

В Узбекистане, собственно говоря как и других постсоветских государствах, получило распространение удивительное явление, которое можно назвать: "хождение во власть через оппозицию власти". В первые перестроечные годы в оппозицию власти записывались толпами. Это было очень выгодно и вполне безопасно. Любой государственный служащий, рассчитывающий перескочить целый ряд ступенек в своей должностной карьере, любой научный сотрудник или преподаватель вуза, не имеющий никаких качеств ученого, любой, исчерпавший себя писатель или артист, в одночасье превращались в политического деятеля. С ним сразу же считались все: и правозащитные движения в стране и за рубежом, и соответствующие высокие должностные лица и авторитетные правительственные и неправительственные структуры западных государств.

Оппозиция государственной власти в Узбекистане имеет своеобразные контуры. Она нацелена не против власти вообще, а, прежде всего и, главным образом, против Президента. Именно с Президентом активисты оппозиции связывают утрату своего социального статуса, утрату престижных должностей а также свою политическую невостребованность. Поэтому неслучайно в оппозиции теснейшим образом сотрудничают и радикальные

венной жизни, отдавая себе отчет в том, что ее роль важна и нужна при условиях лояльности. Представители оппозиции должны быть лояльны не по отношению к специфическим политическим курсам правительства, но по отношению к фундаментальной законности государства, к самому демократическому процессу и воле избирателей.

Между тем демократические ценности в новых независимых государствах оппозиция нарушает ничуть не меньше чем власть. Терпимостью и гражданским духом общественных дебатов оппозиция пренебрегает, не задумываясь. Политика вообще по природе своей дело эгоистичное и даже подчас циничное. Однако есть ценности, которые сегодня в новых независимых государствах не могут быть поставлены под сомнение. Прежде всего, это стабильность в стране. Только при этом условии можно декларировать приоритет прав человека над правами государства. Оппозиция в Узбекистане, впрочем, как и в Кыргызстане, других странах СНГ не только игнорирует эти ценности, но зарабатывает капитал, политический и финансовый, угрожая разрушить стабильность, взорвать спокойствие граждан.

От безответственности свободы
Темнеют страхом небеса
Дрожит земля, бунтуют воды
Кричат безрукие леса

Сильные слова недавно ушедшего из жизни одного из самых известных российских поэтов фронтового поколения Михаила Дудина. Перед смертью он сказал о сегодняшней демократии в России: "Не свобода обманула нас, а наша безответственность в использовании свободы, наша свобода в любой момент у власти власть забрать".

В Узбекистане, собственно говоря как и других постсоветских государствах, получило распространение удивительное явление, которое можно назвать: "хождение во власть через оппозицию власти". В первые перестроечные годы в оппозицию власти записывались толпами. Это было очень выгодно и вполне безопасно. Любой государственный служащий, рассчитывающий перескочить целый ряд ступенек в своей должностной карьере, любой научный сотрудник или преподаватель вуза, не имеющий никаких качеств ученого, любой, исчерпавший себя писатель или артист, в одночасье превращались в политического деятеля. С ним сразу же считались все: и правозащитные движения в стране и за рубежом, и соответствующие высокие должностные лица и авторитетные правительственные и неправительственные структуры западных государств.

Оппозиция государственной власти в Узбекистане имеет своеобразные контуры. Она нацелена не против власти вообще, а, прежде всего и, главным образом, против Президента. Именно с Президентом активисты оппозиции связывают утрату своего социального статуса, утрату престижных должностей а также свою политическую невостребованность. Поэтому неслучайно в оппозиции теснейшим образом сотрудничают и радикальные

коммунисты, и радикальные демократы. Почва для такого альянса - личная обида.

Вот основные фигуры политической оппозиции в Узбекистане.

Шукурулло Мирсаидов. В прошлом один из видных представителей ташкентского истеблишмента периода перестройки. По мнению Д. Карлайла, Мирсаидов был одним из тех, кто способствовал выдвижению Каримова на пост первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана. После прихода Каримова к руководству страной Мирсаидов был премьер-министром, а затем вице-президентом. Будучи смещен Каримовым, способствовал, по некоторым данным, студенческим беспорядкам в Ташкенте в январе 1992 года. "Если моя интерпретация правильная, - пишет Карлайл, - то выступления студентов были связаны именно с борьбой за власть, разгоревшейся среди узбекской политической элиты. Это, кажется, осталось незамечанным иностранными наблюдателями, хотя ясно понималось в Ташкенте всеми, с кем я разговаривал". (с.172-175). Ш. Мирсаидов был в эмиграции. Возвратился в Ташкент в начале лета 1995 года.

Мухаммад Салих (Салай Мадаминов) - имя хорошо известное в Узбекистане. Он был популярным поэтом эпохи перестройки, выразителем уязвленного национального самосознания узбекской интеллигенции. Салих стоял у истоков возникновения политического движения "Бирлик", он основатель и лидер партии "Эрк". Был избран депутатом Верховного Совета республики. Выступил в качестве соперника И. Каримова на первых всенародных выборах Президента Узбекистана. После поражения на выборах, в которых по словам Салиха, он участвовал по предложению Каримова, соглашения между ними достигнуто не было. Салих утверждает, что Каримов не выполнил обещаний по устройству его политической судьбы.

По сведениям некоторых источников, Салих в кругу своих сторонников высказывался за устранение Каримова от власти любыми средствами. Не могу утверждать, что это, действительно, имело место. Однако обострение достигло предела. Вскоре Салих оказался в эмиграции.

Абдурахим Пулатов - научный работник, доцент Ташкентского университета, лидер "Бирлика". Один из активных деятелей национально-патриотического движения, его экстремистской фазы. Также не состоялся как государственный деятель и тоже эмигрировал.

Братья Усмановы - Анвар и Лерман - представители европеизированной узбекской интеллигенции, недовольной Президентом Каримовым, поскольку она оказалась невостребованной новой властью. Оба публицисты, выступающие в российских газетах и журналах с критикой состояния дел в Узбекистане.

В своей деятельности узбекская оппозиция, судя по тому, что пишут и что думают ее руководители, исходит из некой абстракции "народных интересов", которые, по мнению этих людей, Президентом игнорируются. На самом же деле в такой болезненной озабоченности "народными интересами", на мой взгляд, в большинстве случаев никакого интереса к народу

коммунисты, и радикальные демократы. Почва для такого альянса - личная обида.

Вот основные фигуры политической оппозиции в Узбекистане.

Шукурулло Мирсаидов. В прошлом один из видных представителей ташкентского истеблишмента периода перестройки. По мнению Д. Карлайла, Мирсаидов был одним из тех, кто способствовал выдвижению Каримова на пост первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана. После прихода Каримова к руководству страной Мирсаидов был премьер-министром, а затем вице-президентом. Будучи смещен Каримовым, способствовал, по некоторым данным, студенческим беспорядкам в Ташкенте в январе 1992 года. "Если моя интерпретация правильная, - пишет Карлайл, - то выступления студентов были связаны именно с борьбой за власть, разгоревшейся среди узбекской политической элиты. Это, кажется, осталось незамечанным иностранными наблюдателями, хотя ясно понималось в Ташкенте всеми, с кем я разговаривал". (с.172-175). Ш. Мирсаидов был в эмиграции. Возвратился в Ташкент в начале лета 1995 года.

Мухаммад Салих (Салай Мадаминов) - имя хорошо известное в Узбекистане. Он был популярным поэтом эпохи перестройки, выразителем уязвленного национального самосознания узбекской интеллигенции. Салих стоял у истоков возникновения политического движения "Бирлик", он основатель и лидер партии "Эрк". Был избран депутатом Верховного Совета республики. Выступил в качестве соперника И. Каримова на первых всенародных выборах Президента Узбекистана. После поражения на выборах, в которых по словам Салиха, он участвовал по предложению Каримова, соглашения между ними достигнуто не было. Салих утверждает, что Каримов не выполнил обещаний по устройству его политической судьбы.

По сведениям некоторых источников, Салих в кругу своих сторонников высказывался за устранение Каримова от власти любыми средствами. Не могу утверждать, что это, действительно, имело место. Однако обострение достигло предела. Вскоре Салих оказался в эмиграции.

Абдурахим Пулатов - научный работник, доцент Ташкентского университета, лидер "Бирлика". Один из активных деятелей национально-патриотического движения, его экстремистской фазы. Также не состоялся как государственный деятель и тоже эмигрировал.

Братья Усмановы - Анвар и Лерман - представители европеизированной узбекской интеллигенции, недовольной Президентом Каримовым, поскольку она оказалась невостребованной новой властью. Оба публицисты, выступающие в российских газетах и журналах с критикой состояния дел в Узбекистане.

В своей деятельности узбекская оппозиция, судя по тому, что пишут и что думают ее руководители, исходит из некой абстракции "народных интересов", которые, по мнению этих людей, Президентом игнорируются. На самом же деле в такой болезненной озабоченности "народными интересами", на мой взгляд, в большинстве случаев никакого интереса к народу

нет. Оппозиции, по сути дела, безразлично, что может на данном этапе сделать народ, а к чему он исторически еще не готов.

Численный состав узбекской оппозиции весьма невелик. Я имею в виду ее активистов. И не потому, что против них задействовала, как пишут некоторые на Западе, машина государственной власти и применяются беспощадные репрессии. Она изначально не имела глубоких корней и серьезной поддержки в народе.

Мне пришлось несколько раз слушать высказывания Президента Ислама Каримова в отношении организованной оппозиции своей власти. По моему убеждению, во всех этих случаях он предельно искренне говорил о том, что готов вести диалог с оппозицией, но он невозможен, во всяком случае весьма затруднен, прежде всего потому, что лидеры не выдвигают конструктивных альтернатив курсу Президента и правительства. Они только отрицают то, что делает власть, причем отрицают во многих случаях даже не руководствуясь какими-то разумными критериями, забывая об элементарном приличии и такте.

Каримов ставил вопрос: "Скажите, какие социальные силы стоят за оппозицией, интересы каких общественных слоев она выражает?" И сам себе отвечал: "Никаких, разве только таких же как они людей, потерявших власть и привилегии, с болезненными политическими амбициями".

Я попросил своего соавтора профессора Д. Карлайла, который, как он сам говорит, будучи американским демократом в седьмом поколении, да еще ирландцем, априори на стороне оппозиции в любой стране, привести аргументы, опровергающие эту критику Президента. Д. Карлайл ответил не сразу. Он довольно долго просматривал свои записи, сосредоточенно думал и сказал, что фактами, опровергающими критические замечания Каримова, он не владеет. Однако утверждал, что многие из людей, оппонировавших режиму, были незаслуженно и несправедливо обижены. Если не самим Президентом, то чиновниками из его окружения. И что, насколько ему известно, в оппозиции Президенту немало неплохих и неглупых людей. Во всяком случае, ничуть не хуже большинства из тех, которые у власти. Здесь уж я ничего возразить не смог. Больше того, я от всей души бы хотел, чтобы лидеры оппозиции сделали хотя бы один реальный шаг навстречу Президенту. Зная его, не сомневаюсь, что он ответит тем же.

В настоящее время, по мнению западных наблюдателей, решающую роль в узбекской оппозиции по-прежнему играют Мухаммад Салих, находящийся в эмиграции в Германии, и Абдурахман Пулатов, проживающий в Турции. Активнее сейчас, судя по некоторым фактам, Салих. По мнению членов партии "Бирлик", высказанному в печати, Салих поставил своей целью сконцентрировать в своих руках руководство всей оппозицией. Они пишут о том, что именно по инициативе Салиха в начале июля 1995 года была предпринята попытка сместить Пулатова с поста лидера партии. Однако эта попытка потерпела неудачу.

Резко враждебные отношения двух оппозиционных лидеров - общеизвестный факт. В основе этой конфронтации, по мнению многих оппо-

нет. Оппозиции, по сути дела, безразлично, что может на данном этапе сделать народ, а к чему он исторически еще не готов.

Численный состав узбекской оппозиции весьма невелик. Я имею в виду ее активистов. И не потому, что против них задействовала, как пишут некоторые на Западе, машина государственной власти и применяются беспощадные репрессии. Она изначально не имела глубоких корней и серьезной поддержки в народе.

Мне пришлось несколько раз слушать высказывания Президента Ислама Каримова в отношении организованной оппозиции своей власти. По моему убеждению, во всех этих случаях он предельно искренне говорил о том, что готов вести диалог с оппозицией, но он невозможен, во всяком случае весьма затруднен, прежде всего потому, что лидеры не выдвигают конструктивных альтернатив курсу Президента и правительства. Они только отрицают то, что делает власть, причем отрицают во многих случаях даже не руководствуясь какими-то разумными критериями, забывая об элементарном приличии и такте.

Каримов ставил вопрос: "Скажите, какие социальные силы стоят за оппозицией, интересы каких общественных слоев она выражает?" И сам себе отвечал: "Никаких, разве только таких же как они людей, потерявших власть и привилегии, с болезненными политическими амбициями".

Я попросил своего соавтора профессора Д. Карлайла, который, как он сам говорит, будучи американским демократом в седьмом поколении, да еще ирландцем, априори на стороне оппозиции в любой стране, привести аргументы, опровергающие эту критику Президента. Д. Карлайл ответил не сразу. Он довольно долго просматривал свои записи, сосредоточенно думал и сказал, что фактами, опровергающими критические замечания Каримова, он не владеет. Однако утверждал, что многие из людей, оппонировавших режиму, были незаслуженно и несправедливо обижены. Если не самим Президентом, то чиновниками из его окружения. И что, насколько ему известно, в оппозиции Президенту немало неплохих и неглупых людей. Во всяком случае, ничуть не хуже большинства из тех, которые у власти. Здесь уж я ничего возразить не смог. Больше того, я от всей души бы хотел, чтобы лидеры оппозиции сделали хотя бы один реальный шаг навстречу Президенту. Зная его, не сомневаюсь, что он ответит тем же.

В настоящее время, по мнению западных наблюдателей, решающую роль в узбекской оппозиции по-прежнему играют Мухаммад Салих, находящийся в эмиграции в Германии, и Абдурахман Пулатов, проживающий в Турции. Активнее сейчас, судя по некоторым фактам, Салих. По мнению членов партии "Бирлик", высказанному в печати, Салих поставил своей целью сконцентрировать в своих руках руководство всей оппозицией. Они пишут о том, что именно по инициативе Салиха в начале июля 1995 года была предпринята попытка сместить Пулатова с поста лидера партии. Однако эта попытка потерпела неудачу.

Резко враждебные отношения двух оппозиционных лидеров - общеизвестный факт. В основе этой конфронтации, по мнению многих оппо-

зиционеров, лежат такие мотивы как стремление быть в диалоге с И. Каримовым фигурой № 1. Склоки, разумеется, не добавляют авторитета ни оппозиции в целом, ни её лидерам. На междоусобицы уходят и силы, и время, которых не остается для конструктивного диалога с властью.

На этом фоне проводимые по инициативе И. Каримова в этом году в США встречи его представителей с активными деятелями оппозиции с целью определить контуры компромисса явно улучшают его имидж даже в глазах многочисленных западных критиков.

Оппозицию в Кыргызстане, ее отношения с властью на Западе ставят в пример Узбекистану, рассматривают ее деятельность как значительный шаг на пути общественного прогресса. Вот мнение на этот счет Салиджана Жигитова, известного кыргызского ученого, писателя, и главное безусловного приверженца демократии. Ниже фрагмент записи его беседы.

"Действительно, нет худа без добра, что переход к другому строю сопровождается присутствием все тех же номенклатурщиков - это очень положительный момент нашей сегодняшней истории. У бывших коммунистов не отнимешь и опыта управления хозяйством, да и стремления к тому, чтобы не допустить конфликтов социального характера.

А, представьте себе, если бы наши этнократы, наши, так называемые, национальные демократы, с которыми Запад все время заигрывает, если бы они пришли к власти, что было бы в Кыргызстане? Я думаю то же самое, что в Таджикистане, Грузии или Азербайджане. Надо поблагодарить многонациональный народ Кыргызстана, у которого есть замечательное свойство - быть терпимым и спокойным. Народ, в отличие от наших западных опекунов, не воспринял этих демократов, он отверг этих ура-патриотов, спасибо за это нашему народу. Если бы не поддержка извне, то эти национальные демократы давно бы выдохлись, они даже при поддержке уже выдохлись. Невозможно же петь одни и те же песни без всяких конструктивных идей, они теперь ищут другую пластинку.

Хотя кое-чего они добились митингами, угрозами, голодовками. Власти бросили им кость, позволили приватизировать магазины, взять беспроцентные ссуды, многие стали бизнесменами. Например, руководитель партии "Асаба" Чапрашты Базарбаев уже владеет несколькими магазинами. Тулеген Касымбеков, ревнитель государственного языка и народный печальник, тоже разбогател. Когда же им заниматься народными интересами? Вместе еще кое с кем они теперь составляют нашу компрадорскую буржуазию, то есть имеют зарубежных партнеров, кормятся от них, короче, ура-патриотизм споткнулся на богатстве. Да бог с ними, коль самоутверждаются таким способом, хуже если они манипулируют общественным сознанием".

Наблюдение это представляется мне весьма поучительным.

В августе 1995 года кыргызская оппозиционная газета "Республика" опубликовала открытое письмо Президенту Кыргызской Республики А. Акаеву бывшего спикера кыргызского парламента М. Шеримкулова. Шеримкулов фигура в политической жизни Кыргызстана весьма колоритная. Он

зиционеров, лежат такие мотивы как стремление быть в диалоге с И. Каримовым фигурой № 1. Склоки, разумеется, не добавляют авторитета ни оппозиции в целом, ни её лидерам. На междоусобицы уходят и силы, и время, которых не остается для конструктивного диалога с властью.

На этом фоне проводимые по инициативе И. Каримова в этом году в США встречи его представителей с активными деятелями оппозиции с целью определить контуры компромисса явно улучшают его имидж даже в глазах многочисленных западных критиков.

Оппозицию в Кыргызстане, ее отношения с властью на Западе ставят в пример Узбекистану, рассматривают ее деятельность как значительный шаг на пути общественного прогресса. Вот мнение на этот счет Салиджана Жигитова, известного кыргызского ученого, писателя, и главное безусловного приверженца демократии. Ниже фрагмент записи его беседы.

"Действительно, нет худа без добра, что переход к другому строю сопровождается присутствием все тех же номенклатурщиков - это очень положительный момент нашей сегодняшней истории. У бывших коммунистов не отнимешь и опыта управления хозяйством, да и стремления к тому, чтобы не допустить конфликтов социального характера.

А, представьте себе, если бы наши этнократы, наши, так называемые, национальные демократы, с которыми Запад все время заигрывает, если бы они пришли к власти, что было бы в Кыргызстане? Я думаю то же самое, что в Таджикистане, Грузии или Азербайджане. Надо поблагодарить многонациональный народ Кыргызстана, у которого есть замечательное свойство - быть терпимым и спокойным. Народ, в отличие от наших западных опекунов, не воспринял этих демократов, он отверг этих ура-патриотов, спасибо за это нашему народу. Если бы не поддержка извне, то эти национальные демократы давно бы выдохлись, они даже при поддержке уже выдохлись. Невозможно же петь одни и те же песни без всяких конструктивных идей, они теперь ищут другую пластинку.

Хотя кое-чего они добились митингами, угрозами, голодовками. Власти бросили им кость, позволили приватизировать магазины, взять беспроцентные ссуды, многие стали бизнесменами. Например, руководитель партии "Асаба" Чапрашты Базарбаев уже владеет несколькими магазинами. Тулеген Касымбеков, ревнитель государственного языка и народный печальник, тоже разбогател. Когда же им заниматься народными интересами? Вместе еще кое с кем они теперь составляют нашу компрадорскую буржуазию, то есть имеют зарубежных партнеров, кормятся от них, короче, ура-патриотизм споткнулся на богатстве. Да бог с ними, коль самоутверждаются таким способом, хуже если они манипулируют общественным сознанием".

Наблюдение это представляется мне весьма поучительным.

В августе 1995 года кыргызская оппозиционная газета "Республика" опубликовала открытое письмо Президенту Кыргызской Республики А. Акаеву бывшего спикера кыргызского парламента М. Шеримкулова. Шеримкулов фигура в политической жизни Кыргызстана весьма колоритная. Он

не только экс-спикер. Он же - экс-главный коммунистический идеолог республики, один из экс-руководителей Компартии Кыргызстана, несущий, по его собственному признанию, ответственность за Ошскую трагедию. Оказавшийся по вполне демократическим основаниям вне власти (проиграл выборы в Жогорку Кенеш), он превратился, по его словам, в одного из главных оппозиционеров "авторитарно-бюрократическому режиму Акаева", одного из главных диссидентов-демократов, а также, по его собственному мнению, главного претендента на пост президента.

Как у главного оппозиционера у него и амбиции соответствующего масштаба. В своих интервью он говорит: "Я - Медеткан Шеримкулов. Это главное. Я был и останусь в политике Кыргызстана". В своем открытом письме он с гневом упрекает А. Акаева в том, что "он как личность полностью сформировался в условиях коммунистического режима, а затем удивительно ловко и спекулятивно использовал демократические лозунги против старого режима". (Это уж, говоря языком одного из героев М. Булгакова, действительно, "штукарство". Акаев сформировался как личность в условиях коммунистического режима, а Шеримкулов - нет. Акаев, а не Шеримкулов, оказывается, ловко использует демократические лозунги).

Главный оппозиционер - не чужд национализма. Не знаю чего больше в этом национализме - стратегии и тактики современной кыргызской оппозиции или личностных качеств Шеримкулова, но такова данность. В упомянутом открытом письме Акаеву, этом шеримкуловском "Profession de foi", он и мысли не допускает, что Президентом Кыргызстана, как это предусмотрено его Конституцией, может стать достойный представитель любой нации, входящей в состав народа Кыргызстана. Только кыргыз.

Одно из главных обвинений Шеримкулова в адрес Акаева в отношении его отступничества от постулатов демократии - закрытие парламентской газеты "Свободные горы". Суть дела в следующем. Газета эта была официальным изданием, родным детищем экс-главного коммунистического идеолога. В качестве спикера парламента он смог собрать туда лучшие силы из бывших партийных пропагандистов и журналистов, которые на новом месте вновь верой и правдой служили ему.

В газете с удивительным постоянством и неисчерпаемой творческой фантазией из номера в номер помещались материалы, в которых Президент подвергался резкой критике, нередко необоснованной, а иногда и попросту оскорбительной. К примеру, называли его "средневековым шутом". Президент терпеливо молчал. Он сносил, не говоря ни слова, различные инсинуации в отношении своей жены и детей. И еще многое другое.

"Взорвался" он только тогда, когда "Свободные горы" допустили провокационный пассаж по поводу визита в Кыргызстан Премьер-министра Китая Ли Пэна. Говоря словами того же Шеримкулова, пассаж "по восточному изощренный и коварный". Цель, по-видимому, была вызвать осложнения в кыргызско-китайских отношениях, свести на нет положительные итоги визита, отнеся все это затем на счет Президента. Буквально в следующем

номере "Свободных гор" был опубликован в качестве редакционной статьи фотоколлаж, в котором цинично и глумливо был использован национальный и государственный символ Израиля - шестиконечная звезда Давида. Причем в центре звезды был помещен Президент Кыргызстана. Коллаж был сопровожден текстом, не вызывающим у читателя сомнения в том, кто главный виновник бед, обрушившихся после свержения коммунистического режима на кыргызов.

Антисемитизм вообще был отличительной чертой, своеобразной визитной карточкой парламентской газеты. Героями многих газетных сюжетов были или местные жидо-масоны или зарубежные сионисты, преимущественно американские.

И вот вскоре после этих двух публикаций (антикитайской и антисемитской) А. Акаев, выступая на съезде судей Кыргызии, в ряду других вопросов поставил проблему злоупотребления свободой слова в средствах массовой информации и прежде всего в газете "Свободные горы". Он сказал, что, по его мнению, перед законом равны все: и власть, и граждане, и средства массовой информации, что парламентская газета в этом смысле не может иметь никакого иммунитета. После выступления Президента и, несомненно, в связи с выступлением (не знаю уж хорошо это или плохо) прокуратура возбудила в суде вопрос о закрытии этой газеты за грубейшие нарушения закона "О средствах массовой информации". Иск прокуратуры был судебными инстанциями удовлетворен.

Характерно, что защищать газету в судебные заседания приходили самые видные представители бывшей партийной элиты во главе с первым секретарем ЦК КП Кыргызии Т. Усубалиевым. Впрочем, это не удивительно. Несколько удивляет другое. Демарши американской администрации по поводу этих судебных решений. В бой вступили самые серьезные фигуры американского истеблишмента. Акаев, к слову будет сказано, парировал предъявляемые ему претензии с большим достоинством и твердостью. Трудно сказать, чем кончилось бы дело, если бы другие, не менее авторитетные на Западе силы не поддержали Президента Кыргызии.

Завершая описание этой истории, хотел бы поставить вопрос, скорее риторически: может ли кто-нибудь на Западе допустить, чтобы в Узбекистане какая-либо из газет, контролируемых цензурой, допустила хотя бы намек антисемитского характера.

В Казахстане оппозиция была, вроде бы, достаточно конструктивной и, казалось бы, представляла реальную и авторитетную политическую силу. В числе его лидеров были такие фигуры как Олжас Сулейменов, известный общественный деятель и трибун, С. Абдильдин - экс-спикер парламента, Г. Алдамжаров - бывший губернатор и бывший председатель Контрольной палаты парламента. Отечественные и зарубежные аналитики говорили о том, что рейтинг оппозиционной партии Народный Конгресс Казахстана растет с каждым днем. Исключительно благоприятно для оппозиции складывался и общий политический и социальный фон: стремительное

падение уровня жизни народа, волнения шахтеров, учителей, пенсионеров, строптивый парламент, политическое и экономическое давление России.

И вдруг все рухнуло как карточный домик. Общественным доверием оппозиция оказалась наделенной ничуть не больше, чем власть, а рычагов воздействия на общество она имела значительно меньше, чем власть. Как пишет казахстанская пресса, оппозиционного же направления, "вожди оппозиции и их окружение были заняты не столько политической борьбой, основанной на выработке оптимальных политических альтернатив, сколько предвкушаемым дележом портфелей. Каждый из колоритных вождей видел себя в президентском кресле. Наиболее доверенные их люди примеряли на себя премьеровские, спикеровские и вице-президентские одежды и очень оскорблялись, когда им обещали только министерские кресла. Однако, когда возникла возможность получить нечто менее важное, но более осязаемое из рук властей придерживающих, они предпочли "снину в руках журавлю в небе". Теперь острословы в Алматы говорят, что на здании партии Народный Конгресс Казахстана можно, не раздумывая, прибить доску с надписью "Полный банкрот".

Вот в таком контексте, с учетом интереснейшей общерегиональной практики и следует, по-видимому, рассматривать проблемы, связанные с реализацией свободы на оппозицию власти в Узбекистане.

Уверен, что Президенту Каримову удастся в недалеком будущем многие из этих проблем решить.

Что же касается репрессий по политическим мотивам, то здесь можно предъявить претензии обеим сторонам - и к оппозиции, и к власти. Есть факты, свидетельствующие о явном нарушении Уголовного кодекса лицами, связанными с оппозицией. И, напротив, есть факты другого рода, когда закон был нарушен в правоохранительных органах. Судя по последним заявлениям Президента И. Каримова, выводы из этих фактов в Узбекистане уже сделаны (в смысле недопущения или, во всяком случае, ограничения нарушений законности).

Позволю себе высказать следующее резюме. Пока режим политической жизни в Узбекистане, которому привержен Президент И. Каримов, будет в своем развитии повернуть в направлении дельнейшей постепенной демократизации поддержка его со стороны оппозиции служит делу общественного прогресса. При такой направленности своей деятельности оппозиция и демократична, и конструктивна. Иначе логика политического противостояния не может не привести светскую узбекскую оппозицию к консолидации с исламским экстремизмом, с различными асоциальными силами. Дальнейшие ступени домысливать не стоит. Они уже продемонстрированы в Таджикистане.

Власть в Узбекистане неоднократно протягивала оппозиции руку. Ищет она возможности политического компромисса с ней, как уже сказано, и сейчас.

падение уровня жизни народа, волнения шахтеров, учителей, пенсионеров, строптивый парламент, политическое и экономическое давление России.

И вдруг все рухнуло как карточный домик. Общественным доверием оппозиция оказалась наделенной ничуть не больше, чем власть, а рычагов воздействия на общество она имела значительно меньше, чем власть. Как пишет казахстанская пресса, оппозиционного же направления, "вожди оппозиции и их окружение были заняты не столько политической борьбой, основанной на выработке оптимальных политических альтернатив, сколько предвкушаемым дележом портфелей. Каждый из колоритных вождей видел себя в президентском кресле. Наиболее доверенные их люди примеряли на себя премьеровские, спикеровские и вице-президентские одежды и очень оскорблялись, когда им обещали только министерские кресла. Однако, когда возникла возможность получить нечто менее важное, но более осязаемое из рук властей придерживающих, они предпочли "снину в руках журавлю в небе". Теперь острословы в Алматы говорят, что на здании партии Народный Конгресс Казахстана можно, не раздумывая, прибить доску с надписью "Полный банкрот".

Вот в таком контексте, с учетом интереснейшей общерегиональной практики и следует, по-видимому, рассматривать проблемы, связанные с реализацией свободы на оппозицию власти в Узбекистане.

Уверен, что Президенту Каримову удастся в недалеком будущем многие из этих проблем решить.

Что же касается репрессий по политическим мотивам, то здесь можно предъявить претензии обеим сторонам - и к оппозиции, и к власти. Есть факты, свидетельствующие о явном нарушении Уголовного кодекса лицами, связанными с оппозицией. И, напротив, есть факты другого рода, когда закон был нарушен в правоохранительных органах. Судя по последним заявлениям Президента И. Каримова, выводы из этих фактов в Узбекистане уже сделаны (в смысле недопущения или, во всяком случае, ограничения нарушений законности).

Позволю себе высказать следующее резюме. Пока режим политической жизни в Узбекистане, которому привержен Президент И. Каримов, будет в своем развитии повернуть в направлении дельнейшей постепенной демократизации поддержка его со стороны оппозиции служит делу общественного прогресса. При такой направленности своей деятельности оппозиция и демократична, и конструктивна. Иначе логика политического противостояния не может не привести светскую узбекскую оппозицию к консолидации с исламским экстремизмом, с различными асоциальными силами. Дальнейшие ступени домысливать не стоит. Они уже продемонстрированы в Таджикистане.

Власть в Узбекистане неоднократно протягивала оппозиции руку. Ищет она возможности политического компромисса с ней, как уже сказано, и сейчас.

Свобода слова и выражения мнений.

Свобода слова - это еще одно поле, на котором разворачивается критика Президента И. Каримова и государственного режима Узбекистана в целом. Смысл обвинений, выдвигаемых западными государственными и неправительственными организациями в том, что государственный аппарат в Узбекистане монополизировал право на информацию общества, что эта информация носит принудительный характер, что цензура душит любую свободную мысль, если она негодна властям.

Выше я уже возражал против категоричности подобных обвинений (правда, по другому поводу). Вместе с тем я также считаю, что к некоторым критическим замечаниям прислушаться простоты не необходимо.

Однако в начале короткая справка.

В Узбекистане сейчас зарегистрировано 450 газет и журналов, в том числе 384 газеты (республиканские, областные, городские, районные, многотиражные), 66 журналов (республиканские и областные). Общий среднеразовый тираж газет - 1 миллион 706 тысяч, в том числе, республиканских - 753 тысячи, а тираж журналов - 1 миллион 27 тысяч экземпляров.

Узбекистан - государство многонациональное. Газеты, журналы, теле- и радиопередачи - на 12 языках. Из общего количества печатных изданий, выпускаемых газет и журналов: 238 газет и 21 журнал издаются на узбекском языке; 52 газеты и 15 журналов - на русском языке; 44 газеты и 15 журналов - на русском и узбекском языках; 20 газет и 7 журналов - на каракалпакском языке; 15 газет - на таджикском языке; 8 газет - на казахском языке; 1 газета - на корейском языке. В 6 газетах и 8 журналах используется, наряду с узбекским, английский, арабский, турецкий языки, язык урду, фарси, хинди. В республике издаются и российские газеты - "Аргументы и факты", "Труд", "Рабочая трибуна", "Медицинская газета".

Можно разделить все эти газеты и журналы на несколько групп по их учредителям, по содержанию, по направленности. Первая, самая значительная группа - это общественно-политические газеты и журналы, издающиеся государством, рассчитанные на массового читателя, на информирование населения по всем направлениям общественной жизни. Ко второй группе можно отнести социально-политические издания партий, газеты и журналы партий, общественных движений и объединений, например, профсоюзную газету "Ишонч", газету "Узбекистон овази", газету "Голос Узбекистана" (обе газеты народно-демократической партии Узбекистана), газеты "Туркестан", "Ватан", журнал "Истигбол" (издания партии "Ватан тараккиети") и другие. Имеются литературно-художественные журналы, специализированные журналы (сельскохозяйственные, научные и т. п.), журналы, которые ориентируются на освещение предпринимательского движения, образования населения основам рыночной экономики. Имеются, наконец, религиозные газеты и журналы, в частности, мусульманская газета "Ислом нури", журнал "Мавраннахр мусульман лори", христианская газета "Слово жизни".

Средства массовой информации в демократическом обществе имеют ряд частично совпадающих четких функций. Одна из них - информировать и просвещать. Чтобы принимать разумные решения, касающиеся государственной политики, людям нужна точная, своевременная, беспристрастная информация. Разнообразие точек зрения требует, чтобы люди имели доступ к широкому спектру мнений. Эта роль особенно важна во время предвыборных кампаний, когда лишь небольшое число избирателей имеет возможность увидеть кандидата воочию, а еще меньшее число поговорить с ним. Им приходится полагаться на газеты и телевидение.

Эти функции средствами массовой информации в Узбекистане, в общем и целом, осуществляются. Хотя беспристрастности иногда не хватает.

Другая функция средств массовой информации - осуществлять контроль и наблюдение за действиями правительства и иных институтов власти в обществе. Придерживаясь стандартов независимости и объективности, они могут обнажать правду жизни, спрятанную за заявлениями правительства. На этой основе требовать от правительства отчета о его деятельности.

Средства массовой информации могут взять на себя более активную роль в общественных дебатах. Посредством редакционных статей, исследовательских репортажей они могут организовать кампанию за определенный политический курс или реформы, которые, по их мнению, должны быть проведены в жизнь. Они могут служить также форумом, где организации и отдельные лица имеют возможность выразить свои мнения в письмах и публикациях, содержащих противоположные точки зрения.

А вот с этими функциями средств массовой информации в Узбекистане не справляются. Кстати, на это уже не раз обращал внимание Президент И. Каримов, резко критикуя печать и телевидение за отсутствие дискуссионности, критики власти.

Убежден, что придать средствам массовой информации в Узбекистане необходимый уровень демократической энергетики можно только при условии вывода их из-под контроля соответствующих государственных структур.

Задача эта для Узбекистана, как и любого иного из посткоммунистических государств, архисложная. Здесь требуется разумная постепенность, хорошо продуманное законодательство, сильная судебная власть.

И когда на Западе по этому поводу говорят: ни минуты промедления, немедленно отменить цензуру, разрешить печатать все, что находится в рамках пристойности, любое критическое высказывание в адрес Президента, правительства, парламента, любые политические призывы - можно с полным основанием возразить словами И. Канта "может быть это хорошо для теории, но не годится для практики".

У одного из современных французских социологов я прочел: "Свобода печати подчиняется следующему парадоксальному принципу: организовать ее, значит ограничить, не ограничивать, значит убить эту свободу". Действительно, безнаказанность и полный иммунитет печати от ответственности означает ни что иное, как рождение новой деспотической формы

Средства массовой информации в демократическом обществе имеют ряд частично совпадающих четких функций. Одна из них - информировать и просвещать. Чтобы принимать разумные решения, касающиеся государственной политики, людям нужна точная, своевременная, беспристрастная информация. Разнообразие точек зрения требует, чтобы люди имели доступ к широкому спектру мнений. Эта роль особенно важна во время предвыборных кампаний, когда лишь небольшое число избирателей имеет возможность увидеть кандидата воочию, а еще меньшее число поговорить с ним. Им приходится полагаться на газеты и телевидение.

Эти функции средствами массовой информации в Узбекистане, в общем и целом, осуществляются. Хотя беспристрастности иногда не хватает.

Другая функция средств массовой информации - осуществлять контроль и наблюдение за действиями правительства и иных институтов власти в обществе. Придерживаясь стандартов независимости и объективности, они могут обнажать правду жизни, спрятанную за заявлениями правительства. На этой основе требовать от правительства отчета о его деятельности.

Средства массовой информации могут взять на себя более активную роль в общественных дебатах. Посредством редакционных статей, исследовательских репортажей они могут организовать кампанию за определенный политический курс или реформы, которые, по их мнению, должны быть проведены в жизнь. Они могут служить также форумом, где организации и отдельные лица имеют возможность выразить свои мнения в письмах и публикациях, содержащих противоположные точки зрения.

А вот с этими функциями средств массовой информации в Узбекистане не справляются. Кстати, на это уже не раз обращал внимание Президент И. Каримов, резко критикуя печать и телевидение за отсутствие дискуссионности, критики власти.

Убежден, что придать средствам массовой информации в Узбекистане необходимый уровень демократической энергетики можно только при условии вывода их из-под контроля соответствующих государственных структур.

Задача эта для Узбекистана, как и любого иного из посткоммунистических государств, архисложная. Здесь требуется разумная постепенность, хорошо продуманное законодательство, сильная судебная власть.

И когда на Западе по этому поводу говорят: ни минуты промедления, немедленно отменить цензуру, разрешить печатать все, что находится в рамках пристойности, любое критическое высказывание в адрес Президента, правительства, парламента, любые политические призывы - можно с полным основанием возразить словами И. Канта "может быть это хорошо для теории, но не годится для практики".

У одного из современных французских социологов я прочел: "Свобода печати подчиняется следующему парадоксальному принципу: организовать ее, значит ограничить, не ограничивать, значит убить эту свободу". Действительно, безнаказанность и полный иммунитет печати от ответственности означает ни что иное, как рождение новой деспотической формы

Средства массовой информации в демократическом обществе имеют ряд частично совпадающих четких функций. Одна из них - информировать и просвещать. Чтобы принимать разумные решения, касающиеся государственной политики, людям нужна точная, своевременная, беспристрастная информация. Разнообразие точек зрения требует, чтобы люди имели доступ к широкому спектру мнений. Эта роль особенно важна во время предвыборных кампаний, когда лишь небольшое число избирателей имеет возможность увидеть кандидата воочию, а еще меньшее число поговорить с ним. Им приходится полагаться на газеты и телевидение.

Эти функции средствами массовой информации в Узбекистане, в общем и целом, осуществляются. Хотя беспристрастности иногда не хватает.

Другая функция средств массовой информации - осуществлять контроль и наблюдение за действиями правительства и иных институтов власти в обществе. Придерживаясь стандартов независимости и объективности, они могут обнажать правду жизни, спрятанную за заявлениями правительства. На этой основе требовать от правительства отчета о его деятельности.

Средства массовой информации могут взять на себя более активную роль в общественных дебатах. Посредством редакционных статей, исследовательских репортажей они могут организовать кампанию за определенный политический курс или реформы, которые, по их мнению, должны быть проведены в жизнь. Они могут служить также форумом, где организации и отдельные лица имеют возможность выразить свои мнения в письмах и публикациях, содержащих противоположные точки зрения.

А вот с этими функциями средств массовой информации в Узбекистане не справляются. Кстати, на это уже не раз обращал внимание Президент И. Каримов, резко критикуя печать и телевидение за отсутствие дискуссионности, критики власти.

Убежден, что придать средствам массовой информации в Узбекистане необходимый уровень демократической энергетики можно только при условии вывода их из-под контроля соответствующих государственных структур.

Задача эта для Узбекистана, как и любого иного из посткоммунистических государств, архисложная. Здесь требуется разумная постепенность, хорошо продуманное законодательство, сильная судебная власть.

И когда на Западе по этому поводу говорят: ни минуты промедления, немедленно отменить цензуру, разрешить печатать все, что находится в рамках пристойности, любое критическое высказывание в адрес Президента, правительства, парламента, любые политические призывы - можно с полным основанием возразить словами И. Канта "может быть это хорошо для теории, но не годится для практики".

У одного из современных французских социологов я прочел: "Свобода печати подчиняется следующему парадоксальному принципу: организовать ее, значит ограничить, не ограничивать, значит убить эту свободу". Действительно, безнаказанность и полный иммунитет печати от ответственности означает ни что иное, как рождение новой деспотической формы

политической жизни. В силу этого достаточно жестко и на Западе встает проблема правовых ограничений и свободы печати в контексте обеспечения в деятельности печати взаимосвязи свободы и ответственности, групповых и общественных интересов.

Это на Западе, а что говорить о посткоммунистических государствах, к тому же среднеазиатских с их особым менталитетом, с их традиционным пиететом по отношению к власти.

Психологический пресс со стороны газет, под которым зачастую находится тот или иной политический деятель в новых независимых государствах, заставляет его отдавать предпочтение второстепенным вещам перед сущностью, сиюминутному перед перспективным, отказываться от весьма нужных для общества, но не популярных решений. Что там говорить, руководитель оказывается перед искушением оценивать успех своих решений, скорее по освещению в газетах, нежели по их эффективности.

Но если дело обстоит именно так, а в этом нет никакого сомнения, пресса, как я уже сказал, должна быть ограничена определенными сдержками и противовесами, законом, судебной властью, как и любой другой вид общественно-политической деятельности. Поэтому совершенно недопустимо создавать полный иммунитет печати от ответственности и полную безнаказность.

Можно поставить вопрос и так: кому и чему служат отдельные из газет, выпускаемые в переходный период при отсутствии цензуры, контроля, ограничений? Народу? Интересам простого человека? Нет, в этом отношении они работают значительно слабее, чем газеты, выходившие в условиях коммунистического режима. Надо откровенно признать, что в то время героями газетных полос были конкретные рабочие и крестьяне, представители науки и искусства. О них писали, их защищали. Попробуйте найти сегодня такие материалы в свободных, "бесцензурных" газетах.

И еще вопрос: способствует ли большинство газет, выходящих в условиях отсутствия контроля и цензуры, стабилизации общественной жизни, гражданскому миру и согласию? Ответ, как говорится, лежит на поверхности. Свободные газеты в большинстве своем систематически и целенаправленно ведут дело к дестабилизации общества, противостоянию различных политических групп, к социальным конфликтам. Они выполняют в этом случае заказ, причем не социальный заказ, а конкретный заказ определенных политических сил, имеющих деньги. Нередко это мафиозные структуры, сросшиеся с определенными политическими структурами. Очевидно, что отдельные свободные газеты стали не демократической, а достаточно влиятельной антидемократической силой.

Весьма показательна на этот счет соответствующая практика России и Кыргызстана.

В частности, судебная палата по информационным спорам при Президенте Российской Федерации неоднократно рассматривала обращения

политической жизни. В силу этого достаточно жестко и на Западе встает проблема правовых ограничений и свободы печати в контексте обеспечения в деятельности печати взаимосвязи свободы и ответственности, групповых и общественных интересов.

Это на Западе, а что говорить о посткоммунистических государствах, к тому же среднеазиатских с их особым менталитетом, с их традиционным пиететом по отношению к власти.

Психологический пресс со стороны газет, под которым зачастую находится тот или иной политический деятель в новых независимых государствах, заставляет его отдавать предпочтение второстепенным вещам перед сущностью, сиюминутному перед перспективным, отказываться от весьма нужных для общества, но не популярных решений. Что там говорить, руководитель оказывается перед искушением оценивать успех своих решений, скорее по освещению в газетах, нежели по их эффективности.

Но если дело обстоит именно так, а в этом нет никакого сомнения, пресса, как я уже сказал, должна быть ограничена определенными сдержками и противовесами, законом, судебной властью, как и любой другой вид общественно-политической деятельности. Поэтому совершенно недопустимо создавать полный иммунитет печати от ответственности и полную безнаказность.

Можно поставить вопрос и так: кому и чему служат отдельные из газет, выпускаемые в переходный период при отсутствии цензуры, контроля, ограничений? Народу? Интересам простого человека? Нет, в этом отношении они работают значительно слабее, чем газеты, выходившие в условиях коммунистического режима. Надо откровенно признать, что в то время героями газетных полос были конкретные рабочие и крестьяне, представители науки и искусства. О них писали, их защищали. Попробуйте найти сегодня такие материалы в свободных, "бесцензурных" газетах.

И еще вопрос: способствует ли большинство газет, выходящих в условиях отсутствия контроля и цензуры, стабилизации общественной жизни, гражданскому миру и согласию? Ответ, как говорится, лежит на поверхности. Свободные газеты в большинстве своем систематически и целенаправленно ведут дело к дестабилизации общества, противостоянию различных политических групп, к социальным конфликтам. Они выполняют в этом случае заказ, причем не социальный заказ, а конкретный заказ определенных политических сил, имеющих деньги. Нередко это мафиозные структуры, сросшиеся с определенными политическими структурами. Очевидно, что отдельные свободные газеты стали не демократической, а достаточно влиятельной антидемократической силой.

Весьма показательна на этот счет соответствующая практика России и Кыргызстана.

В частности, судебная палата по информационным спорам при Президенте Российской Федерации неоднократно рассматривала обращения

общественных организаций и граждан по поводу многочисленных публикаций в ряде газет, разжигающих социальную и национальную нетерпимость, восхваляющих идеологию фашизма.

Вот такая информация была опубликована в московской газете "Труд" 19 июля 1995 года под заголовком "А была ли вилла?"

"Процесс "Гражданин Акаев против газеты "Республика" закончился в столице Кыргызии. Суд признал редактора Замиру Садыкову и её заместителя виновными в клеветнических измышлениях в адрес гражданина Аскара Акаева и назначил журналисткам наказание в виде лишения свободы: редактору - на полтора года, заместителю - на год. При этом исполнение приговора отсрочено для редактора на полтора, а его заместителя - на год. Всё это время обе журналистки лишаются права заниматься журналистской деятельностью и не могут без уведомления правоохранительных органов менять место жительства.

Журналисты, сообщает ИТАР-ТАСС, обвинили Президента Кыргызстана в том, что он владеет виллой в Швейцарии и домом в Турции, якобы подаренным ему Президентом Сулейманом Демирелем, что Аскар Акаев категорически отрицает.

Нынешний процесс уже второй в Кыргызии, в котором обвиняемой стороной выступают журналисты. В прошлом году в судебном порядке была закрыта парламентская газета "Свободные горы". (Добавим: по причине грубейших оскорблений достоинства и чести Президента и откровенного антисемитизма).

Здесь вполне уместно напомнить афоризм: зрелая свобода ограничивает сама себя, незрелая нуждается в ограничениях. Не случайно в статье 10-й "Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод" указывается, что свобода слова и печати обуславливает возможность наложения обязанностей и ответственности, которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности, общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядка, защиты нравственности, защиты репутации или прав других лиц или обеспечения правосудия".

В связи с упомянутым приговором суда депутаты Государственной Думы России М. Полторанин и Л. Пономарев обратились с письмом к А. Акаеву. В нем написано следующее: "Уважаемый Аскар Акаевич! Мы обращаемся к Вам, как к основоположнику демократических преобразований в Вашей стране. Недавно были осуждены журналистки газеты "Республика" Т. Слащева и З. Садыкова, возбуждено уголовное дело против доктора К. Апаса. Эти люди были обвинены в клевете на Вас, господин Президент. Мы не ставим под сомнение справедливость решения суда, но призываем Вас проявить благородство и инициировать пересмотр уголовного дела с целью прекращения судебного преследования журналистов. Моральное удовлетворение вы получили, а их вина явно не сопоставима с жестокостью наказания. Мы также призываем Вас проявить благородство и отказаться от преследований К. Апаса.

общественных организаций и граждан по поводу многочисленных публикаций в ряде газет, разжигающих социальную и национальную нетерпимость, восхваляющих идеологию фашизма.

Вот такая информация была опубликована в московской газете "Труд" 19 июля 1995 года под заголовком "А была ли вилла?"

"Процесс "Гражданин Акаев против газеты "Республика"" закончился в столице Кыргызии. Суд признал редактора Замиру Садыкову и её заместителя виновными в клеветнических измышлениях в адрес гражданина Аскара Акаева и назначил журналисткам наказание в виде лишения свободы: редактору - на полтора года, заместителю - на год. При этом исполнение приговора отсрочено для редактора на полтора, а его заместителя - на год. Всё это время обе журналистки лишаются права заниматься журналистской деятельностью и не могут без уведомления правоохранительных органов менять место жительства.

Журналисты, сообщает ИТАР-ТАСС, обвинили Президента Кыргызстана в том, что он владеет виллой в Швейцарии и домом в Турции, якобы подаренным ему Президентом Сулейманом Демирелем, что Аскар Акаев категорически отрицает.

Нынешний процесс уже второй в Кыргызии, в котором обвиняемой стороной выступают журналисты. В прошлом году в судебном порядке была закрыта парламентская газета "Свободные горы". (Добавим: по причине грубейших оскорблений достоинства и чести Президента и откровенного антисемитизма).

Здесь вполне уместно напомнить афоризм: зрелая свобода ограничивает сама себя, незрелая нуждается в органичениях. Не случайно в статье 10-й "Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод" указывается, что свобода слова и печати обуславливает возможность наложения обязанностей и ответственности, которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности, общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядка, защиты нравственности, защиты репутации или прав других лиц или обеспечения правосудия".

В связи с упомянутым приговором суда депутаты Государственной Думы России М. Полторанин и Л. Пономарев обратились с письмом к А. Акаеву. В нем написано следующее: "Уважаемый Аскар Акаевич! Мы обращаемся к Вам, как к основоположнику демократических преобразований в Вашей стране. Недавно были осуждены журналистки газеты "Республика" Т. Слащева и З. Садыкова, возбуждено уголовное дело против доктора К. Апаса. Эти люди были обвинены в клевете на Вас, господин Президент. Мы не ставим под сомнение справедливость решения суда, но призываем Вас проявить благородство и инициировать пересмотр уголовного дела с целью прекращения судебного преследования журналистов. Моральное удовлетворение вы получили, а их вина явно не сопоставима с жестокостью наказания. Мы также призываем Вас проявить благородство и отказаться от преследований К. Апаса.

Молодая кыргызская демократия способна перенести даже несправедливые нападки нескольких людей, но уголовное преследование несогласных с Вашей политикой представляет для неё серьезную угрозу".

Вообще-то логика письма авторитетных деятелей Российского демократического движения не вполне ясна. С одной стороны, не ставится под сомнение то, что журналисты и иные с ними, клеветники и преследуются в уголовном порядке справедливо. С другой же - судебное решение выдается за инициированный Президентом акт расправы за несогласие с его политикой.

И уж совершенно непонятен бьющий через край космополитизм русского демократического движения, повышенный интерес к судьбам демократии в Кыргызстане или Узбекистане, в то время как по приказу российских властей и с молчаливого согласия этих самых демократов, уничтожались чеченские города и села и у стен самого Кремля фашисты совершенно свободно призывают к истреблению евреев. Как-то так получается, что демократический порядок в собственном доме для них дело второе.

Словом, обеспечить в средствах массовой информации необходимый плюрализм мнений и, одновременно, не допустить злоупотребления свободой слова в Узбекистане, как и в других новых независимых государствах, очень не просто. Повторяю, это требует постепенности, достаточно продолжительного времени.

Свобода вероисповеданий и совести.

Разумность, взвешенность и, я бы сказал, благородное достоинство, которые проявляет Президент Каримов по отношению к религии не может не вызывать самого искреннего уважения. С одной стороны, неприятие религиозного экстремизма любого толка, как проявления духовного и политического тоталитаризма, а с другой - всемерная поддержка религии в ее нравственной и просветительской сущности. Речь, естественно, идет, прежде всего, о мусульманской религии, об исламе.

Два взгляда, две точки зрения у западных специалистов по вопросу о сегодняшнем состоянии исламского возрождения в Узбекистане. Одни полагают, что после эйфории 3-4 летней давности сейчас наступил заметный спад религиозной активности. Другие же убеждены в том, что эта активность и в социально-культурной, и в политической сферах, в принципе, не ослабла. Они считают, что исламское возрождение в Узбекистане приобретает новые формы деятельности. Оно, если можно так выразиться, стало более спокойным, в нем сейчас меньше конфронтации и больше разумной компромиссности.

Во всяком случае, думаю, что вряд ли можно спорить по поводу того, что официальное духовенство в стране представляет значительную общественную силу. Есть сведения и о том, что нельзя сбрасывать со счета так называемые суфийские братства (тарикат).

По свидетельству различных источников, в Узбекистане с весьма различной степенью интенсивности действуют такие организации как: Исламская

Молодая кыргызская демократия способна перенести даже несправедливые нападки нескольких людей, но уголовное преследование несогласных с Вашей политикой представляет для неё серьезную угрозу".

Вообще-то логика письма авторитетных деятелей Российского демократического движения не вполне ясна. С одной стороны, не ставится под сомнение то, что журналисты и иже с ними, клеветники и преследуются в уголовном порядке справедливо. С другой же - судебное решение выдается за инициированный Президентом акт расправы за несогласие с его политикой.

И уж совершенно непонятен бьющий через край космополитизм русского демократического движения, повышенный интерес к судьбам демократии в Кыргызстане или Узбекистане, в то время как по приказу российских властей и с молчаливого согласия этих самых демократов, уничтожались чеченские города и села и у стен самого Кремля фашисты совершенно свободно призывают к истреблению евреев. Как-то так получается, что демократический порядок в собственном доме для них дело второе.

Словом, обеспечить в средствах массовой информации необходимый плюрализм мнений и, одновременно, не допустить злоупотребления свободой слова в Узбекистане, как и в других новых независимых государствах, очень непросто. Повторяю, это требует постепенности, достаточно продолжительного времени.

Свобода вероисповеданий и совести.

Разумность, взвешенность и, я бы сказал, благородное достоинство, которые проявляет Президент Каримов по отношению к религии не может не вызывать самого искреннего уважения. С одной стороны, неприятие религиозного экстремизма любого толка, как проявления духовного и политического тоталитаризма, а с другой - всемерная поддержка религии в ее нравственной и просветительской сущности. Речь, естественно, идет, прежде всего, о мусульманской религии, об исламе.

Два взгляда, две точки зрения у западных специалистов по вопросу о сегодняшнем состоянии исламского возрождения в Узбекистане. Одни полагают, что после эйфории 3-4 летней давности сейчас наступил заметный спад религиозной активности. Другие же убеждены в том, что эта активность и в социально-культурной, и в политической сферах, в принципе, не ослабла. Они считают, что исламское возрождение в Узбекистане приобретает новые формы деятельности. Оно, если можно так выразиться, стало более спокойным, в нем сейчас меньше конфронтации и больше разумной компромиссности.

Во всяком случае, думаю, что вряд ли можно спорить по поводу того, что официальное духовенство в стране представляет значительную общественную силу. Есть сведения и о том, что нельзя сбрасывать со счета так называемые суфийские братства (тарикат).

По свидетельству различных источников, в Узбекистане с весьма различной степенью интенсивности действуют такие организации как: Исламская

партия Возрождения, Хезболлах, "Адолят, Исламская демократическая партия, "Ваххабиты", Исламская партия Туркестана, Аль-Аркам. Они в большинстве своем малочисленны, массовой опоры в обществе не имеют. Однако потенциальные возможности некоторых из них недооценивать нельзя.

Отношение президента Узбекистана и властей в целом к различным формам исламского возрождения, как уже отмечалось, двойное. Терпимое, сочувственное и уважительное к культурно-просветительной деятельности, государственная поддержка религиозных акций по усилению нравственных начал жизни узбекского общества. И в то же время категорическое недопущение религиозного экстремизма и ультра-радикализма. В этих случаях власть действует достаточно жестко и энергично (Как это, например, было в отношении экстремистского движения "Адилат" в Наманганской области).

Великая демократическая ценность ислама в сегодняшнем Узбекистане очевидна. В чем тут дело? Чем это объяснить? Прежде всего, по-видимому, тем, что ислам соответствует требованиям нового демократического времени в силу двух своих качеств - нравственной чистоты и эгалитаризма. Ислам всегда подспудно присутствует в жизни широких общественных слоев страны, даже если это не всегда просматривается с первого взгляда.

Неразрывная связь ислама с повседневной жизнью позволяет ему оказывать воздействие на самоидентификацию каждого человека, воспитывает в человеке чувство принадлежности к некоему единому братству людей. Исламская культура утверждает равенство богатых и бедных, власти и подвластных. Она несет в себе протест против привилегий и сверхпривилегий современного рыночного общества, поворачивает взгляд людей к великим традициям прошлого, из которого, в силу удивительных свойств памяти, всегда уходит в небытие плохое и со светлой тоской и печалью вспоминается и остается все хорошее.

И еще. Развитие прав человека может быть обеспечено развитием в обществе некоей контрсилы, способной ограничивать государство, сдерживать его, контролировать его. Этой силой может быть лишь гражданское общество. Ислам, как явление гражданского общества, не позволяет государству быть монополистом на истину, способным безоговорочно навязывать всем и всякому свое, невызывающее вопросов представление о вере и законе, и быть подотчетным только богу, но не своим согражданам.

Государственное признание получили религиозные мусульманские праздники Курбан хайт и Рамазан хайт. Впервые на современном узбекском языке был издан Коран и четырехтомник хадисов, собранных имамом Бухары.

До провозглашения государственной независимости в Узбекистане было 80 мечетей и всего два мусульманских религиозных учебных заведения. Уже к концу 1994 года число мечетей составило 5200, а число мусульманских учебных заведений - 10, готовящих религиозных деятелей различного толка.

партия Возрождения, Хезболлах, Адолят, Исламская демократическая партия, "Ваххабиты", Исламская партия Туркестана, Аль-Аркам. Они в большинстве своем малочисленны, массовой опоры в обществе не имеют. Однако потенциальные возможности некоторых из них недооценивать нельзя.

Отношение президента Узбекистана и властей в целом к различным формам исламского возрождения, как уже отмечалось, двойное. Терпимое, сочувственное и уважительное к культурно-просветительной деятельности, государственная поддержка религиозных акций по усилению нравственных начал жизни узбекского общества. И в то же время категорическое недопущение религиозного экстремизма и ультра-радикализма. В этих случаях власть действует достаточно жестко и энергично (Как это, например, было в отношении экстремистского движения "Адилат" в Наманганской области).

Великая демократическая ценность ислама в сегодняшнем Узбекистане очевидна. В чем тут дело? Чем это объяснить? Прежде всего, по-видимому, тем, что ислам соответствует требованиям нового демократического времени в силу двух своих качеств - нравственной чистоты и эгалитаризма. Ислам всегда подспудно присутствует в жизни широких общественных слоев страны, даже если это не всегда просматривается с первого взгляда.

Неразрывная связь ислама с повседневной жизнью позволяет ему оказывать воздействие на самоидентификацию каждого человека, воспитывает в человеке чувство принадлежности к некоему единому братству людей. Исламская культура утверждает равенство богатых и бедных, власти и подвластных. Она несет в себе протест против привилегий и сверхпривилегий современного рыночного общества, поворачивает взгляд людей к великим традициям прошлого, из которого, в силу удивительных свойств памяти, всегда уходит в небытие плохое и со светлой тоской и печалью вспоминается и остается все хорошее.

И еще. Развитие прав человека может быть обеспечено развитием в обществе некоей контрсилы, способной ограничивать государство, сдерживать его, контролировать его. Этой силой может быть лишь гражданское общество. Ислам, как явление гражданского общества, не позволяет государству быть монополистом на истину, способным безоговорочно навязывать всем и всякому свое, невызывающее вопросов представление о вере и законе, и быть подотчетным только богу, но не своим согражданам.

Государственное признание получили религиозные мусульманские праздники Курбан хайт и Рамазан хайт. Впервые на современном узбекском языке был издан Коран и четырехтомник хадисов, собранных имамом Бухары.

До провозглашения государственной независимости в Узбекистане было 80 мечетей и всего два мусульманских религиозных учебных заведения. Уже к концу 1994 года число мечетей составило 5200, а число мусульманских учебных заведений - 10, готовящих религиозных деятелей различного толка.

Созданы условия для участия в религиозных обрядах Хадж и Умра, проводимых в Мекке и Медине. На эти цели из государственного бюджета выделяются значительные суммы.

Государство содействует развитию разнообразных связей мусульман Узбекистана с духовными организациями и верующими других мусульманских стран мира, подготовке в этих странах высококвалифицированных служителей религиозного исламского культа.

В Узбекистане исповедуют и другие религии. В их числе: русская православная церковь, общество евангельских христиан-баптистов, иудаисты, адвентисты 7 дня, католицизм, лютеранство, общины бахаи, общество сознания кришны, общество буддистской религии, христиане веры евангельской (пятидесятники), свидетели Бога Иеговы, новоапостольская церковь, христианско-пресвитерианская церковь, методисты.

Наиболее крупные религиозные организации имеют свои центры - это Ташкентское и Среднеазиатское епархиальное управление русской православной церкви, Союз церквей евангельских христиан-баптистов Узбекистана, Центр еврейского воспитания, Конференция церквей адвентистов 7 дня. Всего к сентябрю 1994 года в Узбекистане функционировало более 130 неисламских церквей. Имеются три неисламских религиозных учебных заведения - православное училище, иудейское ешива и баптистская семинария. Кроме того, есть еще воскресные школы. Русская православная церковь открыла женский монастырь, у католиков работает община сестер Ордена матери Терезы.

Почти все немусульманские религиозные организации наладили прочные связи с зарубежными единоверцами, посылают в Узбекистан гуманитарную помощь, медикаменты, помогают в строительстве молитвенных домов, обмениваются делегациями, духовной литературой. В 1994 году, например, в Узбекистан приезжали религиозные представители из Южной Кореи, Швеции, Израиля, США, Германии, Индии, Польши.

Для сравнения, чтобы лучше воспринимать всё, что делается в Узбекистане в сфере религии, в сфере свободы совести приведу, хотя бы, такой пример. В середине июля 1995 года Московская областная дума обратилась к властям России с призывом отказаться от сооружения мечети и синагоги рядом с православным храмом на Поклонной горе в парке Победы. Это обращение было справедливо расценено представителями различных конфессий России как "черносотенное". Думаю, что даже самый строгий критик Президента И. Каримова согласится с тем, что в Узбекистане подобного рода факты невозможно даже представить.

На законодательном уровне в Узбекистане урегулирован весь комплекс вопросов, связанных с правами верующих и статусом служителей культа. Был принят Закон "О свободе совести и религиозных организациях" (3 сентября 1993 года), предусматривающий широкий спектр правовых гарантий.

Созданы условия для участия в религиозных обрядах Хадж и Умра, проводимых в Мекке и Медине. На эти цели из государственного бюджета выделяются значительные суммы.

Государство содействует развитию разнообразных связей мусульман Узбекистана с духовными организациями и верующими других мусульманских стран мира, подготовке в этих странах высококвалифицированных служителей религиозного исламского культа.

В Узбекистане исповедуют и другие религии. В их числе: русская православная церковь, общество евангельских христиан-баптистов, иудаисты, адвентисты 7 дня, католицизм, лютеранство, общины бахаи, общество сознания кришны, общество буддистской религии, христиане веры евангельской (пятидесятники), свидетели Бога Иеговы, новоапостольская церковь, христианско-пресвитерианская церковь, методисты.

Наиболее крупные религиозные организации имеют свои центры - это Ташкентское и Среднеазиатское епархиальное управление русской православной церкви, Союз церквей евангельских христиан-баптистов Узбекистана, Центр еврейского воспитания, Конференция церквей адвентистов 7 дня. Всего к сентябрю 1994 года в Узбекистане функционировало более 130 неисламских церквей. Имеются три неисламских религиозных учебных заведения - православное училище, иудейское ешива и баптистская семинария. Кроме того, есть еще воскресные школы. Русская православная церковь открыла женский монастырь, у католиков работает община сестер Ордена матери Терезы.

Почти все немусульманские религиозные организации наладили прочные связи с зарубежными единоверцами, посылают в Узбекистан гуманитарную помощь, медикаменты, помогают в строительстве молитвенных домов, обмениваются делегациями, духовной литературой. В 1994 году, например, в Узбекистан приезжали религиозные представители из Южной Кореи, Швеции, Израиля, США, Германии, Индии, Польши.

Для сравнения, чтобы лучше воспринимать всё, что делается в Узбекистане в сфере религии, в сфере свободы совести приведу, хотя бы, такой пример. В середине июля 1995 года Московская областная дума обратилась к властям России с призывом отказаться от сооружения мечети и синагоги рядом с православным храмом на Поклонной горе в парке Победы. Это обращение было справедливо расценено представителями различных конфессий России как "черносотенное". Думаю, что даже самый строгий критик Президента И. Каримова согласится с тем, что в Узбекистане подобного рода факты невозможно даже представить.

На законодательном уровне в Узбекистане урегулирован весь комплекс вопросов, связанных с правами верующих и статусом служителей культа. Был принят Закон "О свободе совести и религиозных организациях" (3 сентября 1993 года), предусматривающий широкий спектр правовых гарантий.

От провозглашения свобод к их гарантиям.

Сколько бы и как бы торжественно в той или иной стране не провозглашались права и свободы человека, они в конечном счете, пустой звук, если нет независимого и сильного суда, других государственно-правовых механизмов, способных обеспечить эти права и свободы.

Фемида от века была, есть и будет последним и самым надежным защитником свободы вообще и свободы каждого человека в особенности. Это не просто, как сейчас принято говорить, правоохранительный орган, обеспечивающий борьбу с преступлениями и наказание виновных. Правосудие, правый суд являет собой само бытие свободы в обществе; через правый суд - правосудие люди утверждают свое достоинство, приращенные права и свою самооценку.

Чтобы не застревать на этих высоких и в чем-то, наверное, высокопарных словах, коротко о земных проблемах судебной власти в Узбекистане.

Конституция Узбекистана предполагает равенство всех ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной. А что же в реальности? Начиная от зданий, помещений, где работают суды, и кончая действительным статусом судей - ни о каком равенстве не может быть и речи. Многие государственные чиновники самого высокого ранга по-прежнему воспринимают суды в одной связке с органами милиции, другими административными учреждениями. Это же нечто из советских времен.

В результате - судебная власть в отличие от других ветвей власти, законодательной и исполнительной, прогресса в своей деятельности не имеет.

В отличии, скажем, от России, суды в Узбекистане не подменяются арбитражем мафии и кровавыми разборками. Однако дальнейшее пребывание судов на обочине государственной жизни может привести к последствиям, способным нанести очень серьезный урон демократическому развитию страны.

В этом смысле не может не внушать надежду та глубокая тревога и те соображения, которые в последнее время высказываются по поводу совершенствования судебной системы Президентом Каримовым.

По инициативе президента Олий Мажлис утвердил должность своего уполномоченного по правам человека. Эту должность заняла уважаемый и известный в республике ученый С. Рашидова.

Институт уполномоченного по правам человека называется в мировой практике словом "омбудсмен". Он занимает важное место в системе органов, осуществляющих контроль за деятельностью аппарата исполнительной власти, защищающих права граждан от произвола государственных органов и злоупотребления властью со стороны чиновников. Институт парламентского омбудсмана был основан впервые в Швеции в 1809 году. В настоящее время существует более 100 омбудсменов в различных странах мира. В государственно-правовом смысле омбудсмен понимается как достойное доверия, независимое лицо, уполномоченное

От провозглашения свобод к их гарантиям.

Сколько бы и как бы торжественно в той или иной стране не провозглашались права и свободы человека, они в конечном счете, пустой звук, если нет независимого и сильного суда, других государственно-правовых механизмов, способных обеспечить эти права и свободы.

Фемида от века была, есть и будет последним и самым надежным защитником свободы вообще и свободы каждого человека в особенности. Это не просто, как сейчас принято говорить, правоохранительный орган, обеспечивающий борьбу с преступлениями и наказание виновных. Правосудие, правый суд являет собой само бытие свободы в обществе; через правый суд - правосудие люди утверждают свое достоинство, приращенные права и свою самооценку.

Чтобы не застревать на этих высоких и в чем-то, наверное, высокопарных словах, коротко о земных проблемах судебной власти в Узбекистане.

Конституция Узбекистана предполагает равенство всех ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной. А что же в реальности? Начиная от зданий, помещений, где работают суды, и кончая действительным статусом судей - ни о каком равенстве не может быть и речи. Многие государственные чиновники самого высокого ранга по-прежнему воспринимают суды в одной связке с органами милиции, другими административными учреждениями. Это же нечто из советских времен.

В результате - судебная власть в отличие от других ветвей власти, законодательной и исполнительной, прогресса в своей деятельности не имеет.

В отличие, скажем, от России, суды в Узбекистане не подменяются арбитражем мафии и кровавыми разборками. Однако дальнейшее пребывание судов на обочине государственной жизни может привести к последствиям, способным нанести очень серьезный урон демократическому развитию страны.

В этом смысле не может не внушать надежду та глубокая тревога и те соображения, которые в последнее время высказываются по поводу совершенствования судебной системы Президентом Каримовым.

По инициативе президента Олий Мажлис утвердил должность своего уполномоченного по правам человека. Эту должность заняла уважаемый и известный в республике ученый С. Рашидова.

Институт уполномоченного по правам человека называется в мировой практике словом "омбудсмен". Он занимает важное место в системе органов, осуществляющих контроль за деятельностью аппарата исполнительной власти, защищающих права граждан от произвола государственных органов и злоупотребления властью со стороны чиновников. Институт парламентского омбудсмана был основан впервые в Швеции в 1809 году. В настоящее время существует более 100 омбудсменов в различных странах мира. В государственно-правовом смысле омбудсмен понимается как достойное доверия, независимое лицо, уполномоченное

От провозглашения свобод к их гарантиям.

Сколько бы и как бы торжественно в той или иной стране не провозглашались права и свободы человека, они в конечном счете, пустой звук, если нет независимого и сильного суда, других государственно-правовых механизмов, способных обеспечить эти права и свободы.

Фемида от века была, есть и будет последним и самым надежным защитником свободы вообще и свободы каждого человека в особенности. Это не просто, как сейчас принято говорить, правоохранительный орган, обеспечивающий борьбу с преступлениями и наказание виновных. Правосудие, правый суд являет собой само бытие свободы в обществе; через правый суд - правосудие люди утверждают свое достоинство, приращенные права и свою самооценку.

Чтобы не застревать на этих высоких и в чем-то, наверное, высокопарных словах, коротко о земных проблемах судебной власти в Узбекистане.

Конституция Узбекистана предполагает равенство всех ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной. А что же в реальности? Начиная от зданий, помещений, где работают суды, и кончая действительным статусом судей - ни о каком равенстве не может быть и речи. Многие государственные чиновники самого высокого ранга по-прежнему воспринимают суды в одной связке с органами милиции, другими административными учреждениями. Это же нечто из советских времен.

В результате - судебная власть в отличие от других ветвей власти, законодательной и исполнительной, прогресса в своей деятельности не имеет.

В отличие, скажем, от России, суды в Узбекистане не подменяются арбитражем мафии и кровавыми разборками. Однако дальнейшее пребывание судов на обочине государственной жизни может привести к последствиям, способным нанести очень серьезный урон демократическому развитию страны.

В этом смысле не может не внушать надежду та глубокая тревога и те соображения, которые в последнее время высказываются по поводу совершенствования судебной системы Президентом Каримовым.

По инициативе президента Олий Мажлис утвердил должность своего уполномоченного по правам человека. Эту должность заняла уважаемый и известный в республике ученый С. Рашидова.

Институт уполномоченного по правам человека называется в мировой практике словом "омбудсмен". Он занимает важное место в системе органов, осуществляющих контроль за деятельностью аппарата исполнительной власти, защищающих права граждан от произвола государственных органов и злоупотребления властью со стороны чиновников. Институт парламентского омбудсмана был основан впервые в Швеции в 1809 году. В настоящее время существует более 100 омбудсменов в различных странах мира. В государственно-правовом смысле омбудсмен понимается как достойное доверия, независимое лицо, уполномоченное

парламентом на охрану прав отдельных граждан и осуществляющее опосредованный парламентский контроль в форме обширного надзора за всеми государственными должностями, но без права изменения принятых решений.

Популярность и авторитет омбудсмана объясняются многими демократическими чертами, характеризующими его статус и обеспечивающими эффективность его деятельности: независимость от государственных органов, несменяемость в течение всей легислатуры парламента, которым он назначается или избирается. Это и право омбудсмана на законодательную инициативу, доступность и отсутствие формализованных процедур разбирательства жалоб, бесплатность оказания гражданам помощи и т. д.

Опыт свидетельствует, что потребность в такого рода органе, в такого рода должностном лице возникает прежде всего тогда, когда существующие институты не позволяют осуществлять эффективный контроль в сфере исполнительной власти и возникает необходимость дополнительной защиты прав граждан, что и имеет сейчас место в Узбекистане.

Юридические механизмы защиты прав граждан действуют в определенном политическом, социальном, социально-психологическом аспекте, который может снижать эффективность правозащитных институтов, иногда сводить их на нет, либо, напротив, усиливать их действие.

Права человека не реализуются автоматически, даже при благоприятных условиях. Необходимы усилия каждого человека по реализации своих прав и даже борьба за них.

Известный правовед Р. Иеринг выразил эту идею таким образом: "Вся жизнь права являет перед нами такое же зрелище неустанного напряженного труда со стороны всей нации, которое представляет деятельность последней в области экономики и духовного производства. Всякое отдельное лицо, которому приходится отстаивать свое право, имеет свою долю участия в этой национальной работе, по мере своих сил способствует осуществлению идеи права". Поэтому в орбите правосудия вечным спутником суда была и остается адвокатура.

Реальная защита законных интересов граждан, в особенности, в сфере правосудия, практически невозможна без коренного усовершенствования деятельности адвокатуры. Как ни странно, но именно решение этой задачи включает в себя наиболее трудно решаемые проблемы и организационного, и имущественного характера. Переход к рынку и неизбежно связанное с этим социальное расслоение, а сегодня это и обнищание части населения, создает исключительно неравные возможности в использовании гражданами адвокатской помощи для реализации и защиты своих прав. Десятки тысяч людей просто не в состоянии оплатить услуги адвоката вообще, а квалифицированного тем более.

Поэтому в Узбекистане стоит дилемма - или создать правовую помощь малоимущим при помощи государства, либо они лишаются фактически правовой защиты. Но во втором случае, придется закончить рассуждения о

парламентом на охрану прав отдельных граждан и осуществляющее опосредованный парламентский контроль в форме обширного надзора за всеми государственными должностями, но без права изменения принятых решений.

Популярность и авторитет омбудсмана объясняются многими демократическими чертами, характеризующими его статус и обеспечивающими эффективность его деятельности: независимость от государственных органов, несменяемость в течение всей легислатуры парламента, которым он назначается или избирается. Это и право омбудсмана на законодательную инициативу, доступность и отсутствие формализованных процедур разбирательства жалоб, бесплатность оказания гражданам помощи и т. д.

Опыт свидетельствует, что потребность в такого рода органе, в такого рода должностном лице возникает прежде всего тогда, когда существующие институты не позволяют осуществлять эффективный контроль в сфере исполнительной власти и возникает необходимость дополнительной защиты прав граждан, что и имеет сейчас место в Узбекистане.

Юридические механизмы защиты прав граждан действуют в определенном политическом, социальном, социально-психологическом аспекте, который может снижать эффективность правозащитных институтов, иногда сводить их на нет, либо, напротив, усиливать их действие.

Права человека не реализуются автоматически, даже при благоприятных условиях. Необходимы усилия каждого человека по реализации своих прав и даже борьба за них.

Известный правовед Р. Иеринг выразил эту идею таким образом: "Вся жизнь права являет перед нами такое же зрелище неустанного напряженного труда со стороны всей нации, которое представляет деятельность последней в области экономики и духовного производства. Всякое отдельное лицо, которому приходится отстаивать свое право, имеет свою долю участия в этой национальной работе, по мере своих сил способствует осуществлению идеи права". Поэтому в орбите правосудия вечным спутником суда была и остается адвокатура.

Реальная защита законных интересов граждан, в особенности, в сфере правосудия, практически невозможна без коренного усовершенствования деятельности адвокатуры. Как ни странно, но именно решение этой задачи включает в себя наиболее трудно решаемые проблемы и организационного, и имущественного характера. Переход к рынку и неизбежно связанное с этим социальное расслоение, а сегодня это и обнищание части населения, создает исключительно неравные возможности в использовании гражданами адвокатской помощи для реализации и защиты своих прав. Десятки тысяч людей просто не в состоянии оплатить услуги адвоката вообще, а квалифицированного тем более.

Поэтому в Узбекистане стоит дилемма - или создать правовую помощь малоимущим при помощи государства, либо они лишаются фактически правовой защиты. Но во втором случае, придется закончить рассуждения о

правовом государстве. Демократия и гражданское правовое общество при таком развитии событий в значительной мере лишаются смысла.

Защита прав и свобод личности связана не только с совершенствованием ее юридических механизмов и институтов. Способы реализации и защиты прав, так называемого, второго поколения - социально-экономических и культурных - иные, чем личных и экономических прав. Здесь юридические механизмы должны подкрепляться определенным уровнем экономического развития, ростом производства, накоплением народного богатства. Это задача государства, скорее не в его правовой ипостаси, а в социальной, не "правового государства", а "социального государства". В деле формирования "социального государства" успехи Узбекистана, как уже сказано, очевидны.

Думаю, что из всех западных конституционных идей для Узбекистана в контексте политического курса Президента И. Каримова наиболее приемлемой является идея социального государства. В частности, в статье 1 Конституции ФРГ записано, что Федеративная Республика Германии является демократическим социальным государством. К основным принципам социального государства отнесены: обеспечение условий жизни, не унижающих человеческого достоинства, социальное равенство, оказание социальной помощи нуждающимся. Прекрасные идеи, которые, и это главное, в ФРГ стали повседневной практикой. Узбекистан сегодня и в обозримом будущем вряд ли будет обладать социально-экономическими возможностями Германии. Однако социальная политика Президента И. Каримова по своей направленности нацелена именно на такую перспективу.

О своей деятельности на посту Президента Франции Франсуа Миттеран как-то сказал: "Я чувствовал свою близость к обездоленным и грусть от того, что не всегда могу помочь им." Убежден, что Президент Узбекистана имеет все основания для подобных слов.

Недавно в свет вышла книга видного итальянского историка Джузеппе Боффа "От СССР к России. История незаконченного кризиса". Глубокая, содержательная книга, которая должна вызвать большой интерес у специалистов и широкого читателя. Подводя итоги исследования, Дж. Боффа характеризует либерализацию цен, начатую в январе 1992 года, самой жестокой операцией какого-либо правительства в мире против собственного народа. Сбережения, накопленные гражданами, нередко за целую жизнь, были уничтожены в один день, к тому же без всякой выгоды для экономики. И никакие благословения МВФ здесь оправданием быть не могут.

Ранее такую же мысль со всей определенностью высказал крупнейший американский ученый Джон Гэлбрайт. По его мнению, навязывание капитализма и рыночной экономики в постсоветских странах в чистом виде, без социальных компенсаций и гарантий совершенно неприемлемо с позиции прав человека. (Le Monde, 29.03.1994).

Вообще-то это все запоздалые признания. Это уже не политические рекомендации, не экономические рекомендации, а, так сказать, реквием.

правовом государстве. Демократия и гражданское правовое общество при таком развитии событий в значительной мере лишаются смысла.

Защита прав и свобод личности связана не только с совершенствованием ее юридических механизмов и институтов. Способы реализации и защиты прав, так называемого, второго поколения - социально-экономических и культурных - иные, чем личных и экономических прав. Здесь юридические механизмы должны подкрепляться определенным уровнем экономического развития, ростом производства, накоплением народного богатства. Это задача государства, скорее не в его правовой ипостаси, а в социальной, не "правового государства", а "социального государства". В деле формирования "социального государства" успехи Узбекистана, как уже сказано, очевидны.

Думаю, что из всех западных конституционных идей для Узбекистана в контексте политического курса Президента И. Каримова наиболее приемлемой является идея социального государства. В частности, в статье 1 Конституции ФРГ записано, что Федеративная Республика Германии является демократическим социальным государством. К основным принципам социального государства отнесены: обеспечение условий жизни, не унижающих человеческого достоинства, социальное равенство, оказание социальной помощи нуждающимся. Прекрасные идеи, которые, и это главное, в ФРГ стали повседневной практикой. Узбекистан сегодня и в обозримом будущем вряд ли будет обладать социально-экономическими возможностями Германии. Однако социальная политика Президента И. Каримова по своей направленности нацелена именно на такую перспективу.

О своей деятельности на посту Президента Франции Франсуа Миттеран как-то сказал: "Я чувствовал свою близость к обездоленным и грусть от того, что не всегда могу помочь им." Убежден, что Президент Узбекистана имеет все основания для подобных слов.

Недавно в свет вышла книга видного итальянского историка Джузеппе Боффа "От СССР к России. История незаконченного кризиса". Глубокая, содержательная книга, которая должна вызвать большой интерес у специалистов и широкого читателя. Подводя итоги исследования, Дж. Боффа характеризует либерализацию цен, начатую в январе 1992 года, самой жестокой операцией какого-либо правительства в мире против собственного народа. Сбережения, накопленные гражданами, нередко за целую жизнь, были уничтожены в один день, к тому же без всякой выгоды для экономики. И никакие благословления МВФ здесь оправданием быть не могут.

Ранее такую же мысль со всей определенностью высказал крупнейший американский ученый Джон Гэлбрайт. По его мнению, навязывание капитализма и рыночной экономики в постсоветских странах в чистом виде, без социальных компенсаций и гарантий совершенно неприемлемо с позиции прав человека. (Le Monde, 29.03.1994).

Вообще-то это все запоздалые признания. Это уже не политические рекомендации, не экономические рекомендации, а, так сказать, реквием.

Но я о другом. Не было голоса более сильного, который в те годы звучал против этого масштабнейшего нарушения прав человека, осуществляемого при одобрении Запада, во всяком случае, при его молчаливом согласии, чем голос Президента Узбекистана. Государственная власть в этой стране, связанная рублевыми валютными путями, как могла боролась за интересы своих граждан.

Государство взяло на себя защиту наиболее нуждающихся слоев населения. Это нашло свое отражение в гарантированных, достаточно высоких, сравнительно с прожиточным минимумом, минимальных размерах заработной платы и пенсий, нормированном распределении товаров первой жизненной необходимости, выплате реальных компенсаций. В Узбекистане сохранялись самые низкие цены на хлеб и муку, что, учитывая структуру рациона питания узбекского населения, имело исключительное значение. В школах для учеников 1-5 классов были организованы бесплатные завтраки, для старшеклассников и студентов - льготное питание.

Действенным инструментом социальной политики стал Указ Президента от 23 августа 1994 года "О мерах по усилению социальной защиты малообеспеченных семей". Указ, в частности, предусматривал создание во всех органах местного самоуправления специальных фондов по оказанию материальной помощи малообеспеченным семьям (за счет республиканского и местных бюджетов и внебюджетных средств).

Было установлено, что материальная помощь малообеспеченным семьям в виде ежемесячных выплат назначается по решению сходов или собраний граждан в местных сообществах с соблюдением принципов справедливости и гласности.

В системе социальных гарантий прав и свобод в Узбекистане одна из главных - школьная реформа. Особенно с учетом исторических традиций народа. Ее цель - школа, в полной мере учитывающая и национальные традиции, и достижения мировой педагогики, образование, построенное на принципах доступности, патриотизма, гуманизма.

В последней работе известного философа А. Зиновьева "Гибель империи зла" (очерк Российской трагедии) есть следующий пассаж: "В России нет той системы воспитания и образования детей и молодежи, которая еще не так давно считалась лучшей в мире ... Те поколения, которые теперь подрастают, уже принадлежат к иному миру, к иной цивилизации, к иной человеческой общности. Они не имеют исторических корней в делах, идеях и системе ценностей своих предшественников. Растет поколение людей являющихся карикатурной имитацией всего худшего, созданного в странах Запада. Растет поколение плохо образованных, завистливых, жадных до денег и развлечений, морально растленных с детства, лишенных понятия Родины и гражданского долга ... С таким человеческим материалом уже невозможны великие свершения."

Я категорически не приемлю большинство выводов этой работы А. Зиновьева, но с данной констатацией, выраженной с тонкой искренностью и болью, не могу не согласиться. Это, воистину, проблема апокалипсисти-

Но я о другом. Не было голоса более сильного, который в те годы звучал против этого масштабнейшего нарушения прав человека, осуществляемого при одобрении Запада, во всяком случае, при его молчаливом согласии, чем голос Президента Узбекистана. Государственная власть в этой стране, связанная рублевыми валютными путями, как могла боролась за интересы своих граждан.

Государство взяло на себя защиту наиболее нуждающихся слоев населения. Это нашло свое отражение в гарантированных, достаточно высоких, сравнительно с прожиточным минимумом, минимальных размерах заработной платы и пенсий, нормированном распределении товаров первой жизненной необходимости, выплате реальных компенсаций. В Узбекистане сохранялись самые низкие цены на хлеб и муку, что, учитывая структуру рациона питания узбекского населения, имело исключительное значение. В школах для учеников 1-5 классов были организованы бесплатные завтраки, для старшеклассников и студентов - льготное питание.

Действенным инструментом социальной политики стал Указ Президента от 23 августа 1994 года "О мерах по усилению социальной защиты малообеспеченных семей". Указ, в частности, предусматривал создание во всех органах местного самоуправления специальных фондов по оказанию материальной помощи малообеспеченным семьям (за счет республиканского и местных бюджетов и внебюджетных средств).

Было установлено, что материальная помощь малообеспеченным семьям в виде ежемесячных выплат назначается по решению сходов или собраний граждан в местных сообществах с соблюдением принципов справедливости и гласности.

В системе социальных гарантий прав и свобод в Узбекистане одна из главных - школьная реформа. Особенно с учетом исторических традиций народа. Ее цель - школа, в полной мере учитывающая и национальные традиции, и достижения мировой педагогики, образование, построенное на принципах доступности, патриотизма, гуманизма.

В последней работе известного философа А. Зиновьева "Гибель империи зла" (очерк Российской трагедии) есть следующий пассаж: "В России нет той системы воспитания и образования детей и молодежи, которая еще не так давно считалась лучшей в мире ... Те поколения, которые теперь подрастают, уже принадлежат к иному миру, к иной цивилизации, к иной человеческой общности. Они не имеют исторических корней в делах, идеях и системе ценностей своих предшественников. Растет поколение людей являющихся карикатурной имитацией всего худшего, созданного в странах Запада. Растет поколение плохо образованных, завистливых, жадных до денег и развлечений, морально растленных с детства, лишенных понятия Родины и гражданского долга ... С таким человеческим материалом уже невозможны великие свершения."

Я категорически не приемлю большинство выводов этой работы А. Зиновьева, но с данной констатацией, выраженной с тонкой искренностью и болью, не могу не согласиться. Это, воистину, проблема апокалипсисти-

ческого характера, без решения которой все остальное теряет смысл: и экономика, и политика. Под таким ракурсом отчетливой воспринимаешь масштабность и глубину того, что пытаются сделать в Узбекистане в рамках реформы школы.

Ряд замечаний Президента Каримова относительно реформы образования - несомненно, результат напряженного поиска лучших решений. Он против обнищания души школьника при обогащении информацией, за вариативное образование, главная миссия которого - расширение возможностей развития личности, обретение ею самостоятельности, за не государственное и семейное образование, традиционное для узбеков, когда старшие дети учат младших.

В соответствующей статистике обращает на себя внимание прежде всего то, что государство, действительно, на практике обеспечивает уважительное отношение к языкам, обычаям и традициям проживающих на ее территории этносов. (Данные на 1 сентября 1994 года):

язык обучения	количество школ	число учащихся (в тыс.)
узбекский	7.716	3.856
русский	1.000	459.7
казахский	605	144.9
таджикский	381	129.9
каракалпакский	345	125
туркменский	70	18.2
кыргызский	58	11.6

Кроме того, изучают родной язык: корейский - в 27 школах, крымско-татарский - в 25 школах, татарский - в 11 школах, греческий - в 4 школах, уйгурский - в 3 школах, немецкий - в 1 школе. (Немецкий язык, как иностранный, изучает 950 тысяч школьников).

В республике большой учительский корпус - более 550 тысяч человек, получающий от государства максимально возможную социальную поддержку: снижены учебные нагрузки (что особенно важно для сельских учителей), предоставляются бесплатные квартиры, бесплатное отопление и освещение, на льготных условиях выделяются земельные участки.

В республике сейчас функционирует 55 высших учебных заведений, в том числе, 16 университетов, 7 медицинских институтов, 6 педагогических институтов, 4 института сельского хозяйства, 3 института культуры, 1 институт железнодорожного транспорта, 1 институт связи, в которых обучается 317 тысяч студентов, в том числе, на дневном отделении - 176 тысяч человек. 60 тысяч специалистов различного профиля уже было подготовлено для народного хозяйства Узбекистана после обретения независимости. В системе высшего образования занято 25 тысяч преподавателей, в том числе, более 1 тысячи докторов наук, 11 тысяч кандидатов наук.

ческого характера, без решения которой все остальное теряет смысл: и экономика, и политика. Под таким ракурсом отчетливей воспринимаешь масштабность и глубину того, что пытаются сделать в Узбекистане в рамках реформы школы.

Ряд замечаний Президента Каримова относительно реформы образования - несомненно, результат напряженного поиска лучших решений. Он против обнищания души школьника при обогащении информацией, за вариативное образование, главная миссия которого - расширение возможностей развития личности, обретение ею самостоятельности, за не государственное и семейное образование, традиционное для узбеков, когда старшие дети учат младших.

В соответствующей статистике обращает на себя внимание прежде всего то, что государство, действительно, на практике обеспечивает уважительное отношение к языкам, обычаям и традициям проживающих на ее территории этносов. (Данные на 1 сентября 1994 года):

язык обучения	количество школ	число учащихся (в тыс.)
узбекский	7.716	3.856
русский	1.000	459.7
казахский	605	144.9
таджикский	381	129.9
каракалпакский	345	125
туркменский	70	18.2
кыргызский	58	11.6

Кроме того, изучают родной язык: корейский - в 27 школах, крымско-татарский - в 25 школах, татарский - в 11 школах, греческий - в 4 школах, уйгурский - в 3 школах, немецкий - в 1 школе. (Немецкий язык, как иностранный, изучает 950 тысяч школьников).

В республике большой учительский корпус - более 550 тысяч человек, получающий от государства максимально возможную социальную поддержку: снижены учебные нагрузки (что особенно важно для сельских учителей), предоставляются бесплатные квартиры, бесплатное отопление и освещение, на льготных условиях выделяются земельные участки.

В республике сейчас функционирует 55 высших учебных заведений, в том числе, 16 университетов, 7 медицинских институтов, 6 педагогических институтов, 4 института сельского хозяйства, 3 института культуры, 1 институт железнодорожного транспорта, 1 институт связи, в которых обучается 317 тысяч студентов, в том числе, на дневном отделении - 176 тысяч человек. 60 тысяч специалистов различного профиля уже было подготовлено для народного хозяйства Узбекистана после обретения независимости. В системе высшего образования занято 25 тысяч преподавателей, в том числе, более 1 тысячи докторов наук, 11 тысяч кандидатов наук.

ческого характера, без решения которой все остальное теряет смысл: и экономика, и политика. Под таким ракурсом отчетливей воспринимаешь масштабность и глубину того, что пытаются сделать в Узбекистане в рамках реформы школы.

Ряд замечаний Президента Каримова относительно реформы образования - несомненно, результат напряженного поиска лучших решений. Он против обнищания души школьника при обогащении информацией, за вариативное образование, главная миссия которого - расширение возможностей развития личности, обретение ею самостоятельности, за не государственное и семейное образование, традиционное для узбеков, когда старшие дети учат младших.

В соответствующей статистике обращает на себя внимание прежде всего то, что государство, действительно, на практике обеспечивает уважительное отношение к языкам, обычаям и традициям проживающих на ее территории этносов. (Данные на 1 сентября 1994 года):

язык обучения	количество школ	число учащихся (в тыс.)
узбекский	7.716	3.856
русский	1.000	459.7
казахский	605	144.9
таджикский	381	129.9
каракалпакский	345	125
туркменский	70	18.2
кыргызский	58	11.6

Кроме того, изучают родной язык: корейский - в 27 школах, крымско-татарский - в 25 школах, татарский - в 11 школах, греческий - в 4 школах, уйгурский - в 3 школах, немецкий - в 1 школе. (Немецкий язык, как иностранный, изучает 950 тысяч школьников).

В республике большой учительский корпус - более 550 тысяч человек, получающий от государства максимально возможную социальную поддержку: снижены учебные нагрузки (что особенно важно для сельских учителей), предоставляются бесплатные квартиры, бесплатное отопление и освещение, на льготных условиях выделяются земельные участки.

В республике сейчас функционирует 55 высших учебных заведений, в том числе, 16 университетов, 7 медицинских институтов, 6 педагогических институтов, 4 института сельского хозяйства, 3 института культуры, 1 институт железнодорожного транспорта, 1 институт связи, в которых обучается 317 тысяч студентов, в том числе, на дневном отделении - 176 тысяч человек. 60 тысяч специалистов различного профиля уже было подготовлено для народного хозяйства Узбекистана после обретения независимости. В системе высшего образования занято 25 тысяч преподавателей, в том числе, более 1 тысячи докторов наук, 11 тысяч кандидатов наук.

Государство содействует становлению принципиальных новых форм научной деятельности. Среди них особое место должен занимать малый инновационный бизнес, эффективность которого в части материализации новых идей и изобретений доказана мировым опытом.

В нелегком положении находится духовная культура Узбекистана. Сейчас в ней тесно переплетаются положительные сдвиги и нерешенные накопившиеся вопросы, старые беды и десятилетиями копившиеся проблемы, новые трудности и противоречия. Речь идет, однако, не о кризисе, а о специфическом состоянии культуры, когда свои проблемы она должна решать сама, но при действенной поддержке государства. Ведь это тоже из сферы социальных гарантий прав человека.

Касаясь значения, которое государство в Узбекистане придает праву граждан на охрану их здоровья, приведу только один факт, представляющийся мне очень характерным. В этой стране впервые в мире был учрежден орден двух степеней "Соғлом авлод учун" - "За здоровое поколение".

Государство содействует становлению принципиальных новых форм научной деятельности. Среди них особое место должен занимать малый инновационный бизнес, эффективность которого в части материализации новых идей и изобретений доказана мировым опытом.

В нелегком положении находится духовная культура Узбекистана. Сейчас в ней тесно переплетаются положительные сдвиги и нерешенные накопившиеся вопросы, старые беды и десятилетиями копившиеся проблемы, новые трудности и противоречия. Речь идет, однако, не о кризисе, а о специфическом состоянии культуры, когда свои проблемы она должна решать сама, но при действенной поддержке государства. Ведь это тоже из сферы социальных гарантий прав человека.

Касаясь значения, которое государство в Узбекистане придает праву граждан на охрану их здоровья, приведу только один факт, представляющийся мне очень характерным. В этой стране впервые в мире был учрежден орден двух степеней "Соғлом авлод учун" - "За здоровое поколение".

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В одном из немецких журналов в начале года была опубликована заметка, автор которой, живущий и работающий в Узбекистане, высказал добрые слова в адрес Президента Каримова. Немецкий же журнал "Фокус" тут же обозвал этого автора "придворным льстецом". "Досталось" и Федеральному Президенту Роману Герцогу в связи с его положительной оценкой деятельности Ислама Каримова. Интервьюирующий господина Герцога корреспондент строго спросил: "Вы уверены, что с Вами согласятся другие здесь в ФРГ и в других западных странах". Словом, сложилось некое табу на похвалу в адрес Президента Узбекистана. Рискну его нарушить.

И. Каримов с гордостью говорит: "Я технократ и прагматик и в этом моя сила". Добавлю: он собран из колыбелей и кладбищ, домов и мечетей, ссадин и шрамов своего народа. И в этом тоже его сила.

Если бы Президент Каримов сделал только одно из всех своих дел: остановил страшную межнациональную резню кыргызов и узбеков в Оше и Узгене, этого было бы достаточно, чтобы остаться в доброй памяти сотен тысяч людей, их детей и внуков. А сколько на земле благодарных ему за то, что он стал на пути потерявшей рассудок толпы в Фергане и других городах Узбекистана, не допустив продолжения кровавого шабаша. А как оценить его вклад в то, что сегодня не льется кровь в Таджикистане?

Так вот, если бы Президент Каримов сделал только это, "муза истории, - говоря словами великого американца Уэнделла Филиппса, - могла бы напоить перо солнечным светом и написать его имя на голубом просторе 'над нами'".

Букер Т. Вашингтон, выдающийся американский просветитель и оратор, часто рассказывал одну весьма назидательную историю. "Корабль потерял управление и в течение нескольких дней дрейфовал у берега океана, пока к нему не подошло другое судно. С мачты дрейфовавшего корабля был подан сигнал: "Воды, воды, мы умираем от жажды". Тотчас же с другого корабля был подан ответный сигнал: "Опустите ведро на том месте, где находитесь". Снова сигнал с терпящего бедствие корабля: "Воды, воды, пришлите нам воды. Иначе мы умрем". И снова ответ: "Опустите ведро там, где находитесь". Капитан внял, наконец, совету, приказал опустить ведро. Когда его подняли, оно было наполнено пресной кристально чистой водой. Оказалось, в этом месте было речное течение из устья Амазонки".

Смысл этой истории, её назидательный пафос в том, что люди должны, прежде всего, искать спасение сами, пытаться самостоятельно выйти из беды и тогда, когда на первый взгляд это кажется невозможным. Это позиция Президента Каримова.

Выступая на встрече со студентами московского университета президент США Рональд Рейган риторически спросил: "Разве нужно рассказывать на земле Достоевского о поисках истины, на родине Кандинского и Скрябина -

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В одном из немецких журналов в начале года была опубликована заметка, автор которой, живущий и работающий в Узбекистане, высказал добрые слова в адрес Президента Каримова. Немецкий же журнал "Фокус" тут же обозвал этого автора "придворным льстецом". "Досталось" и Федеральному Президенту Роману Герцогу в связи с его положительной оценкой деятельности Ислама Каримова. Интервьюирующий господина Герцога корреспондент строго спросил: "Вы уверены, что с Вами согласятся другие здесь в ФРГ и в других западных странах". Словом, сложилось некое табу на похвалу в адрес Президента Узбекистана. Рискну его нарушить.

И. Каримов с гордостью говорит: "Я технократ и прагматик и в этом моя сила". Добавлю: он собран из колыбелей и кладбищ, домов и мечетей, ссадин и шрамов своего народа. И в этом тоже его сила.

Если бы Президент Каримов сделал только одно из всех своих дел: остановил страшную межнациональную резню кыргызов и узбеков в Оше и Узгене, этого было бы достаточно, чтобы остаться в доброй памяти сотен тысяч людей, их детей и внуков. А сколько на земле благодарных ему за то, что он стал на пути потерявшей рассудок толпы в Фергане и других городах Узбекистана, не допустив продолжения кровавого шабаша. А как оценить его вклад в то, что сегодня не льется кровь в Таджикистане?

Так вот, если бы Президент Каримов сделал только это, "муза истории, - говоря словами великого американца Уэнделла Филиппса, - могла бы напоить перо солнечным светом и написать его имя на голубом просторе 'над нами'".

Букер Т. Вашингтон, выдающийся американский просветитель и оратор, часто рассказывал одну весьма назидательную историю. "Корабль потерял управление и в течение нескольких дней дрейфовал у берега океана, пока к нему не подошло другое судно. С мачты дрейфовавшего корабля был подан сигнал: "Воды, воды, мы умираем от жажды". Тотчас же с другого корабля был подан ответный сигнал: "Опустите ведро на том месте, где находитесь". Снова сигнал с терпящего бедствие корабля: "Воды, воды, пришлите нам воды. Иначе мы умрем". И снова ответ: "Опустите ведро там, где находитесь". Капитан вял, наконец, совету, приказал опустить ведро. Когда его подняли, оно было наполнено пресной кристально чистой водой. Оказалось, в этом месте было речное течение из устья Амазонки".

Смысл этой истории, её назидательный пафос в том, что люди должны, прежде всего, искать спасение сами, пытаться самостоятельно выйти из беды и тогда, когда на первый взгляд это кажется невозможным. Это позиция Президента Каримова.

Выступая на встрече со студентами московского университета президент США Рональд Рейган риторически спросил: "Разве нужно рассказывать на земле Достоевского о поисках истины, на родине Кандинского и Скрябина -

о воображении, на земле благородной богатой культуры узбекского поэта Алишера Навои - о красоте и сердечности." Президент Каримов считает: нужно.

Один из главных принципов, которым он привержен, - это возрождение национальной гордости, это информированный и просвещенный патриотизм. Каждый человек, живущий на земле Узбекистана, должен умом и сердцем своим чувствовать, что такое эта страна для него и для всего мира. Чувство это должно каждый день формироваться в семье и школе, впитываться из общественной культуры.

Подобно дереву, в котором сохраняется жизнь во все времена года, дереву, уходящему корнями в землю и черпающему жизнь от солнца, все позитивные перемены также должны уходить корнями в традиционные ценности, в культуру и землю, в семью и коллектив. Они должны черпать силу от вечных истин, от источника самой жизни - от веры, пришедшей к сегодняшним поколениям узбеков от их предков. Вот импульсы политической воли нового Узбекистана.

Это путь Президента Ислама Каримова, который, пожалуй, единственный из лидеров новых независимых государств связал выход из кризиса, прежде всего, возможностями, потенциалом своего народа, заложенных в нем историей, традициями, с его удивительным национальным характером, с природными ресурсами страны. Путь этот, разумеется, не был усеян розами и лилиями, но он оказался верным путем, принесшим, большие, ощутимые успехи.

На протяжении четырех лет своей государственной независимости Узбекистан жил в условиях достаточной стабильности, как одной из основ его экономических успехов, и недостаточной (во многом, по причинам объективного характера) свободы. Теперь перед Президентом Каримовым стоит великая цель: добиться свободы в условиях стабильности. Добиться того, чтобы Узбекистан стал в Средней Азии поистине школой открытости и терпимости.

Опыт всех посткоммунистических стран, особенно постсоветских, подтвердил глубокую деструктурность преждевременного развертывания демократических институтов, для которых еще не созрели объективные условия. Опыт этот, воспринятый в Узбекистан, свидетельствует о необходимости зрелого нахождения на рубежах той неполной демократии, которая совместима с нуждами укрепления государственности, как ее же демократии опоре.

Вместе с тем Президент Каримов в последнее время неоднократно предъявлял мировому сообществу доказательства того, что он не считает авторитаризм идеальной формой политического режима для Узбекистана, что он готов предпринять достаточно энергичные усилия для того, чтобы авторитаризм не приобрел необратимого характера, чтобы усилить перспективы демократического развития.

Такая позиция Президента, по-видимому, продиктована, в известной мере, и опасностью номенклатурной оппозиции новому этапу реформ. Эти

о воображении, на земле благородной богатой культуры узбекского поэта Алишера Навои - о красоте и сердечности." Президент Каримов считает: нужно.

Один из главных принципов, которым он привержен, - это возрождение национальной гордости, это информированный и просвещенный патриотизм. Каждый человек, живущий на земле Узбекистана, должен умом и сердцем своим чувствовать, что такое эта страна для него и для всего мира. Чувство это должно каждый день формироваться в семье и школе, впитываться из общественной культуры.

Подобно дереву, в котором сохраняется жизнь во все времена года, дереву, уходящему корнями в землю и черпающему жизнь от солнца, все позитивные перемены также должны уходить корнями в традиционные ценности, в культуру и землю, в семью и коллектив. Они должны черпать силу от вечных истин, от источника самой жизни - от веры, пришедшей к сегодняшним поколениям узбеков от их предков. Вот импульсы политической воли нового Узбекистана.

Это путь Президента Ислама Каримова, который, пожалуй, единственный из лидеров новых независимых государств связал выход из кризиса, прежде всего, возможностями, потенциалом своего народа, заложенных в нем историей, традициями, с его удивительным национальным характером, с природными ресурсами страны. Путь этот, разумеется, не был усеян розами и лилиями, но он оказался верным путем, принесшим, большие, ощутимые успехи.

На протяжении четырех лет своей государственной независимости Узбекистан жил в условиях достаточной стабильности, как одной из основ его экономических успехов, и недостаточной (во многом, по причинам объективного характера) свободы. Теперь перед Президентом Каримовым стоит великая цель: добиться свободы в условиях стабильности. Добиться того, чтобы Узбекистан стал в Средней Азии поистине школой открытости и терпимости.

Опыт всех посткоммунистических стран, особенно постсоветских, подтвердил глубокую деструктурность преждевременного развертывания демократических институтов, для которых еще не созрели объективные условия. Опыт этот, воспринятый в Узбекистан, свидетельствует о необходимости временного нахождения на рубежах той неполной демократии, которая совместима с нуждами укрепления государственности, как ее же демократии опоре.

Вместе с тем Президент Каримов в последнее время неоднократно предъявлял мировому сообществу доказательства того, что он не считает авторитаризм идеальной формой политического режима для Узбекистана, что он готов предпринять достаточно энергичные усилия для того, чтобы авторитаризм не приобрел необратимого характера, чтобы усилить перспективы демократического развития.

Такая позиция Президента, по-видимому, продиктована, в известной мере, и опасностью номенклатурной оппозиции новому этапу реформ. Эти

реформы, как уже сказано, судя по всему вступил в противоречие с интересами определенного достаточно влиятельного слоя бюрократии. На стороне Президента рабочие и крестьяне, предприниматели и новая молодая интеллигенция, на стороне Президента подавляющее большинство народа Узбекистана.

Ислам Каримов хорошо понимает, что полуавторитарная и полудемократическая эволюция общественной жизни явно сложнее чисто авторитарного развития. Она требует проведения более гибкой, менее однозначной политики, связанной в каждом отдельном случае, в каждой отдельной властной акции своей меры полуавторитарности и полудемократичности, своих способов использования авторитарных мер, позволяющих не только сохранять существенные элементы демократии, но и готовить почву для последующего расширения демократических норм и институтов. Именно в таком понимании Исламом Каримовым сегодняшних реалий общественной жизни республики основа заявленной им политики сдержанности, умеренности, компромисса.

На исходе века и тысячелетия Узбекистан достойно заканчивает наполненную величайшими потрясениями и удивительными изменениями эпоху своей жизни. И стоит перед новым тысячелетием, исполненный надежд и веры.

Примем же за истину право народа Узбекистана самому познавать и объяснять свою жизнь, самому выбрать среди множества звезд мира свои звезды, свой свет охранительных маяков народной истории.

В истории этой, по словам Гете, "таинственной мастерской Господа Бога", есть события, повторяющиеся с удивительной последовательностью то в одной, то в другой части Света. Некоторые историки, рассуждая о разной судьбе двух великих революций конца 18 века - французской и американской - пишут примерно следующее: Французская революция отвергла Бога и якобинская диктатура захлебнулась в крови. Американская революция совершалась с Богом в душе ее творцов и исполнителей. Поэтому она победила и идет от успеха к успеху. В этих рассуждениях есть, по-видимому, сокровенный смысл.

В таком ракурсе историческая судьба Узбекистана внушает оптимизм. Узбекистан, который живет в сфере человеческих сердец, как истинное содружество перед лицом общей судьбы настоящего и будущего поколений, с Богом в душе, такой Узбекистан не может не вызывать воодушевления не только у его граждан, но и во всем мире.

Представление этой книги, написанной профессором доктором Левитиным и профессором доктором Карлайлом является для нас - ее издателей и спонсоров - большой радостью и честью.

Оба автора - выдающиеся специалисты и знатоки политической и экономической ситуации в Средней Азии. Это, несомненно, делает издание данной книги существенным вкладом в улучшение взаимопонимания и расширение экономических и культурных связей между Узбекистаном и странами Запада.

AGROTEC
ВЕНА/АВСТРИЯ

Представление этой книги, написанной профессором доктором Левитиным и профессором доктором Карлайлом является для нас - ее издателей и спонсоров - большой радостью и честью.

Оба автора - выдающиеся специалисты и знатоки политической и экономической ситуации в Средней Азии. Это, несомненно, делает издание данной книги существенным вкладом в улучшение взаимопонимания и расширение экономических и культурных связей между Узбекистаном и странами Запада.

AGROTEC
ВЕНА/АВСТРИЯ

66.2 (5У)
Л 36

© Агротек, Вена, Австрия, 1995.
© Издательство "Узбекистон", Ташкент, 1996.

ISBN 5-640-02105-5

Отпечатано на арендном предприятии Ташполиграфкомбината Госкомитета
Республики Узбекистан по печати. Заказ № Д-352